

Ф. С. Горовой

**ОЧЕРКИ
РЕВОЛЮЦИИ 1905-1907 гг.
НА УРАЛЕ**

МОЛОТОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОЛОТОВ 1935 г.

63.3(2Р.4П)
ГЗО
90/12/12/113
ГЗО
Ф. С. ГОРОВОЙ

О Ч Е Р К И
РЕВОЛЮЦИИ
1905—1907 годов
НА УРАЛЕ

3/1263
(По материалам Пермской губернии)

МОЛОТОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
г. Молотов 1955 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. — Положение Урала накануне первой революции. Массовое рабочее и крестьянское движение. Создание и деятельность социал-демократических организаций на Урале	7
Глава II. — Начало революции в России и его отражение на Урале. Массовое движение в Пермской губернии весной 1905 года	43
Глава III. — Подъем революционного движения на Урале с мая по сентябрь 1905 года	59
Глава IV. — Всеобщая октябрьская политическая стачка и декабрьское вооруженное восстание на Урале	95
Глава V. — Отступление революции	132
Заключение	165

Федор Семенович Горовой

ОЧЕРКИ РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 ГОДОВ НА УРАЛЕ

Редактор *Б. Н. Назаровский*
Художник *М. Я. Косинский*
Технический редактор *К. И. Лапрун*
Корректор *Г. В. Семченко*

Сдано в набор 9/VII 1955 г. Подписано к печати 10/X 1955 г.
Бумага 84×108_{1/2} — 2,62 б. л., 8,57 п. л., уч.-изд. 9,45 л.
ЛБ00518. Тираж 5000 экз. Цена 3 р. 20 к.
Молотовское книжное издательство, ул. Карла Маркса, 30.

2-я книжная типография Облполиграфиздата.
г. Молотов, ул. Коммунистическая, 57. Зак. 622.

ВВЕДЕНИЕ

Первая русская революция 1905—1907 годов, пятидесятилетие которой отмечает советский народ, явилась прологом Великого Октября. Руководящей силой этой первой революции эпохи империализма выступил пролетариат, возглавивший своего союзника — крестьянство. Являясь по своему содержанию буржуазно-демократической, первая русская революция по средствам борьбы (стачки, вооруженное восстание) была пролетарской революцией. Исключительно большую роль в революции играла борьба крестьян против помещичьего землевладения. Поэтому первую русскую революцию нужно считать также крестьянской революцией.

Угнетенные массы России боролись в этой революции за установление демократической республики, за восьмичасовой рабочий день, за ликвидацию помещичьего землевладения, то есть за требования, которые были выдвинуты в социал-демократической программе-минимум.

В годы первой русской революции большевистская партия, опираясь на основы ленинской теории социалистической революции, держала курс на развертывание и победу народной революции и на перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую. В процессе революции творчеством масс были созданы органы революционной власти — Советы, которым суждено было стать государственной формой диктатуры пролетариата. Роль народных масс как творцов истории в славных событиях 1905—1907 годов, авангардная роль в этих событиях созданной великим Лениным большевистской партии и определили тот факт, что первая народная революция эпохи

империализма явилась генеральной репетицией социалистической революции 1917 года.

Коммунистическая партия всегда уделяла много внимания и придавала большое значение изучению и пропаганде опыта первой революции в России.

В. И. Ленин в 1907 году в известной работе «Против бойкота» писал: «На русскую социал-демократию, несомненно, ложится обязанность самого тщательного и всестороннего изучения нашей революции, распространения в массах знакомства с ее формами борьбы, формами организации и пр... Нам надо позаботиться, — и кроме нас некому будет позаботиться, — о том, чтобы народ знал эти полные жизни, богатые содержанием и великие по своему значению и своим последствиям дни...»¹

Русская революция 1905—1907 годов своими идеями, организационными принципами и тактическими средствами борьбы пополнила опыт не только русского, но и мирового революционного движения. Боевой опыт первой русской революции изучают трудящиеся капиталистических стран и угнетенные массы колоний и полуколоний, использующие его в борьбе против колониального рабства, за свержение империализма, за прочный мир и демократию, за социализм.

Знакомясь с революционным опытом и традициями своих отцов и старших товарищей, познавая тот героический путь, который прошел рабочий класс нашей страны, молодые строители коммунизма еще упорнее борются за расцвет нашей отчизны.

На огромной территории многонациональной России исторические события революции 1905—1907 годов по своим масштабам и формам проявления были не одинаковы. В различных районах страны, благодаря местным специфическим условиям, они имели свои характерные черты. Одним из таких районов, в котором был сосредоточен значительный отряд рабочего класса, являлся Урал, расположенный в основном на территории крупнейшей губернии России — Пермской губернии.

В области изучения революции 1905—1907 годов на Урале советскими историками в последнее время проделана значительная работа.

В 1946 году Молотовским областным издательством

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 13, стр. 24.

была опубликована книга Ф. Е. Мельникова «Западный Урал в революции 1905—1907 гг.». Она представляет собой изученное исследование ряда важнейших исторических событий периода первой русской революции в районе Прикамья. В работе использован большой фактический материал, привлеченный автором из архивов и музеев Молотова и Свердловска, периодической печати того времени, воспоминаний ряда участников событий, а также других литературных источников и исследований. Несмотря на узкие географические рамки охвата событий, некоторые ошибки и неточности, допущенные автором, исследование Ф. Е. Мельникова не потеряло своего положительного значения и в наши дни.

Более широким по охвату событий является выпущенный в 1951 году труд коллектива свердловских историков «Очерки истории большевистских организаций на Урале». В нем обобщены основные достижения советской историко-партийной литературы в области изучения деятельности социал-демократических организаций Урала в дооктябрьский период.

Однако следует отметить, что в первых главах «Очерков», включающих и революционные события 1905—1907 годов, их автор Ф. П. Быстрых высказывает одно принципиально ошибочное положение. Он утверждает, что якобы по мнению В. И. Ленина «громдадное большинство» уральских рабочих в конце XIX века «совершенно порвало с землей и живет исключительно продажей рабочей силы»¹.

Но, во-первых, оценка В. И. Ленина, на которую ссылается в книге Ф. П. Быстрых, относится ко всем 444 тысячам горнорабочих России (Урал, Юг, Кавказ, Польша), среди которых горнорабочие Урала составляли только 54 процента. Во-вторых, нужно учитывать всю ленинскую концепцию истории формирования рабочего класса Урала. Ф. П. Быстрых делает неправильно, забывая важнейшее методологическое указание В. И. Ленина о том, что низкая заработная плата на Урале в конце XIX века — «результат прикрепления рабочих к земле»². При этом В. И. Ленин имел в виду, разумеется, основную массу горнозаводского населения Урала.

¹ Очерки истории большевистских организаций на Урале, Свердловск, 1951, стр. 14.

² В. И. Ленин, Соч., том 2, стр. 420.

Содержательной и интересной для понимания ряда событий в жизни революционного Урала является работа Ф. А. Александрова «Ленинская «Искра» на Урале». Но она посвящена одному вопросу — влиянию «Искры» на социал-демократическое и революционное движение на Урале в 1900—1903 годах и поэтому, естественно, не охватывает всех интересующих нас вопросов.

Учитывая запросы местных историков-краеведов, учителей истории школ, преподавателей и студентов исторических факультетов вузов, а также лиц, занимающихся самообразованием и интересующихся местной историей, мы поставили перед собой в настоящей работе скромную задачу: на основе имеющихся исследований, опубликованных источников, а также неопубликованных документов и материалов, хранящихся в архивах Москвы, Ленинграда, Свердловска, Молотова и Казани, дать краткий очерк революционных событий в 1905—1907 годах на территории бывшей Пермской губернии.

В работе использованы материалы подготовляемого к печати Молотовским областным государственным и Молотовским областным партийным архивами сборника документов «Революция 1905—1907 гг. в Прикамье». Пользуясь случаем, выражаю искреннюю признательность научным сотрудникам указанных архивов Е. Н. Лукьяновой, Н. А. Аликиной, Л. П. Шадриной и С. А. Ларкину за их ценную помощь, оказанную автору при сборе материалов для написания работы.

ГЛАВА I

ПОЛОЖЕНИЕ УРАЛА НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦИИ. МАССОВОЕ РАБОЧЕЕ И КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ. СОЗДАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА УРАЛЕ

Первая русская революция была вызвана глубокими социально-экономическими причинами, сложившимися в России к началу XX века.

Период с падения Парижской Коммуны до первой русской революции (1872—1904 годы) известен в истории как «мирный» период. Это была, как писал В. И. Ленин, эпоха, когда «Запад с буржуазными революциями покончил. Восток до них еще не дорос»¹.

В это время центр революционного движения перемещается из Европы в Россию.

В начале XX века и в России капитализм вступает в свою высшую и последнюю стадию развития — империализм. Но в России монополистический капитализм был переплетен с остатками феодально-крепостнических порядков. В связи с этим империализм нашей страны носил своеобразный военно-феодальный характер. Трудящиеся нашей страны находились под усиленным гнетом царизма, капиталистов и помещиков. Интересы русского царизма сливались с интересами иностранного капитала, все больше проникавшего в Россию. Поэтому народы России, выступая против гнета царизма, выступали вместе с тем против всей системы мирового империализма. Это придавало революции в России международный характер.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 545.

В упорных классовых боях конца XIX и начала XX веков пролетариат России вырос в грозную политическую силу. По степени своей организации и своей сознательности возглавляемый марксистской партией российский пролетариат способен был стать гегемоном народной революции.

Обреченное на безземелье и помещичью кабалу крестьянство России находилось в хронической нищете и голоде. Десять миллионов крестьян имели примерно столько же земли (70 миллионов десятин), сколько тридцать тысяч помещиков. Если в среднем на одного помещика приходилось 2300 десятин земли, то крестьяне вынуждены были вести свои хозяйства на площади в 1—2 десятины земли. Невыносимо тяжелое положение революционизировало крестьян, подымало их на борьбу против помещиков, делало их союзником рабочего класса в предстоящей революции.

Россия являлась «тюрьмой народов». Многочисленные нерусские народности испытывали тягчайший гнет как русских, так и «своих» эксплуататоров. Все народы России, цементируемые русским рабочим классом, подымались на борьбу против царизма, за политические права и свободы.

Революцию ускоряла несправедливая с обеих сторон русско-японская война, которая потребовала больших материальных и человеческих жертв. Она усилила возмущение народных масс и приблизила революционные события.

Некоторые черты, характерные для России тех лет, а именно переплетение гнета монополистического капитализма и феодально-крепостнического гнета, были особенно ярко выражены на Урале. Главной особенностью экономической жизни Урала было наличие горнозаводской промышленности, накладывавшей отпечаток на все стороны жизни огромного края.

Уральские горнозаводчики были в то же время крупнейшими землевладельцами. По данным, приводимым В. И. Лениным, в 1890 году при 111 уральских заводах числилось 10,2 миллиона десятин земли, в том числе 7,7 миллиона десятин леса. Таким образом, в среднем каждый уральский завод владел огромным земельным участком, размером около 100 тысяч десятин земли¹. Это

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 425.

положение сохранялось на Урале и к моменту первой русской революции. В 1904 году в распоряжении горно-металлургических заводов Пермской губернии было 8947,5 тысячи земли и леса, что составляло 31 процент территории всей губернии. В среднем вокруг каждого казенного завода была земельно-лесная дача в 226 тысяч десятин, частновладельческого — 117,4 тысячи десятин и посессионного — 83,8 тысячи десятин¹.

Такие латифундии, находившиеся в руках уральских горнозаводчиков, были пережитком феодально-крепостнических порядков.

В начале XX века Россия переживала экономический кризис. За период кризиса — с 1900 по 1903 год — резко сократилось промышленное производство, было закрыто до 3 тысяч предприятий, выброшено на улицу свыше 100 тысяч рабочих.

Общероссийский кризис отразился и на горнозаводской промышленности Урала. Производительность горных заводов падала, общий объем их продукции сокращался. При этом на Урале кризис был более длительным и перешел в депрессию, затянувшуюся до 1912 года.

Производство чугуна на Урале упало с 50,2 миллиона пудов в 1900 году до 40,1 миллиона пудов в 1904 году. В 1905 году выплавка чугуна несколько повысилась — до 41,4 миллиона пудов, но затем снова сократилась до 34,9 миллиона пудов в 1909 году и только в 1916 году поднялась до 50,6 миллиона пудов, то есть до предкризисного уровня².

Производительность горных заводов Пермской губернии, охватывающей основные промышленные районы Урала, в тысячах пудов чугуна в период 1900—1907 годов видна из следующей таблицы³:

1900	1903	1905	1906	1907
34567 100%	27736 80,2%	30790 88,8%	28795 83,3%	26800 77,5%

¹ Данные обобщены по статистике земледелия, вып. 40, Пермская губерния, СПб, 1906.

² С. П. Сигов, Очерки горнозаводской промышленности Урала, Свердловск, 1936, стр. 111.

³ Данные обобщены на основе «Обзоров Пермской губернии» за 1907 год, МОГА, ф. 65, оп. 1, д. 2, 131, лл. 15 и 138 об.

Следует иметь в виду, что производительность горно-металлургических заводов несколько повысилась в 1905 году исключительно в связи с увеличением военных заказов Лысьвенскому, Мотовилихинскому, Чусовскому, Юго-камскому и некоторым другим заводам. После же уменьшения военных заказов производительность горных заводов вновь резко сократилась.

От кризиса не спаслись и существовавшие в начале XX века в Пермской губернии капиталистические объединения: Камское акционерное общество, Богословское горнозаводское общество, Сергинско-Уфалейское товарищество, Кыштымское акционерное общество, Общество Шайтанских заводов, Невьянское общество. Так, продукция заводов Кыштымского акционерного общества только за один 1906 год сократилась на 41,6 процента; Невьянского общества — на 57 процентов, общества Шайтанских заводов — на 62,8 процента¹.

Кризис Урала усугублялся рядом причин: его технической отсталостью по сравнению с Югом, уменьшавшей конкурентную способность уральского металла на рынках сбыта; недостаточностью железнодорожных путей, связывающих Урал с рынками центральной России; медленной оборачиваемостью капитала в связи с необходимостью для большинства заводов создавать годовые запасы сырья и топлива.

Нерационально организованная древесноугольная металлургия Урала не могла выдержать конкуренции коксовой металлургии Юга. Уральские же горнозаводчики-монополисты, привыкшие загребать огромные прибыли благодаря наличию прикрепленной к месту дешевой рабочей силы, беспечно и бесхозяйственно относились к будущности своих заводов. По признанию пермского губернатора, пермские заводладельцы тратили «в годы процветания заводов полностью все доходы с них на удовлетворение личных прихотей и капризов и не позаботились обеспечивать заводы не только запасными, но и необходимыми оборотными капиталами»².

Затяжной уральский кризис тяжело отразился на положении рабочего класса. В период кризиса на Урале закрылось 12 заводов, а на ряде других производство было

резко сокращено. Десятки тысяч рабочих оказались выброшенными на улицу и пополнили ряды армии безработных. За время с 1900 по 1905 год количество занятых на горных заводах Урала рабочих сократилось с 172,1 тысячи до 145,8 тысячи, то есть на 26,3 тысячи, или на 15,2 процента. В 1903 году количество безработных на Урале доходило уже до 43 тысяч¹.

Следует учитывать, что эти данные страдают значительной неточностью. Они указывают только на количество полностью безработных и не отражают скрытой безработицы, особенно характерной для Урала.

К началу XX века, по данным земства, на заводах Пермской губернии было занято только около половины трудоспособного оседлого горнозаводского населения и пришлых рабочих. В обстановке большого избытка рабочей силы на заводах Пермской губернии установился порядок, по которому работа на заводах делилась между несколькими группами рабочих. Каждая из групп находилась на работах только часть дней в неделю, или недель в месяц, а иногда и часов в день, разумеется, с соответствующим снижением заработной платы. Остальное время составляли так называемые «гулевые» дни. Это была скрытая безработица.

Из 81 действующего завода Пермской губернии в 1900 году «гулевые» дни или смены не имели места только на 22 заводах. На других 22 заводах «гулевые» дни составляли от 10 до 25 процентов, а на 37 заводах (то есть немногим менее половины общего их числа) они доходили до 50—75 процентов².

Система «гулевых» дней получила особенно широкое применение в период кризиса. Так, на Шемахинском и других заводах Красноуфимского уезда в 1903 году рабочим приходилось «гулять без дела 3—4 дня в неделю»³.

Следовательно, полная и частичная безработица охватывала значительную часть уральского пролетариата и тяжело отражалась на его положении.

¹ Данные обобщены на основе «Сборников статистических сведений о горнозаводской промышленности России» за соответствующие годы.

² Сведения заимствованы из «Материалов к выяснению вопроса об обеспечении горнорабочего населения Пермской губернии в продовольственном отношении». Пермь, 1900.

³ МОГА, ф. 149 с., оп. 1, д. 12, л. 8.

¹ МОГА, ф. 65, оп. 1, д. 2193, лл. 15 и 138.

² Там же, л. 139.

Положение рабочих Пермской губернии перед первой народной революцией определялось также спецификой формирования уральского пролетариата. Большинство горнозаводского населения Урала после отмены крепостного права, кроме своего дома и усадьбы, получило в надел покосные и полевые земельные участки. В 1905 году землевладение горнозаводского населения Пермской губернии определялось следующими данными о количестве земли на наличную душу мужского пола. На посессионных заводах среднегубернский надел равнялся 2,88 десятины, на частных заводах колебался от 0,3 до 4 десятины (в среднем около 1 десятины), на казенных заводах Пермского уезда — 4 десятины, Осинского — 5 десятины, Соликамского — 2,3 десятины, Кунгурского — 5,6 десятины, Верхотурского — 5,9 десятины, Камышловского — 4 десятины¹.

Вместе с тем следует иметь в виду, что к концу XIX века рабочий класс Урала пополнился и за счет так называемых пришлых или иногородних рабочих, то есть за счет рабочих, порвавших связь с землею, разорившихся крестьян и мелкой буржуазии уральских и других губерний. На Мотовилихинском, Лысьвенском, Верх-Исетском и некоторых других заводах пришлые рабочие составляли до 50 процентов всей рабочей силы². А на некоторых заводах, как, например, Чусовском, Пермского уезда, Надеждинском и Сосвинском, Верхотурского уезда, все рабочие были пришлые³. Всего в Пермской губернии в 1902 году насчитывалось 31 802 пришлых или иногородних рабочих, что составляло около 25 процентов всех занятых рабочих⁴.

Осуществление реформы 1861 года среди горнозаводского населения Урала (особенно на частных заводах) затянулось. В 1907 году из 56 850 ревизских душ горнозаводского населения вотчинных заводов 32 143 души «получили усадьбу и частью полевую землю», в отношении 1394 душ «вопрос о выкупе наделов находился на рассмотрении», а 23 313 душ «оставались в обязательных отноше-

ниях к заводоладельцам»¹. Отсюда следует, что около 40 процентов рабочих вотчинных заводов даже в 1907 году находились в зависимых полукрепостнических отношениях к заводоладельцам. Это вынужден был признать и Совет съездов горнопромышленников Урала, который в своем отчете за период с 1904 по 1906 год отмечал, что «прочного устройства земельных отношений на Урале за полвека со времени реформы 1861 года не достигнуто, и население попрежнему так или иначе остается прикрепленным к заводам»².

Ф. Энгельс указывал, что собственный дом, огород, земельный участок, привязывавшие рабочего к месту, являлись «основой беспримерного снижения заработной платы»³.

Именно такое положение и сложилось на Урале. Пользуясь привязанностью рабочих к заводу и ссылаясь на клочки земельных наделов как на «экономическое подспорье», которым рабочий располагает, уральские заводоладельцы резко понижали заработную плату. Как подчеркивал один из работавших на Урале пропагандистов-марксистов С. Залкинд в докладе-беседе, проведенной им в 1904 году, «жалкие остатки недвижимой собственности, сохранившиеся у горнозаводских рабочих в виде домика с огородом, прикрепляют их к месту, ослабляют их силу отпора, понижают их жизненный и культурный уровень»⁴. По подсчетам, сделанным в конце XIX века В. И. Лениным, на основе данных о нескольких тысячах рабочих, средний годовой заработок рабочего Урала составлял 177 рублей, а рабочего Юга — 450 рублей⁵. Таким образом, заработная плата уральского рабочего была примерно в два с половиной раза ниже заработной платы южнорусского рабочего.

По заявлению рабочих Мотовилихинского завода, сделанному ими в 1902 году, их заработок в цехах равнялся 12—15 рублям в месяц, а на вспомогательных работах — 30—40 копейкам в день⁶. Исследовавший вопросы зара-

¹ Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (в дальнейшем ЦГИАЛ), ф. 1263, б/оп., Отчет пермского губернского за 1905 г., л. 505.

² Очерки истории большевистских организаций на Урале, Свердловск, 1951, стр. 13.

³ МОГА, ф. 10, с. 162, оп. 1, д. 124, л. 107.

⁴ Там же, ф. 65, оп. 3, 33 лл. 1—111.

¹ МОГА, ф. 65, оп. 1, д. 2131, л. 142.

² ЦГИАЛ, ф. 54, оп. 1, д. 81, л. 86.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. 1, М., 1951, стр. 511.

⁴ Центральный государственный исторический архив в Москве (в дальнейшем ЦГИАМ), ф. ДП, 005 ч., 13 л. А/1904 г., л. 60.

⁵ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 426.

⁶ МОГА, ф. 149 с., оп. 1, д. 7, л. 2; ф. 160, оп. 2, д. 9, л. 17.

ботной платы уральских рабочих Е. И. Рагозин приводит данные, согласно которым в начале XX века рудокопы получали 40—60 копеек в день, углекопы — 50—60 копеек, рабочие доменного цеха — 50 копеек, молотобойцы — 40—50 копеек, сверлильщики — 50—60 копеек, кочегары — 60—70 копеек. Труд женщин и подростков оплачивался примерно по 15 копеек в день. И только незначительная часть наиболее квалифицированной рабочей силы (мастера, машинисты, их помощники) получали по 20—30 рублей в месяц¹.

В период кризиса 1900—1903 годов и эта заработная плата на большинстве заводов резко снижалась. Например, до кризиса на Бисерских рудниках в кайловых забоях рабочим платили 12—15 рублей в месяц, а в буровых забоях даже 18—20 рублей. В период же кризиса заработная плата уменьшилась до 6 рублей в первом случае и до 8 рублей во втором². На Ревдинском заводе до кризиса месячная заработная плата рабочих равнялась 18—20 рублям, в годы кризиса она понизилась до 6—7 рублей³. Цены же на продовольствие и фураж в эти годы выросли на 17—30 процентов⁴. Рост дороговизны тяжело отражался на положении рабочих.

В связи с безденежьем, то есть острым недостатком оборотных капиталов у заводов, заработная плата выплачивалась нерегулярно. На ряде заводов рабочим вместо денег выдавали специальные ордера или даже продукцию завода — железо. Как свидетельствуют документы на Нижне-Тагильских заводах, «выдаваемые заводоуправлением, ввиду хронического безденежья, в заработную плату рабочих вместо денег долговые обязательства или ордера, реализуются рабочими у местных торговцев со скидкой до 50% номинальной их стоимости»⁵. Рабочие Кыштымских заводов были доведены длительной невыплатой заработной платы до такого состояния, что соглашались получать расчет железом со скидкой 20% установленной цены⁶. Все это еще больше понижало и без того низкую заработную плату уральских рабочих.

¹ Сведения обобщены по книге Е. И. Рагозина «Железо и уголь на Урале», СПб, 1902.

² МОГА, ф. 160, оп. 1, д. 36, л. 8.

³ Очерки истории большевистских организаций на Урале, стр. 33.

⁴ МОГА, ф. 132, д. 45, лл. 301—302.

⁵ Там же, ф. 65, оп. 1, д. 2131, л. 138 об.

⁶ Там же, д. 1151, лл. 233—237.

Рабочий день на заводах Пермской губернии официально устанавливался в 10—12 часов, но фактически был больше. Например, на литейном заводе Сорокина в Перми по правилам, записанным в рабочих книжках, рабочие должны были заканчивать двенадцатичасовой день в 6 часов вечера, а между тем, как указывали сами рабочие, их «заставляли работать до 10 часов вечера, причем эти лишние часы не отмечались»¹. Такое же положение наблюдалось на Ревдинских, Невьянских, Шайтановских и других заводах Пермской губернии.

Ленинская «Искра» указывала, что эксплуатация рабочих Урала накануне революции была настолько чудовищной, что она чуть-чуть не переходила «черты, за которой началось бы искоренение рабочего населения Урала (недаром, ведь, процент детской смертности в Пермской и Уфимской губерниях является самым высоким из всей России)»².

Над угнетенными массами пролетариев Урала стояла орава заводской администрации. Многие управители цехов, мастера издевались над рабочими, рукоприкладствовали. Вот как в одном из стихотворений, относящемся к 1903 году, изображается деятельность управителя снарядного цеха Мотовилихинского завода Назарова:

«Управитель наш Назаров
Одним словом — молодец:
Сколько он влепил ударов,
Счет теряешь наконец.

Бьет он в рыло, бьет и в шею,
Бьет в затылок, по спине.
Так удары сыплет щедро,
Что мутится в голове».

Описав тяжелое положение рабочих, которых Назаров «прижимает» и «хочет голодом морить», автор стихотворения заканчивает его следующими словами:

«Грозно требовать свободы
Надо, братцы, нам скорей,
Европейские народы
Много лет живут уж с ней.

¹ МОГА, ф. 149 с., оп. 1, д. 12, л. 7.

² «Искра», № 45, 1903 год.

Так и мы по их примеру
За свободу в бой пойдем,
К братству истинную веру
Мы в своих сердцах найдем»¹.

По занятию населения сельским хозяйством Пермскую губернию можно было разделить на три части.

В северной части, где климат суровее, земледелие было слабо развито. Население этой части губернии занималось преимущественно охотой, рыбной ловлей и частично скотоводством.

В центре губернии население группировалось главным образом вокруг горных заводов и промыслов. Здесь земледелие являлось для него подспорьем.

Наконец, третья часть губернии—это ее южные и юго-восточные уезды. Черноземные, густонаселенные Шадринский, Камышловский и отчасти Екатеринбургский уезды справедливо считались житницей местного края. В этом районе земледелие составляло почти исключительное занятие сельского населения. Сельскохозяйственный характер имели Осинский, Оханский, Кунгурский и отчасти Пермский уезды.

Сельское население Пермской губернии к началу XX века состояло в основном из бывших в прошлом различными по своему положению трех категорий крестьян: государственных, помещичьих и удельных. В то время как в руках казны, удельного ведомства и дворян в Пермской губернии к моменту революции 1905 года сохранялось 18 132 900 десятин земли, крестьяне всех трех категорий получили в надел только 8 337 500 десятин земли, то есть 31,5 процента. Ни в одной губернии России не было такого крупного помещичьего землевладения, как в Пермской. В 1905 году 99 владельцев-дворян располагали земельным массивом в 6 721 500 десятин, что давало в среднем на одного владельца 67 894 десятины. В то же время 520 466 крестьян-владельцев имели в своем распоряжении лишь 8 337 500 десятин земли, или в среднем на каждый двор 16,1 десятины. Таким образом, на помещичье имение приходилось земли в 4217 раз больше, чем на крестьянский двор². К этому следует до-

бавить, что крестьянское землевладение Пермской губернии начала XX века характеризовалось исключительно чересполосицей. По официальным донесениям обычный «крестьянский двор, пользующийся наделом в 15—20 десятин, имел эту землю небольшими клочками, разбросанными в 10—15 местах»¹. Значительная часть выделенной крестьянам земли была непригодной для сельскохозяйственного пользования.

31265
Крестьянство Пермской губернии накануне революции представляло собой экономически неоднородную массу. Здесь, как и по всей стране, шел процесс «раскрестьянивания», то есть расслоения на крестьянскую бедноту и сельскую верхушку — кулачество. Такое расслоение отражалось на распределении земли и тягловой силы. 89 тысяч дворов крестьянской бедноты владели 219 тысячами десятин земли, то есть в среднем 3 десятинами на двор, а 14,8 тысячи дворов имели в своем распоряжении 4070 тысяч десятин земли, или более 20 десятин на двор. Распределение тягловой силы среди крестьянских хозяйств было также далеко неравномерным. Так, например, в Екатеринбургском уезде было 20 процентов безлошадных дворов, Красноуфимском — 24,8 процента, Шадринском — 39 процентов. В то же время в Екатеринбургском уезде 20 процентов крестьянских дворов имели по 4—7 и более лошадей².

Следует иметь в виду, что с момента отмены крепостного права до 1905 года количество сельского населения увеличивалось, а земельные наделы крестьян оставались почти неизменными. Это вело к тому, что надел на наличную душу населения фактически уменьшался.

Крестьяне Пермской губернии жаловались в правительственные органы на то, что они страдают от чересполосицы и безземелья. По поводу этих крепостнических пережитков газета «Пермский край» писала: «Местные крестьяне угнетены малоземельем, чересполосицей, разбросанностью своей земли, в которую предательски, словно нарочно для потрав, врезались клочки помещичьих земель. В силу такого положения они волей-неволей идут работать

¹ МОГА, ф. 160, оп. 2, д. 9, лл. 15—15 об.

² Данные о землевладении обобщены на основе «Статистики землевладения, 1905 год». Вып. 40, СПб., 1906.

¹ МОГА, ф. 65, оп. 1, д. 2, 142, л. 31.

² Революция 1905—1907 годов в национальных районах России, М., 1949, стр. 667.

к соседям землевладельцам за бесценок, за ничего не стоящие для заводчика покосы, пастбища и т. д.»¹.

Пермская губерния отличалась своей многонациональностью. Кроме русских, здесь жили татары, башкиры, коми-пермяки, а также манси, марийцы, удмурты и др. Подвергаясь социальному и национальному гнету, нерусское население Пермской губернии было резервом революционной борьбы.

Большие остатки феодально-крепостнических отношений в деревне Пермской губернии в начале XX века составляли тот фон, на котором происходила борьба уральских крестьян за землю накануне и в период первой русской революции.

* * *

Промышленный кризис 1900—1903 годов, сопровождавшая его безработица, а также усилившиеся позже бедствия трудящихся масс в связи с русско-японской войной, привели к быстрому нарастанию революционного движения в России. В мае 1901 года вспыхнула политическая стачка рабочих на Обуховском заводе в Петербурге, переросшая в баррикадные бои с войсками и полицией. 1902 год был ознаменован крупнейшими стачками и массовыми демонстрациями в Батуми и Ростове-на-Дону. Летом 1903 года массовое стачечное движение охватило Украину и Кавказ. Большой стачкой бакинских нефтяников, закончившейся победой рабочих, отмечен 1904 год.

В Пермской губернии первые годы XX века ознаменовались массовыми рабочими и крестьянскими выступлениями, а также оживлением либерально-буржуазного движения. На Урале, как и во всей России, борьбу угнетенных масс возглавлял пролетариат. От экономических требований рабочие все больше и больше переходили к политическим, выдвигая лозунг: «Долой самодержавие!»

В центре рабочего движения Пермской губернии как в предреволюционные годы, так и в период революции, находился Мотовилихинский завод, расположенный недалеко от г. Перми. На этом крупнейшем заводе работало в разное время от 5 до 10 тысяч рабочих, а всего жителей в заводском поселке насчитывалось до 25 тысяч человек.

На заводе сложилось организованное ядро революционных рабочих, возглавляемых социал-демократами. Поэтому не случайно то обстоятельство, что события на Мотовилихинском заводе открывают цепь событий, предшествовавших революции.

Весной 1901 года началась забастовка рабочих снарядного цеха Мотовилихинского завода. Получая нищенскую заработную плату — по 10—15 рублей в месяц, имея один «гулевой» день в неделю, рабочие длительное время терпели издевательства мастера Тарасова. Как писали рабочие, мастер Тарасов много «выпил их крови», «сбавлял плату» в цехе, «сам получает громадные дивиденды, завел дом и завод, а мы голодаем»¹.

Прекратив работы, рабочие потребовали повышения расценок сдельных работ и поденной платы, установления 8-часового рабочего дня и шестидневной рабочей недели (ликвидации «гулевого» дня), отмены работы в воскресные и праздничные дни, удаления мастера Тарасова и замены его мастером, избранным рабочими по большинству голосов, и т. п. Забастовавшие рабочие снарядного цеха, понимая силу пролетарской солидарности, обратились ко всем рабочим Мотовилихинского завода со следующим воззванием: «Мы просим рабочих всех других цехов поддержать нас, ведь мы все должны стоять друг за друга. Иначе начальство всегда победит нас. Нужда у нас общая и дело наше общее. Поддержите же нас, товарищи, не дайте в обиду»².

Угроза массового выступления рабочих Мотовилихинского завода была настолько реальной, что администрация должна была пойти на уступки. По ее просьбе 28 июня 1901 года начальник горных заводов Урала временно установил 8-часовой рабочий день для рабочих, работающих во вредных для здоровья цехах.

За стачкой в Мотовилихе последовала забастовка рабочих Добрянского завода. В апреле 1901 года 150 рабочих котельного цеха этого завода прекратили работу и предъявили администрации требование повысить заработную плату на 25 процентов. Забастовка продолжалась две недели. Находясь в исключительно тяжелых материальных условиях (стаечной кассы на заводе не существо-

¹ Цитирую по Ф. Е. Мельникову, Западный Урал и революция 1905—1907 гг., 1946 г., стр. 8.

¹ МОГА, ф. 142, оп. 2, д. 95, л. 2.

² Там же.

вало и ждать материальной помощи было неоткуда), рабочие согласились на частичное удовлетворение своих требований: повышение заработной платы на 10 процентов. Работа возобновилась¹.

Вслед за котельным цехом, в июле 1901 года требование о повышении заработной платы на 25 процентов выдвинули 200 рабочих механического цеха. Поводом к их выступлению послужило следующее обстоятельство. В одной из ночных смен мастер цеха потребовал, чтобы рабочие не прекращали работ даже и в часы отдыха (от 12 до 2-х часов). Когда же рабочие отказались выполнить это требование и хотели было совсем бросить работу, в ночную смену «для наблюдения за порядком, стали назначать стражников»². Это возмутило рабочих, и они начали забастовку, предъявив требование и о повышении заработной платы.

Под угрозой всеобщей забастовки администрации Добрянского завода пришлось и на этот раз уступить. Однако, повысив заработную плату рабочим механического цеха также на 10 процентов, начальство Добрянского завода попрежнему в ночные смены держало в цехах стражников. В связи с последним обстоятельством, ленинская «Искра» выражала надежду, что рабочие Добрянского завода «потребуют отмены такого возмутительного распоряжения начальства»³. Факт появления в «Искре» сообщений о событиях на Добрянке свидетельствует о том, что социал-демократические организации имели связь с этим заводом.

Из апрельской и июльской забастовок рабочие Добрянского завода сделали правильные выводы. «Только упорной дружной борьбой, — писали они в обращении к рабочим других заводов, — можем мы добиться лучшей жизни, и хотя эта борьба потребует много жертв, но победа будет за нами»⁴.

Осенью 1901 года произошли забастовки в прокатном и пудлинговом цехах Бисерского завода и мартиновском цехе Чусовского завода. На этих заводах рабочие не добились удовлетворения своих экономических требований.

В рабочем движении начинает сказываться деятельность социал-демократических организаций, стремящихся направить его в русло политической борьбы.

В январе 1902 года среди Мотовилихинских рабочих распространялась серия прокламаций с призывом вести не только экономическую борьбу за улучшение материальных условий жизни, но и политическую борьбу против правительства, защищающего хозяев-капиталистов.

«Правительству и хозяевам выгодно держать рабочий народ в темноте, — указывается в одной из социал-демократических листовок, — вот почему они гонят хороших честных учителей и честных писателей, которые пишут в книжках и газетах святую правду за рабочих. Наше правительство допускает только такие школы, которые наводят туман, учат покоряться, отдавать свои кровь и жизнь начальству»¹.

На Мотовилихинском заводе готовилась забастовка. Поводом к ней должно было стать «требование об увеличении поденной платы»². О подготовке забастовки стало известно администрации завода, которая решила ее не допустить. 26 марта 1902 года 15 рабочих от имени всего снарядного цеха предъявили требование управителю цехом Назарову о повышении заработной платы на 1 копейку с пуда изделий. Несмотря на то, что рабочие требовали уже второй подряд прибавки платы, Назаров решил, чтобы не допустить стачки, повысить оплату на полкопейки с пуда изделий, с чем рабочие согласились.

Общими усилиями горных и полицейских властей Пермской губернии была предотвращена назревавшая в апреле 1902 года забастовка на заводах крупнейшего Богословского горного округа. «Неудовольствие и некоторое волнение среди рабочих округа, — как свидетельствуют документы, — было вызвано главным образом постоянной несвоевременной выплатой им заработка, задерживаемой иногда свыше двух месяцев»³.

Борьбу рабочих Богословского округа возглавили приезжие из Екатеринбурга и местные социал-демократы. В первых числах апреля на Богословском и Надеждин-

¹ «Искра», № 14, 1 января 1902 года.

² МОГА, ф. 142, оп. 2, д. 95, лл. 8—9.

³ «Искра», № 14, 1 января 1902 г.

⁴ МОГА, ф. 142, оп. 2, д. 95, лл. 8—9.

¹ МОГА, ф. 142, оп. 2, д. 95, лл. 6—7.

² Там же, л. 24.

³ Там же, ф. 65, оп. 3, д. 43, л. 52.

ском заводах, а также на Турьинском руднике были разбросаны в большом количестве воззвания к рабочим, призывавшие их к «предъявлению коллективных требований и к общей забастовке»¹.

Назревали события таких масштабов, что о них стало известно и в Петербурге. 7 апреля 1902 года директор департамента полиции послал пермскому губернатору следующую шифрованную телеграмму: «Богословском заводе энергично подготавливается забастовка, распространяются массы воззваний во всем округе, что грозит серьезными беспорядками. Благоволите принять энергичные меры предупреждения и ареста виновных»².

Наряду с мерами запугивания рабочих, губернатор потребовал от горного ведомства изыскать значительные суммы денег для расчета с рабочими. Задолженность по заработной плате была погашена, стачка предотвращена.

Несколько стихийно-бунтарский характер носило выступление рабочих Бисерского завода в ноябре 1902 года. Оставшиеся без работы в связи с закрытием завода рабочие 11 ноября 1902 года попытались силой «принудить завод открыть свои действия»³. Общими усилиями административных и полицейских властей попытка рабочих была пресечена.

В 1902 году на заводах Пермской губернии произошел ряд волнений, связанных с самовольными порубками леса. Попытки заводоладельцев пресечь самовольное снабжение лесными материалами со стороны рабочих приводили иногда к резким столкновениям. Примером такого рода столкновений могут служить события на Шемахинском заводе Красноуфимского уезда.

В связи с самовольными порубками заводского леса управитель Шемахинского завода Щеглов велел окопать лес со стороны селения глубоким рвом. Рабочие решили противодействовать этому.

В конце октября 1902 года нанятые заводоуправлением крестьяне окружающих деревень начали рыть ров. В это время большая толпа шемахинских рабочих, человек в 300, двинулась к месту работ. Нанятые рабочие увидев возбужденную толпу шемахинцев, побросали свои

кирки и лопаты и разбежались. Находившийся здесь управитель завода с несколькими лесниками заперся в кордонной избушке. Рассвирепевшие рабочие подожгли ее. Управитель и находившиеся с ним чиновники начали вопить о пощаде. Их выпустили из охваченной пламенем избушки и жестоко избили. Только подоспевшая стража спасла управителя от смерти. На место происшествия был срочно вызван отряд полицейских. «Когда появилась полиция, — читаем мы в документе, — то народ вступил с ней в битву, защищаясь от ее нападения оставленными на месте работ кирками и лопатами»¹. Рабочим пришлось отступить. Последовала полицейская расправа. Таким образом, стихийно начавшееся волнение рабочих Шемахинского завода закончилось кровавым столкновением с полицией. Это давало рабочим еще одно наглядное доказательство того, что представители государственной власти всегда выступают против рабочих, защищая интересы заводоладельцев.

Несмотря на предупреждение крупных стачек и подавление отдельных стихийных выступлений рабочих, положение на Урале в конце 1902 года было очень напряженным. В январе 1903 года газета «Искра» так характеризовала Урал: «Среди заводских рабочих в конце ноября (1902 г.) замечено сильное брожение, вызванное сокращением работ на горных заводах. Масса осталась без работы на улице. Кризис в этом году здесь жестокий. Ждут осложнений, недовольства среди рабочих». Далее в корреспонденции указывалось, что, опасаясь революционных выступлений, «предусмотрительное начальство «на случай чего ежели» двинуло в Екатеринбург целую дивизию солдат, которые, очевидно, будут насыщать голых прикладами и пулями»².

Наиболее значительным событием предреволюционных лет в Пермской губернии явилась февральская стачка 1903 года на Мотовилихинском заводе, подготовленная и руководимая пермскими социал-демократами. Поводом к ней послужило сообщение администрации о понижении с 1 марта 1903 года заработной платы отдельным группам рабочих. Выступление рабочих было также приурочено к моменту пребывания на Мотовилихинском заводе дирек-

¹ МОГА, ф. 65, оп. 3, д. 43, л. 52.

² Там же, л. 3.

³ Там же, ф. 162, оп. 1, д. 50, л. 19.

¹ МОГА, ф. 49 с., оп. 1, д. 12, л. 7 об.

² «Искра», № 32, 15 января 1903 года.

тора Горного департамента. Местные социал-демократы готовили рабочих к политическому выступлению «против правительственной и заводской властей»¹. Стачку начали рабочие снарядного цеха, прекратившие в 2 часа дня 21 февраля 1903 года все работы.

Руководила стачкой группа мотовилихинских социал-демократов, именовавшая себя Мотовилихинским рабочим комитетом, по призыву которого к бастующему снарядному цеху присоединились и рабочие других цехов. Рабочий комитет выработал требования и предъявил их от имени рабочих администрации завода. Одновременно эти же требования были в виде листовки распространены среди рабочих.

Бастующие требовали:

1. Удалить главного врага рабочих — Назарова.
2. Принять обратно всех уволенных рабочих.
3. Оставить старую расценку на обточку трехдюймовых головок и повысить цены на другие работы.
4. Отмечать поденщины за время ремонта станков.
5. Ввести 8-часовой рабочий день для слесарей и кузнецов»².

Требования рабочих, как видно, носили в основном экономический характер. Рабочий комитет поддерживал их и призывал бастующих быть настойчивыми. Листовка Рабочего комитета заканчивалась следующими словами: «Держитесь, товарищи, дружно, спокойно и стойко! Не принимайтесь за работу, пока начальство не удовлетворит наших требований. Победа за нами»³.

С листовками к бастующим обращались также Пермский комитет РСДРП и Пермский комитет «Уральского союза социал-демократов и социалистов-революционеров». В одном из таких обращений рабочим разъяснялось, что «объявляя войну заводскому начальству, вы объявляете войну и нашему самодержавному правительству, которое стачки считает преступлением и не стесняется даже стрелять в рабочих-стачечников. Поэтому смело заявляйте и политические требования, скрываться нечего! Требуйте свободы собраний, свободы стачек, свободы ра-

бочих союзов, свободы печатного и устного слова. Долой проклятое самодержавие!»⁴.

В связи с тем, что Мотовилихинский завод в начале 1903 года получил спешные заказы, администрация завода и местные власти действовали против стачечников решительно. Уже на следующий день, 22 февраля, полицией было арестовано 6 человек наиболее видных руководителей стачки. 24 февраля последовал арест еще 12 активных участников забастовки. Все они были заключены под стражу в Пермской губернской тюрьме⁵.

Губернские и горные власти начали угрожать бастующим. По приказу губернатора в Мотовилихинский завод были введены отряды полицейских и две роты солдат⁶. Горный начальник предложил бастующим приступить к работе в понедельник 24 февраля или во вторник 25 февраля. «Кто и во вторник к работам не приступит, — подчеркивал в своем объявлении горный начальник, — тот будет уволен от заводских работ». При этом он предупреждал, что местными властями приняты все меры к тому, чтобы защитить желающих работать от «насилия подстрекателей»⁴.

Репрессивные меры государственных органов и угрозы горных властей возымели свое действие. Кое-кто из бастующих рабочих возвратился на работу. Мотовилихинский рабочий комитет призывал продолжать борьбу. В выпущенной им листовке мы читаем: «Стыд и позор нам, если мы прекратим стачку. Держитесь, братцы, крепче, не падайте духом. Еще какая-нибудь неделя, и мы победим»⁵.

Однако при усиленном давлении правительственных органов и администрации завода на рабочих продолжать стачку было очень трудно. 25 февраля работы на Мотовилихинском заводе были возобновлены. Организованная по своему характеру экономическая стачка мотовилихинских рабочих не переросла все же в политическую. Социал-демократические организации не сумели поднять стачку до уровня политической демонстрации.

¹ МОГА, ф. 160, оп. 1, д. 5, л. 9.

² Там же, ф. 142, оп. 2, д. 94, л. 6.

³ Там же.

⁴ МОГА, ф. 142, оп. 2, д. 94, л. 6.

⁵ Там же, л. 11.

⁶ Ф. Е. Мельников, Указ., соч., стр. 41.

⁷ МОГА, ф. 160, оп. 1, д. 5, л. 38.

⁸ Там же, ф. 142, оп. 2, д. 94, л. 19.

Февральская стачка на Мотовилихинском заводе в 1903 году имела все же важные последствия. Под ее влиянием возникали забастовки и волнения на ряде заводов Пермской губернии. Социал-демократические организации в своих широко распространявшихся листовках даже после прекращения стачки (например 27 февраля) призывали «присоединиться к Мотовилихе»¹.

Как свидетельствуют документы, в это время вслед за Мотовилихой забастовки произошли на Михайловском, Сергинском, Шемахинском, Нязепетровском, Уфалейском и некоторых других заводах губернии².

В 1903 году впервые в сравнительно больших масштабах в Пермской губернии отмечался международный пролетарский праздник Первое мая. Еще с 10 апреля начала распространяться прокламация Пермского комитета РСДРП под названием «Первое мая — рабочий праздник». Она была разбросана на улицах и около предприятий Перми и Мотовилихи³. С 15 апреля распространялись листовки «К мотовилихинским рабочим» и «К пермским и мотовилихинским рабочим», а с 17 апреля — «Рабочий бюллетень» № 3, являвшийся органом Пермского комитета РСДРП. В «Рабочем бюллетене» № 3 было, в частности, помещено стихотворение «Первое мая», в котором содержался следующий призыв:

«Вступим мы в борьбу смертельную,
Хоть и смерть, а в бой пойдем,
Лучше смерть, чем жизнь бесцельную.
Лучше смерть, чем царский гнет»⁴.

После 24 апреля, наряду с гектографированными листовками, появились прокламации, отпечатанные в типографии «Искры». Они начинались словами: «Российская социал-демократическая партия. Пролетарии всех стран, соединитесь! Готовьтесь к Первому мая! Ко всем рабочим и работницам России»⁵.

По данным охранного отделения, перед Первым мая 1903 года в Пермской губернии было распространено бо-

лее 3 тысяч различных листовок и прокламаций, из них в руки полиции попало около 520¹. Кроме того, в период с 24 апреля по 1 мая в ряде мест на заборах, на шпалах железнодорожного пути и т. д. были сделаны надписи: «Долой царя!», «Долой самодержавие!»².

Таким образом, пропагандистско-прокламационная деятельность социал-демократических организаций была развернута весьма широко. Местные административные власти принимали всяческие меры с целью помешать рабочим отметить свой праздник. Однако он все-таки состоялся. Особенно успешно отметили в 1903 году Первое мая рабочие губернского центра и прилегающих к нему заводов. Первого мая не работали рабочие снарядного и частично других цехов Мотовилихи, Пермских железнодорожных мастерских и ряда мелких предприятий г. Перми.

Рабочие собирались на тайные сходки, где слушали речи социал-демократов. Обычно выступления заканчивались призывами: «Долой самодержавие! Да здравствует Первое мая! Да здравствует международная и Российская социал-демократия! Да здравствует Пермский социал-демократический комитет!»³.

Интересно отметить, что на докладе одного из приставов, сообщавшего, что на подведомственной ему территории в день Первого мая «сходок не было», начальник Пермского розыскного отделения корпуса жандармов сделал опровергающую надпись: «Нет, была»⁴.

По заявлению «Рабочего бюллетеня» «такого празднования (имеется в виду празднование Первого мая 1903 г. — Ф. Г.), как в нынешний год, еще не бывало в Пермской губернии»⁵.

Борьба рабочих на экономической почве развертывалась и в 1904 году. В феврале 1904 года произошли волнения на Бисерском заводе Пермского уезда в связи с тем, что вновь назначенный на должность смотрителя Бисерских рудников Михайловский «сбавил рабочим на половину цены на горные работы»⁶. Уездный начальник,

¹ МОГА, ф. 160, оп. 1, д. 5, л. 20.

² Там же.

³ Там же, д. 426, лл. 10—14.

⁴ Там же, оп. 2, д. 9, лл. 7—7 об.

⁵ Там же, оп. 1, д. 426, л. 22.

¹ МОГА, ф. 160, оп. 1, д. 426, лл. 10—61.

² Там же, лл. 62—63.

³ Там же, оп. 2, д. 9, лл. 6—6 об.

⁴ Там же, оп. 1, д. 426, л. 74.

⁵ Там же, оп. 2, д. 9, лл. 7, об. — 8.

⁶ Там же, оп. 1, д. 36, л. 8.

донося о событиях на заводе начальнику пермского охранного отделения, подчеркивал, что «рабочие взволнованы и возмущены новыми порядками, так как цены на все жизненные продукты вздорожали»¹.

Несколько позже, в марте 1904 года, возникли волнения на Кусье-Александровском заводе того же уезда. Поводом для возмущения рабочих послужило «непринятие их на рудничные работы, а предоставление таковых посторонним лицам»². На собравшемся самовольно 29 марта сходе рабочие постановили приговор подать жалобу губернатору на заводоуправление. Кто-то из рабочих начал бросать камни в окна квартиры управителя завода Коробова. На дверях заводской конторы было прибито объявление с угрозами управителю.

Такие стихийные выступления, с некоторыми чертами бунтарства и резким проявлением ненависти к отдельным лицам заводской администрации, с верой в возможность справедливого разрешения вопроса губернатором, хотя и не являлись уже типичными, но еще нередко происходили в Пермской губернии накануне революции.

Более организованную форму — форму стачки — приняла борьба рабочих Сысертского завода, Екатеринбургского уезда, в апреле 1904 года.

На Сысертском заводе на протяжении нескольких лет существовала практика, при которой на протяжении трех месяцев (апрель, май и июнь) рабочие работали сутками: 24 часа работы и 24 часа отдыха. Это делалось с той целью, чтобы рабочие могли заниматься заготовкою дров и сена для себя на предстоящую зиму. Управляющий формовочно-литейным цехом Сысертского завода Мокроносов считал эту практику неудобной и решил изменить порядок работ в цехе не на три месяца, а лишь на две недели. «Вследствие чего, — указывается в донесении екатеринбургского уездного исправника губернатору, — рабочие названного цеха порешили оставить самовольно работы и на таковые отказались выйти в ночную смену на 7-е апреля; не вышла на работы в этот день и дневая смена»³. Забастовщики единодушно держались несколько дней. Но, не получив поддержки от рабочих других цехов завода и

встретив упорный отказ администрации, они постепенно теряли надежды на успех начатой борьбы и с 11 апреля прекратили стачку.

Так же, как и в 1903 году, социал-демократические организации Пермской губернии в 1904 году развернули широкую прокламационно-пропагандистскую работу накануне Первого мая. По данным полицейских органов, социал-демократические организации губернии выпустили в то время 8 изданий двух текстов гектографированных и печатных прокламаций. Листовки с призывом отметить Первое мая прекращением работы находили разбросанными на улицах и расклеенными на заборах, обнаруживали в почтовых ящиках и вагонах поездов, на базарных площадях и в цехах заводов. Трудно установить, какое количество нелегальной литературы было распространено среди населения Пермской губернии в первомайские дни 1904 года. Из донесений жандармских органов Екатеринбургского уезда видно, что в первомайские праздники в Екатеринбурге было разбросано «много прокламаций», из которых полицией также «собрано порядочно» — более 200 экземпляров. В Перми в день Первого мая полицией было подобрано 67 печатных и гектографированных прокламаций, в Мотовилихе — 45 прокламаций и т. д.¹.

Под влиянием социал-демократической пропаганды, несмотря на усиленное наблюдение полиции и угрозы администрации заводов, часть рабочих Первого мая 1904 года бросила работу и пошла на нелегальные сходки. Так, например, в Пермских железнодорожных мастерских 1 Мая на работу не явилось 112 человек из 525 работающих².

Из всего сказанного о рабочем движении Пермской губернии 1901—1904 годов вытекает, что рабочее движение этого периода проявлялось в стачках и различного характера волнениях. Являясь составной частью общероссийского массового движения, стачки рабочих Урала были предвестником назревавшей революции. За пять лет кризиса (1900—1904 гг.) на Урале произошло 20 забастовок³. Хотя требования рабочих Пермской губернии во время стачек и других волнений носили в основном экономический характер, эти выступления под влиянием социал-

¹ МОГА, ф. 160, оп. 1, д. 36, л. 8.

² Там же, л. 9.

³ Там же, ф. 65, оп. 2, д. 111, л. 1.

¹ МОГА, ф. 160, оп. 1, д. 26, лл. 11 и 16.

² Там же, лл. 7—8, 16.

³ Очерки истории большевистских организаций на Урале, стр. 33.

демократов иногда приобретали черты политического характера. Усиленная организационная и прокламационно-пропагандистская деятельность социал-демократических организаций готовила рабочий класс Урала к политическим выступлениям в наступающей народной революции.

* * *

В период назревания первой буржуазно-демократической революции в России, в условиях массового рабочего движения начала XX века, на Урале оформились и начали свою деятельность социал-демократические организации, которые под влиянием программных работ В. И. Ленина и газеты «Искры» прочно стали на марксистские позиции.

В 1898 году возникла «Пермская группа борьбы за освобождение рабочего класса». Она была создана при активном руководящем участии сосланного в Пермь студента Петербургского университета, участника ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» Евгения Пузырева. «Пермская группа» вела большую работу по распространению марксизма на Урале, подготовляя тем самым почву для оформления социал-демократических организаций.

В июне 1902 года Пермская группа преобразовалась в Пермский комитет Российской социал-демократической рабочей партии, который в январе 1903 года опубликовал заявление о своей полной солидарности с позицией «Искры».

Пермский комитет РСДРП сразу же после своего оформления развернул активную деятельность. Он распространял среди рабочих произведения Маркса и Энгельса и, в частности «Манифест коммунистической партии», работы В. И. Ленина «Объяснение закона о штрафах», «Новый фабричный закон» и «Крепостники за работой», некоторые сочинения М. Горького, в частности пьесу «На дне». Кроме того, очень широко распространялась ленинская «Искра»¹. Значительное количество прокламаций, листовок и воззваний было выпущено самим Пермским

комитетом. Кроме Перми и Мотовилихи, прокламации распространялись на Кыштымском, Каслинском, Очерском, Добрянском, Чусовском, Режевском и некоторых других заводах¹. Вокруг Пермского комитета объединилась группа энергичных пропагандистов и агитаторов, проводивших деятельную работу в созданных нелегальных рабочих кружках и вообще среди рабочих.

Пермский Комитет поддерживал создание Организационного комитета, готовившего II съезд РСДРП и предполагал послать на съезд своего делегата. Но в силу ряда обстоятельств представитель Пермского комитета на съезд не был послан.

Параллельно с Пермским комитетом РСДРП, этим законным преемником «Пермской группы борьбы за освобождение рабочего класса», стоявшим на марксистских позициях, на Урале с 1901 по 1903 год существовала и другая организация — «Уральский союз социал-демократов и социалистов-революционеров». Образование «Уральского союза» было обусловлено специфическими особенностями исторического развития Урала и формирования уральского пролетариата. Наличие у значительной части уральских рабочих мелкой собственности в виде земельных наделов, привязавших их к постоянному месту жительства, к одному заводу, тормозило развитие пролетарского мировоззрения.

Перемещение населения в период формирования рабочего класса представляет собой положительное для складывания пролетарской психологии явление. Перемещение затягивает производителя в водоворот общественной жизни, повышает его культуру и сознательность. Этот процесс в Пермской губернии был очень слабо выражен.

Как подчеркивал в одном из своих докладов пропагандист марксизма С. Залкинд, на Урале «неподвижность рабочего населения задерживает культурное развитие производителей»². Неоднородность состава рабочих (оседлые с землей и пришлые без земли), оторванность Урала от ведущих центров марксистской мысли и, как результат, слабость социал-демократической работы — все это и родило электический, по мировоззрению его руководителей, разношерстный по своему составу, неопределенный

¹ МОГА, ф. 160, оп. 1, д. 11, лл. 69—71; ф. 162 (10 с), оп. 1, д. 115, лл. 5, 20, 27—29; д. 110, лл. 301; д. 11, л. 71, 104.

¹ МОГА, ф. 162 (10 с), оп. 1, д. 110, л. 389.

² ЦГИАМ, ф. ДП, 00, ч. 5, л. А/1904 г., л. 60.

по своим программным целям, в целом же, экономистско-эсеровский на первом этапе по своему характеру «Уральский союз социал-демократов и социал-революционеров».

Программа «Уральского союза» была исключительно расплывчатой. Публикуя и комментируя ее, газета «Искра» писала: «Из настоящей программы не видно, в каком отношении стоит Уральский союз к Российской социал-демократической рабочей партии, равно как и не ясно, входит ли он в партию социалистов-революционеров?»¹.

Некоторые входящие в «Уральский союз» социал-демократы распространяли «Искру» с работами В. И. Ленина, а Союз в целом под влиянием эсеров признавал, «хотя и в очень странной формулировке — целесообразность террора»². «Уральский союз» распространял среди рабочих «Устав рабочей организации», изданный в 1900 году в Женеве экономистским «Союзом русских социал-демократов». Согласно уставу, некая рабочая организация, опирающаяся на созданную из рабочих взносов кассу, должна руководить «борьбой рабочих на заводе, в частности за улучшение их положения и в общем за лучшее будущее всего народа»³. В то же время в ряде листовок, как это было, в частности, во время февральской стачки 1903 года на Мотовилихинском заводе, Пермский комитет «Уральского союза» правильно объяснял рабочим, что «за заводским начальством стоят и полиция, и жандармы, и губернатор, и министры, и сам царь», и призывал рабочих смелее выдвигать требования политических свобод, подчиняя их общему лозунгу «Долой проклятое самодержавие!»⁴.

Надежды различных группировок, создавших «Уральский союз», что он позволит более успешно вести борьбу против экономической и политической несправедливости, не оправдались. Внутри «Уральского союза», начиная примерно со середины 1902 года, все более и более обострялась борьба между социал-демократической и эсеровской группировками. «Уральский союз» левел и одновременно разлагался на свои составные части.

¹ «Искра», № 2, 1902 год.

² Там же.

³ МОГА, ф. 142, оп. 2, д. 95, лл. 22—23.

⁴ Там же, д. 94, л. 8.

Практиковавшийся входившими в «Союз» эсерами индивидуальный террор отвлекал массы от политической борьбы и расстраивал ряды революционного рабочего класса. Под влиянием усилившегося рабочего движения, широкой пропаганды марксистских социал-демократических принципов ленинской «Искрой» и ее агентами «Уральский союз» к середине 1903 года распался.

Решающую роль в идейном укреплении социал-демократических группировок внутри «Уральского союза» и освобождении их из-под экономистского и эсеровского влияния сыграла ленинская работа «Что делать?», распространявшаяся в Пермской губернии в рукописном виде уже в начале 1903 года¹. В этой работе В. И. Ленин, как известно, вскрыл идейные истоки оппортунизма и разработал идеологические основы марксистской партии.

Социал-демократы, порвав с «Уральским союзом», либо входили в существовавшие и ранее параллельно с «Союзом» социал-демократические комитеты, либо создавали их, под руководством агентов «Искры», вновь. Например, Пермский комитет «Уральского союза» опубликовал в 1903 году следующее сообщение: «Пермский комитет Уральского союза... объявляет, что, расходясь окончательно в своих теоретических убеждениях и тактических приемах с социалистами-революционерами, он в июне сего года целиком вошел в состав Пермского комитета РСДРП, признавая вместе с последним своим руководящим органом «Искру»².

Еще в начале 1903 года от «Уральского союза» в Уфе откололся «Уфимский рабочий комитет», который несколько позже, после признания «Искры» руководящим органом, был преобразован в Уфимский комитет РСДРП³. В июне 1903 года выделившиеся из «Уральского союза» социал-демократические организации при содействии агентов «Искры» и поддержке Организационного комитета образовали Средне-Уральский комитет РСДРП в Екатеринбурге.

Таким образом, к моменту созыва II съезда РСДРП

¹ Ф. Е. Мельников, Указ., соч., стр. 47—48.

² МОГА, ф. 149 с., оп. 1, д. 12, л. 28 об.

³ «Искра», № 35, 1 марта 1903 года.

на Урале существовало уже три организационно оформленных социал-демократических комитета: Пермский, Средне-Уральский (Екатеринбург) и Уфимский.

Крупным событием в жизни уральских социал-демократических организаций, как и всех социал-демократических организаций России, был состоявшийся в июле 1903 года II съезд РСДРП. Съезд создал социал-демократическую партию, принял ее устав и программу, сформировал руководящие органы партии. Хотя съезд и закрепил победу марксизма над экономизмом, но в дальнейшей борьбе внутри РСДРП появились два течения: марксистское-большевистское и оппортунистическое-меньшевистское. На II съезде РСДРП уральских социал-демократов представлял делегат от Уфимской организации Г. И. Мишнев (Муравьев), который по всем обсуждавшимся вопросам занимал последовательную ленинско-искровскую позицию.

После съезда Пермский комитет РСДРП, возглавлявшийся Митрофановым, Савельевым, Скворцовым, вел упорную борьбу против пермских меньшевиков, возглавлявшихся Трапезниковым. Трапезников выступал против ленинского плана построения партии, отрицал необходимость внесения политического сознания в рабочее движение. Нападая на выработанную «Искрой» программу партии, Трапезников настаивал на исключении из нее требования о возвращении крестьянам отрезков и указания на абсолютное обнищание рабочего класса при капитализме. Получив отпор в Пермском комитете, Трапезников попытался выступить со своими взглядами в печати, но и здесь потерпел поражение. Пермский комитет РСДРП прочно закрепился на ленинских позициях. В 1903—1904 годах Пермский комитет развернул широкую агитационно-пропагандистскую и организаторскую работу. Издававшийся им с января 1903 года гектографированный «Рабочий бюллетень» начал еще более всесторонне освещать местную жизнь, помогая рабочим правильно, марксистски оценивать события этой жизни, связанные с общим положением в стране, и тем самым готовить почву для массового революционного движения.

Всего было выпущено более 40 номеров «Рабочего бюллетеня». В больших размерах, чем прежде, в Пермской губернии распространялась и социал-демократическая литература, издававшаяся за границей. Активными

распространителями всей этой литературы в Перми и Мотовилихе были В. Новожилов, Н. Завьялов, М. Туркин, М. Федорова, Я. Кузнецов, А. Ягодникова и другие. Оживилась деятельность рабочих кружков, руководимых большевиками Фотиевой, братьями Скворцовыми и др.

Несмотря на провалы и аресты большинства членов Пермского комитета в октябре 1903 и в феврале 1904 годов, Комитет, в который входили уцелевшие от ареста А. Митрофанов, А. Борчанинов и другие, опираясь на актив, продолжал работу в массах.

Задачи дальнейшего усиления социал-демократической работы на Урале, диктуемые общим подъемом массового движения, делали необходимым объединение всех социал-демократических комитетов в единую общеуральскую организацию. Мысль о создании на Урале единого руководящего центра была высказана еще в конце 1903 года. В результате длительной подготовки по инициативе Средне-Уральского комитета в июне 1904 года в Нижнем Тагиле была созвана первая Уральская конференция РСДРП. Конференция создала единый уральский областной орган — областной комитет — и приняла устав Уральской областной организации. Построенный на принципах демократического централизма Устав подчеркивал: «Уральский комитет является районной организацией РСДРП и, как таковой, единственным представителем партии на Урале»¹.

Созданием единого уральского руководящего центра был положен конец разнобою и кустарщине в деятельности местных комитетов на территории всех четырех уральских губерний Пермской, Уфимской, Оренбургской и Вятской. Избранный на Нижне-Тагильской конференции Уральский областной комитет просуществовал недолго. В сентябре 1904 года члены его были арестованы. Однако его миссию руководства организациями продолжили прибывшие на Урал профессионалы-революционеры Н. Е. Вилюнов, Н. Н. Замятин (Батурин).

После перехода Плеханова и примиренческого ЦК РСДРП на позиции меньшевизма и выхода В. И. Ленина из редакции «Искры», социал-демократические организации Урала остались верными принципам марксизма. Они

¹ Цитирую по «Очеркам истории большевистских организаций на Урале», стр. 54.

поддержали В. И. Ленина и созданные им Бюро комитетов большинства и редакцию газеты «Вперед», поставившие перед собой задачу созыва III съезда РСДРП.

Таким образом, в борьбе против оппортунизма в его различных проявлениях социал-демократические организации Урала сохраняли верность марксистско-ленинскому знамени партии и, имея свой единый руководящий центр, шли во главе революционного рабочего движения.

* * *

На борьбу против самодержавно-помещичьего строя вместе с рабочим классом поднималось и крестьянство Урала, страдавшее от малоземелья, безлесья и усиленного налогового гнета. Особенностью Урала было то обстоятельство, что многие сельские волости прилегали к горным заводам, и благодаря этому рабочее влияние различными, иногда малозаметными путями сказывалось на крестьянстве.

Революционная агитация в деревнях Пермской губернии резко усилилась в 1902 году. Помощник начальника Пермского губернского жандармского управления по Красноуфимскому и Кунгурскому уездам в «Обзоре» за 1902 год обращал внимание вышестоящих властей на «усилившуюся до крайних пределов деятельность врагов правительства, избравших своей ареной деревню». Продолжая свой «Обзор», этот полицейский опричник в бешенстве писал: «Вероят крестьяне лживой лжи и гнусной клевете подпольной литературы, нарасхват разбирают запрещенные брошюры, знают, что они запрещены и что за чтение их грозит строгое наказание и, тем не менее, читают их дома и на улицах, скрывая от властей и самые книжки и тех, от кого они получены»¹.

В конце 1901 года и начале 1902 года активная борьба крестьян за землю развернулась в Монастырской волости, Верхотурского уезда. Во время размежевания крестьянских земель с заводскими землями крестьянам деревни Бучиной были предоставлены наделы в другом месте, меньшие по размерам и худшие по качеству. Новых наделов крестьяне не приняли и продолжали пользоваться землями в прежних местах. Крестьяне решили привлечь к суду, но они по общей договоренности в суд

не явились. Попытка пристава и стражников арестовать уклонившихся от суда крестьян привела к стычке, закончившейся позорным бегством полицейских.

Для подавления «бунта» крестьян в Монастырскую волость из Перми были направлены войска. Крестьяне встретили солдат доброжелательно, с хлебом-солью. Но после того как офицер заявил, что он должен выполнить решение суда — заставить жителей деревни принять новые наделы, настроение их изменилось. В то время как солдаты, составив ружья в козлы, готовили обед, крестьяне начали уносить оружие. Солдаты заметили это только тогда, когда уже около 10 ружей находилось в руках крестьян. Офицер потребовал немедленно возвратит ружья. На этой почве произошла новая стычка, в которой крестьяне потерпели поражение. Более 30 крестьян было арестовано и предано военному суду. Остальных заставили принять отведенные им наделы.

Газета «Искра», заканчивая свое сообщение о волнениях крестьян деревни Бучиной, Монастырской волости, писала: «...Все они (т. е. крестьяне — Ф. Г.) теперь убеждены в том, что не защитит их от владельцев ни суд, ни полиция, ни чиновники, ни даже «слуги царя» — солдаты и офицеры»¹.

В ряде мест Пермской губернии возникали стихийные выступления крестьян, связанные с порубками леса. Такого характера выступление произошло, например, в Ильинской волости, Пермского уезда, в августе 1902 года.

Администрация находившейся здесь лесной дачи Строганова до такой степени усилила охрану, что сделала самовольные порубки невозможными. Меры администрации вызвали резкое возмущение крестьян. Как сообщала газета «Искра», крестьяне «громальной толпой... двинулись в лес и произвели порубку. Явившаяся лесная стража была разогнана»².

В Ильинскую волость срочно были отправлены войска. За «сопротивление властям» 100 крестьян — участников волнений — было арестовано. Выступление крестьян было подавлено.

Значительное количество крестьянских волнений в Пермской губернии происходило в связи с отказом крестьян

¹ МОГА, ф. 162, оп. 1, д. 50, л. 17.

¹ «Искра», № 16, 1 февраля 1902 года.

² Там же, № 27, 1 ноября 1902 года.

уплачивать подати и недоимки по ним. Такие волнения наблюдались в 1902 году в Камышловском и Шадринском уездах.

В конце марта 1902 года из Камышловского уезда губернатору сообщали, что среди крестьян Клевакинской и Чернокоровской волостей ведется агитация за прекращение взноса окладных платежей и что вследствие этой агитации «многие крестьяне или совершенно прекратили взносы платежей или оказывают тому явное сопротивление»¹. В волнующиеся волости выехали камышловский уездный исправник и земский начальник. Признанные чиновниками «подстрекателями» 10 крестьян были отданы под наблюдение местной полиции.

Волнение на время утихло. В июне 1902 года крестьяне даже дали подписку в том, что они «на будущее время не будут оказывать никакого противодействия при сборе податей и повинностей»².

Однако в декабре 1902 года камышловский уездный исправник снова доносил губернатору, что агитация против уплаты податей и повинностей «не только не прекратилась, но приняла еще более дерзкий и угрожающий характер», и что крестьяне «прямо глумятся над местными властями»³. Для пресечения упорства крестьян местные полицейские органы по распоряжению губернатора выслали из пределов Камышловского уезда наиболее активных руководителей крестьянского волнения. Остальных крестьян принудили к уплате налогов мерами «полицейского воздействия».

Аналогичный характер носили волнения крестьян села Сугоякского, Шадринского уезда, в декабре 1902 года⁴.

В 1903—1904 годах крестьянское движение в Пермской губернии усилилось и приобрело более острые формы. Крестьянские волнения возникали в Филатовской волости, Пермского уезда; Еловской волости, Осинского уезда; Карабольской, Черемиской и Аятской волостях, Екатеринбургского уезда; Башкирской волости, Верхотурского уезда, и других местах Пермской губернии⁵.

¹ МОГА, ф. 65, оп. 3, д. 49, л. 2.

² Там же, л. 2 об.

³ Там же, л. 3.

⁴ Там же, ф. 162, оп. 1, д. 50, л. 22.

⁵ Там же, ф. 65, оп. 3, д. 76, л. 3; д. 78, л. 1; д. 79, л. 1; ЦГИАМ, ф. ДП, 00, 1905 г., д. 2550, ч. 5, л. 1.

Наиболее острые формы приобрели выступления крестьян в Екатеринбургском и Кунгурском уездах.

Будучи стесненными малоземельем, башкиры Мякотинского общества, Карабольской волости, Екатеринбургского уезда, летом 1902 года распахали часть земель в даче Каслинского завода, отказываясь при этом уплачивать арендную плату. Весной 1903 года, несмотря на протесты заводладельцев, крестьяне продолжали расширять самовольные запашки.

18 апреля прибывший в дер. Сатылкову помощник лесничего Каслинской дачи Кровоусов потребовал от башкир прекращения самовольных запашек. Но крестьяне ответили, что «земля принадлежит им и что они завтра, т. е. 19 апреля, выедут засеивать ее»¹. О намерении крестьян Кровоусов сообщил своему начальству.

Утром 19 апреля 1903 года на месте уже находился главный лесничий Кыштымских заводов Чернышев, имевший при себе 40 человек лесной стражи, а также околоточного надзирателя с полицейскими. Явились и крестьяне, вооруженные палками, камнями и несколькими ружьями. Произошла вооруженная стычка, в результате которой имелись человеческие жертвы: один крестьянин Тимир-Газы Кулмухаметов был убит на месте, двое — Абтрахмат Мустафин и Закир Жианбаев — умерли от ран.

Фактически это был расстрел хорошо вооруженной, заранее подготовленной лесной и полицейской стражей почти безоружной массы башкирских крестьян.

Так отвечали уральские горнозаводчики-помещики на попытки крестьян выйти из малоземелья путем самовольных запашек.

Волнения крестьян, перераставшие в стычки с местными властями, происходили также на почве отказов от уплаты налогов и недоимок.

Долгое время крестьяне Кыласовской волости, Кунгурского уезда, отказывались от уплаты каких бы то ни было налогов. На них скопились большие суммы недоимок. Местные власти решили описать и продать с торгов имущество неплательщиков.

21 декабря 1904 года волостной старшина, полицейский урядник и сельский староста явились в дер. Казаеву, Кыласовской волости, для взыскания налогов и недоимок

¹ МОГА, ф. 65, оп. 3, д. 76, л. 3.

путем продажи имущества крестьян. «Но, — как указывается в документе, — башкиры собрались толпой и воспрепятствовали этому, причем набросились на сельского старосту и полицейского урядника с камнями и палками и нанесли им тяжкие побои»¹. За участие в «бунте» было привлечено к судебной ответственности 15 наиболее активных крестьян, из которых 7 человек осуждены к различным срокам тюремного заключения.

Из всего сказанного о крестьянском движении в Пермской губернии перед революцией 1905—1907 годов вытекает, что крестьянские выступления этого периода были направлены на расширение крестьянского землевладения и владения лесом, на ликвидацию непосильного налогового бремени и разорительного взыскания недоимок. Борьба крестьян принимала в ряде случаев очень острые формы — вплоть до вооруженного столкновения с лесной стражей и полицейскими отрядами. Хотя революционная пропаганда в деревнях Пермской губернии велась сравнительно широко, выступления крестьян были мало организованными.

Для массового движения накануне революции 1905 года характерен рост антивоенных настроений.

Трудящиеся Урала все чаще осуждали захватническую политику царизма и высказывали пожелания его поражения.

Обсуждая ход русско-японской войны, рабочие Добрянского завода Пермского уезда, как сообщал уездный исправник, произносили «оскорбительные бранные слова против его величества». При этом один из них заявил, что русскому царю не нужно было «лезть в чужую землю»².

Рабочие не говорили о том, что и Япония также вела захватническую войну, оставляли эту сторону дела в тени, но осуждение агрессивной политики царизма, выраженное в этих высказываниях рабочих, свидетельствовало о росте их сознательности.

Характерными для антивоенных настроений крестьян были высказывания крестьян Троицкой волости, Пермского уезда. В феврале 1904 года, во время чтения «Пермских губернских ведомостей» и обсуждения сообщения о положении на фронтах русско-японской войны, один из

крестьян заявил: «Японцам следует убить самого нашего государя, ему мало стало своей земли... и он идет чужую землю забирать, а нам даже по дереву не дает»¹.

Тяжесть войны и поражения на фронтах вызывали протест и среди широких кругов интеллигенции, особенно соприкасающейся в повседневной жизни с крестьянством сельской интеллигенции. Эти настроения наиболее четко выразил писарь Сергинской волости, Пермского уезда. В разговоре с крестьянами 29 декабря 1904 года он высказал свое возмущение в следующих словах: «Дурацкое наше правительство, напрасно губит тысячи солдат, разоряет в своей стране жителей, сколько стало теперь у нас нищих с начала войны, незаконно отбирает и присваивает себе чужую Маньчжурию, за все эти дурацкие распоряжения надо повесить все наше правительство, начиная с царской фамилии»².

Рост антивоенных настроений в тылу являлся составной частью общего подъема народного революционно-демократического движения.

Подъем массового рабочего крестьянского движения накануне революции 1901—1907 годов нашел свое отражение и в либерально-буржуазных кругах, недовольных крайностями царизма. Начиная с 1902 года, несколько усиливается оппозиционная деятельность либеральных земцев Пермской губернии, все чаще и чаще протестует молодежь против полицейско-иезуитских порядков в школе.

Перед началом губернского и уездных земских собраний Пермской губернии в 1902 году многим земским гласным почтой были разосланы письма за подписью «старые земцы». В этих письмах земским гласным предлагали, чтобы они на земских собраниях высказывали и проводили «разного рода противоправительственные идеи, вопросы» и добивались «разных льгот и прав земским собраниям»³. Но к сколько-нибудь заметным последствиям этот призыв не повел.

Сравнительно дальше в своих протестах против стеснительных правил средних учебных заведений пошли учащиеся и учителя Кунгурского технического училища.

¹ ЦГИАМ, ф. ДП, 00, 1905 г., д. 2550, ч. 5, л. 1.

² МОГА, ф. 65, оп. 3, д. 113, л. 7.

¹ МОГА, ф. 160, оп. 1, д. 36, лл. 6—7.

² Там же, ф. 132, оп. 1, д. 50, л. 386 об.

³ Там же, ф. 162, оп. 1, д. 50, л. 15.

Они не только выражали свое недовольство режимом училища, поддерживаемым администрацией, но и становились на путь организованной борьбы. Отдельные группы учителей и учащихся установили связь с подпольными революционными кружками, существовавшими в Кунгуре. Из донесений полицейских властей видно, что «некоторые из учеников и даже учебного персонала» Кунгурского технического училища принадлежали «к Кунгурскому преступному сообществу»¹.

Аналогичные события происходили и в Красноуфимском промышленном училище. Многие учащиеся были исключены, некоторые из них арестованы, отправлены в места своих жительство, где подвергнуты «особому надзору полиции»².

Несмотря на слабость и нерешительность как во всей России, так и на Урале, земско-либерального движения, направленного против крайностей царских властей, это движение показывало, что устои царского самодержавия подрывались. Оно пугало царизм и заставляло его маневрировать.

На фоне экономического кризиса в промышленности и обострения аграрных противоречий в деревне, в условиях массового рабочего, крестьянского, а также либерально-буржуазного движения, при сложившейся и оформившейся социал-демократической организации вызревала на Урале, как и во всей стране, революционная ситуация, которая в начале 1905 года переросла в революцию.

¹ Там же, л. 19.

² Там же, л. 18 об.

ГЛАВА II

НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ НА УРАЛЕ. МАССОВОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ ВЕСНОЙ 1905 ГОДА

Сложившаяся в России в конце 1904 года и в начале 1905 года обстановка характеризовалась исключительным обострением классовой борьбы, вызреванием и оформлением революционной ситуации, способной перерасти в революцию.

Доведенные обнищанием до отчаяния рабочие Петербурга под влиянием провокаторской деятельности попа Гапона пришли 9 января к царскому дворцу с просьбой об удовлетворении своих крайних нужд. По приказу царя Николая II мирные безоружные питерские рабочие были расстреляны, более тысячи человек убито, несколько тысяч ранено. События 9 января послужили началом, исходным пунктом развития революции в России.

Весть о «кровавом воскресеньи» с молниеносной быстротой разнеслась по всем уголкам России. Неслыханное злодеяние царизма вызвало общее возмущение и негодование рабочего класса, всех трудящихся.

За один только январь 1905 года, по официальным данным, в забастовках участвовало 440 тысяч рабочих, то есть больше, чем за все предыдущее десятилетие.

В революционную борьбу рабочих страны включились и пролетарии Пермской губернии.

Правительственные круги России, совершив свое злодеяние, пытались парализовать ответное возмущение рабочих. Министр внутренних дел, не без оснований пола-

гая, что социал-демократы «постараются воспользоваться происходящей в Петербурге, соединенной с крупными беспорядками, всеобщей стачкой рабочих для стачек и беспорядков в разных местностях империи»¹, требовал от губернатора не допускать этого. В свою очередь пермский губернатор 12 января 1905 года разослал уездным исправникам «весьма спешный» и «совершенно секретный» циркуляр, в котором предписывал «удвоить внимание и наблюдение за настроением местного населения во всех местах скопления рабочих, особенно же на фабриках и заводах, и о всяком случае возникновения среди рабочих и заводского населения проявлений, дающих повод к опасению ожидать с их стороны беспорядков и волнений, немедленно мне подробно доносить»².

Выполняя предписание губернатора, жандармско-полицейские власти губернии усилили преследование революционных организаций. В январе в Перми было арестовано несколько руководителей социал-демократической организации. 24 января 1905 года жандармерия Екатеринбургa разгромила тайную типографию, изъяла большое количество революционных прокламаций, произвела массовые обыски и аресты среди социал-демократов³.

Но социал-демократические организации Пермской губернии в трудных условиях усиленной слежки и шпионажа продолжали свое благородное дело революционной пропаганды и организации рабочих.

В тот самый день, когда губернатор рассылал свой спешный циркуляр — 12 января 1905 года, — на улице поселка Верхисетского завода и в казарме 222 запасного батальона, расположенного в Екатеринбургe, были разбросаны социал-демократические прокламации под названием «Какая политическая свобода нужна русскому народу». Листовки социал-демократического содержания распространялись в январе в Кунгуре, на Чусовском, Баранчинском, Кушвинском и других заводах⁴. В ночь на 21 января 1905 года воззвания Уральского комитета РСДРП «Ко всем уральским рабочим» и «Русские рабо-

чие и все русские граждане!» в Нижнем Тагиле были разбросаны не только на Нижне-Тагильском заводе, но и в учебных заведениях — горнозаводском и городских училищах. Как свидетельствуют документы, воззвания Уральского комитета РСДРП были «приняты местным населением сочувственно»¹. Социал-демократические прокламации были распространены 10 февраля также в г. Верхотурье².

Среди населения Пермской губернии распространялось размноженное гектографическим способом стихотворение неизвестного автора под названием «9-е января 1905 года». В стихотворении говорилось, что солдаты царя, потерпев поражение в Порт-Артуре, взяли реванш на Невском. Они «ринулись... и выиграли бой», расстреляв «сотни наших братьев», после чего Русь «полна рыданий и проклятий» народа, который ходил к царю, «чтоб рассказать нужду и скорбь свою»³.

В марте 1905 года по всей территории Пермской губернии (в Перми, Екатеринбургe, Чусовом, Добрянке, Кунгуре, Осе и т. д.) была распространена прокламация Екатеринбургской группы Уральского комитета РСДРП под названием «Царские посулы и рабочий класс». Рисуя события 9 января в Петербурге, авторы листовки писали: «С петицией и мирными намерениями, с желанием осветить свое положение шли тысячи рабочих к Зимнему дворцу. Никто и не думал, что в них будут стрелять. Они шли не требовать, а просить. 9 января они просили хлеба... ружейные залпы, свист пуль и нагаек был им ответом»⁴.

На основе общей характеристики положения рабочего класса и революционного движения в России, уральцы в своей листовке делали следующий вывод: «Только уничтожение царской монархии, политическая свобода, добытая вооруженным восстанием, даст возможность рабочему классу на Урале выйти из кабальных условий. Только такая свобода положит конец крепостническим пережиткам»⁵.

Хотя отклики на «кровавое воскресенье» на Урале последовали с некоторым опозданием, уже в первые

¹ МОГА, ф. 132, оп. 1, д. 50, л. 384.

² Там же, лл. 384—384 об.

³ ЦГИАМ, ф. МЮ, д. 458, л. 1.

⁴ МОГА, ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 117, лл. 1, 4—6, 11, 13—14, 17, 24, 33, 36—37.

¹ ЦГИАМ, ф. МЮ, д. 456, л. 3.

² МОГА, ф. 162 (10 с.), оп. 1, д. 124, л. 108 об.

³ Там же, ф. 142, оп. 1, д. 118, л. 1.

⁴ ЦГИАМ, ф. МЮ, д. 462, л. 2.

⁵ Там же.

месяцы 1905 года под влиянием петербургских событий и усилившейся социал-демократической пропаганды в Пермской губернии начинается подъем рабочего движения. Социал-демократическая пропаганда давала свои плоды. Первым из выступлений после 9 января было волнение рабочих Надеждинского завода Богословского горного округа. На этом заводе администрация систематически задерживала выплату заработной платы на 2—3 месяца, выдавала рабочим вместо денег купоны, которые в магазинах принимали только со скидкой. Возмущенные такими порядками рабочие механического цеха Надеждинского завода в количестве около 150 человек 25 января явились к квартире управляющего заводом Хренникова. Поход рабочих возглавлялся лицами, «состоявшими под особым надзором полиции»¹. Вызвав к себе управляющего, рабочие потребовали производства правильного расчета, через каждые две недели. Перепугавшийся Хренников просил рабочих не собираться толпами, а избрать для переговоров с администрацией от каждого цеха старшину. К этому предложению рабочие отнеслись с недоверием. Хренникову удалось все же успокоить рабочих обещаниями.

Затем последовала стачка рабочих Пермских железнодорожных мастерских, продолжавшаяся с 13 по 16 февраля 1905 года². Рабочие требовали установления восьмичасового рабочего дня, повышения расценок, участия своих представителей в разрешении конфликтов с администрацией, вежливого обращения мастеров и т. п. Таким образом, требования рабочих выходили за рамки экономических. Политические черты этой забастовки сказались и в том, что бастующие собирались на митинги, на которых слушали речи социал-демократических ораторов о «кровавом воскресеньи», о поражении царизма на фронтах русско-японской войны и других политических событиях в России.

В связи с общим обострением положения на железных дорогах страны министр путей сообщения Хилков отдал распоряжение об установлении в железнодорожных мастерских девятичасового рабочего дня и некотором повышении заработной платы. Таким путем было достигнуто временное успокоение железнодорожников.

¹ МОГА, ф. 162 (10 с), оп. 1, д. 124, л. 108/об.

² «Вперед», № 13, 5 апреля (23 марта) 1905 года.

Перерастанием экономической стачки в политическую характерны события, развернувшиеся на Лысьвенском заводе. Здесь 19 февраля началась забастовка более двух с половиной тысяч рабочих, закончившаяся только 27 марта¹.

Начавшие забастовку рабочие механического цеха с целью привлечения к ней всех рабочих пошли в другие цехи завода, «неся с собой красный флаг, на котором была надпись: «Да здравствует свобода и 8-часовой рабочий день!»². Стачечники предъявили администрации требования установления восьмичасового рабочего дня, увеличения на 20 процентов заработной платы, отмены всякого рода удержаний и т. д.

С первых же дней забастовки рабочие сделали завод недоступным для администрации. Как сообщал окружной инженер Тшасковский, «забастовщики объявили, что никого не пустят на завод, и потребовали удаления с завода администрации»³. Во время забастовки рабочие собирались на митинги, нередко превращавшиеся в политические демонстрации. На митингах с политическими речами выступали социал-демократы — большевики. Губернские полицейские власти сообщали в столицу, что на одном из митингов ораторы выступали «под красным флагом с надписью: «Уральский комитет Российской социал-демократической рабочей партии»⁴.

Между заводоуправлением и уполномоченными от рабочих велись длительные переговоры. Управляющий округом Гайль обратился со специальным «Воззванием к рабочим Лысьвенского завода», в котором убеждал «прекратить разорительную... забастовку и восстановить добрые старые отношения»⁵. Но рабочие упорно добивались выполнения своих требований.

Характеризуя лысьвенскую забастовку, большевистская газета «Пролетарий» писала: «В Лысьве, где рабочие наиболее революционно настроены, они ходили толпой по заводу с красным флагом и революционными пес-

¹ Архив Свердловского филиала ИМЭЛС, ф. 14, оп. 1, д. 50, л. 93. Имеющиеся в литературе данные об окончании Лысьвенской стачки 3 марта нужно считать неточными.

² МОГА, ф. 132, оп. 1, д. 50, л. 227.

³ Цитирую по Ф. Е. Мельникову, Указ. соч., стр. 55.

⁴ ЦГИАМ, ф. ДП, оп. 1, 1905 г., д. 4, ч. 45, л. 22.

⁵ МОГА, ф. 132, оп. 1, д. 50, л. 234.

ниями. Между прочим на красном флаге стояла надпись: «Лысьвенская социал-демократическая рабочая партия»¹.

Хотя молодая и слабая силами социал-демократическая организация Лысьвы не сумела в должной мере возглавить стачку, но ее политическая работа имела значительные результаты. Бастующих лысьвенских рабочих не испугали прибывшие на завод 7 марта вице-губернатор, два жандармских офицера и полурота солдат. Лысьвенские пролетарии выдвинули дополнительные требования уже чисто политического содержания: объявить нерабочими днями день Первого мая, день памяти жертв расстрела 9 января и день падения крепостного права — 19 февраля².

Организованная настойчивость рабочих Лысьвы заставила администрацию пойти на уступки: был установлен восьмичасовой рабочий день, несколько повышена заработная плата. Стачка прекратилась.

Лысьвенская забастовка, начавшаяся стихийно как экономическая, в ходе борьбы переросла в политическую. Она показала силу революционного подъема рабочих и в то же время слабость социал-демократического руководства. Анализируя причины недостаточного влияния социал-демократов на ход лысьвенской стачки, газета «Пролетарий» подчеркивала: «Громадный недостаток в людях, главным образом в руководителях, не дает возможности организации в такие моменты быть во главе движения»³.

Лысьвенские социал-демократы все же пытались втянуть в совместную борьбу рабочих Чусовского завода. На этом соседнем с Лысьвой заводе рабочие также предъявили администрации свои требования, и полиция опасалась забастовки. Пристав Чусовского завода сообщал, что 21 февраля вечером около 500 рабочих механического и литейного цехов явились к заводской конторе и настоятельно потребовали замены 10½-часового рабочего дня восьмичасовым. Опасаясь забастовки и рассчитывая оторвать рабочих этих двух основных цехов от рабочих других цехов завода, главный директор завода удовлетворил требования. 21 февраля механический и литейный цехи

работали нормально. Но вслед за рабочими этих цехов к главному директору явилось около 300 рабочих доменного цеха. Они также ходатайствовали о сокращении рабочего дня с 12 до 8 часов. Не возражая открыто против предложения рабочих, главный директор обещал ходатайствовать об этом перед находящимся в Лионе (Франция) главным правлением акционерного общества. Ответ удовлетворил рабочих, и они согласились «продолжать работу на существующих условиях впредь до разрешения возбужденного ими ходатайства»¹.

А 26 февраля полиция, как видно из ее донесений, задержала на Чусовском заводе представителя «прибывшего с бунта из Лысьвенского завода с противозаконными сочинениями», которые тот распространял среди «населения жителей — рабочих Чусовского завода с целью возбудить бунт»². Но вызвать забастовку чусовских рабочих, обманутых заверениями администрации, социал-демократическим агитаторам не удалось.

Важным звеном в развитии рабочего движения в Пермской губернии в первые месяцы революции была девятидневная забастовка на Нейво-Алапаевском заводе в марте 1905 года.

Недовольство рабочих было здесь обострено предпологавшимся понижением и без того нищенской заработной платы еще на 30 процентов. Местная социал-демократическая организация устраивала тайные сходки рабочих, на которых обсуждались вопросы борьбы за улучшение экономического положения. На одну из таких сходок в ночь на 7 марта напали полицейские. Руководитель рабочих Ветлугин был арестован, полиция конфисковала много социал-демократических прокламаций. На следующий день, 7 марта, собравшиеся в большом количестве рабочие предъявили приставу «единогласное, бесповоротное и настойчивое требование» выдать им Ветлугина. Полицейские власти пытались отказать рабочим, но, как указывают документы, «дабы избежать насильственных действий со стороны толпы, пристав, по совету находившегося тут же земского начальника... отпустил Ветлугина»³.

¹ «Пролетарий», № 8, 17(4) июля 1905 года.

² Архив Свердловского филиала ИМЭЛС, ф. 41, оп. 1, д. 50, л. 90.

³ «Пролетарий», № 8, 17(4) июля 1905 года.

¹ МОГА, ф. 132, оп. 1, д. 50, л. 164.

² Там же, л. 155.

³ Там же, ф. 162 (10 с), оп. 1, д. 124, л. 109.

Вскоре после этого, 11 марта, последовало извещение администрации Нейво-Алапаевского завода о понижении расценок на 30 процентов. Началась забастовка. Под давлением рабочих заводская администрация разрешила им создать специальный орган — собрание рабочих — представителей цехов, или, другими словами, стачечный комитет. Собрание рабочих представителей добилося согласия администрации на полуторную оплату сверхурочных часов, уменьшение рабочего дня, оказание помощи безработным и др. По требованию веривших еще в царя рабочих, собранием представителей была написана и отправлена в Петербург петиция с изложением пужд рабочих Нейво-Алапаевского завода.

В это время на уральских заводах проводился в жизнь закон 19 мая 1893 года, согласно которому при известных условиях несколько увеличивались (по сравнению с реформой 1861 года) земельные наделы горнозаводского населения посессионных заводов. Рабочие Нейво-Алапаевского завода в лице собрания представителей, вместе с сельскими работниками (крестьянами) окружающих деревень, а также рабочими Верхне-Синячихинского, Нейво-Шайтанского и Ирбитского заводов выработали единые общие требования о наделении их, в случае отказа от повышения заработной платы, землей.

Только после жестоких полицейских преследований участников стачки и ареста ее руководителей забастовка на Нейво-Алапаевском заводе была подавлена. 20 марта работы возобновились. Таким образом, рабочие Нейво-Алапаевского завода провели стачку сравнительно организованно, вырывали из рук полицейских органов арестованного в начале стачки своего руководителя, привлекали к выработке совместных требований сельских работников (крестьян) соседних деревень и рабочих близлежащих заводов. Организованность стачке придавало собрание рабочих представителей, которое явилось зародышем будущего Совета рабочих депутатов.

Следует подчеркнуть, что на заводах Пермской губернии с первых же месяцев революции стачки все чаще возглавляются избранными рабочими руководящими органами.

Такой, в частности, была мартовская стачка 1905 года на содовом заводе товарищества Любимова и компании

в поселке Березниках, Соликамского уезда. События здесь начались 9 марта бурным возмущением рабочих. Прекратившие работу рабочие избили двух представителей администрации — заведующего каустическим заводом и химика — разогнали служащих конторы и заняли все входы и выходы с завода¹.

Под влиянием социал-демократов стачка вскоре приобрела организованный характер. Рабочие создали свой орган — собрание депутатов, выработавший и предъявивший администрации требования, среди которых главными были восьмичасовой рабочий день и прибавка заработной платы.

Для того, чтобы выиграть время, перепугавшиеся местные власти вступили в длительные переговоры с депутатами. А в это время в Березники была прислана полурота солдат. Требования бастующих были частично удовлетворены, и с 14 марта работа на заводе возобновилась. Что же касается солдат, то, как сообщал губернатору уездный исправник, они были оставлены в Березниках еще «дня на два, на три для морального воздействия на общество»².

Некоторые успехи в борьбе за удовлетворение экономических требований были достигнуты рабочими Добрянского и Пашийского заводов Пермского уезда.

На Добрянском заводе в начале марта социал-демократическая организация усилила агитационно-пропагандистскую работу. 5 марта здесь была распространена листовка «Воззвание к рабочим»³. 10 марта на улицах Добрянки были расклеены прокламации следующего содержания: «Долой самодержавие! Да здравствует свобода личности, свобода слова и печати! Да здравствует грядущая революция!»⁴.

Втянутые в общий поток массового движения рабочие Добрянского завода 15 марта 1905 года написали жалобу в заводскую контору, в которой требовали от заводоуправления установить восьмичасовой рабочий день, увеличить заработную плату на 25 процентов, улучшить меди-

¹ ЦГИАМ, ф. МЮ, д. 1719, л. 2.

² Там же.

³ МОГА, ф. 132, оп. 1, д. 50, л. 101.

⁴ Там же, л. 105.

цинское обслуживание, разрешать выбрать комиссию из рабочих для заведывания нуждами рабочих и т. д.¹

Заводская контора пошла на установление восьмичасового рабочего дня и удовлетворила некоторые другие второстепенные требования.

Рабочие Пашийского завода в середине марта 1905 года предъявили заводской конторе требование «об увеличении их заработка и уменьшении рабочего времени»². В результате для большинства рабочих доменного цеха был установлен восьмичасовой рабочий день, несколько повышена заработная плата, установлены «харчевые» деньги при дальних командировках рабочих, повышена оплата сверхурочных работ, частично улучшены условия труда (поставлены баки с кипяченой водой, а для рабочих, работающих на выгрузке руды, построены теплушки для отдыха и обеда и др.)³.

Таким образом, на Добрянском и Пашийском заводах рабочие добились некоторых уступок от заводской администрации одними настоятельными требованиями без применения стачки.

Наиболее крупным событием весны 1905 года в Пермской губернии, наряду с Лысьвенской стачкой, была забастовка на Чусовском заводе в Пермском уезде.

Волнения на Чусовском заводе, происходившие еще в феврале, возобновились в марте. В связи с общим усилением рабочего движения в Пермской губернии, рабочие Чусовского завода снова поднимаются на борьбу. 12 марта 1905 года, закончив рабочий день, рабочие механического цеха собрались около заводской конторы. Они избрали из своей среды депутатов, которые тут же передали директору завода заранее написанное заявление.

Следует отметить наличие у рабочих Чусовского завода царистских иллюзий. В заявлении говорилось, что царь «проявляет непрестанные заботы, чтобы улучшить быт и облегчить труд фабрично-рабочих людей», подчеркивалось, что рабочие обращаются с просьбой к заводоладельцам «тихо, скромно, без шума и последствий, дабы не ввести в ущерб интересов завода»⁴.

Рабочие просили: установить девятичасовой рабочий день, со включением в это время утренней и вечерней молитвы, не штрафовать и не увольнять рабочих за опоздания и невыход на работу в течение одного дня, оплачивать сверхурочные работы в полуторном размере, повысить заработную плату на 20 процентов, выплачивать при увечиях, полученных на работах, поденную плату, ликвидировать производ цеховой администрации в отношениях с рабочими и т. д.

Главный директор в ответе, вывешенном для всеобщего сведения 14 марта, ссылаясь на некоторые уступки, сделанные в феврале, а также на тяжелое положение завода, в удовлетворении всех основных просьб рабочих отказал. Это вызвало всеобщее возмущение, рабочие начали готовить стачку. Прошло полмесяца — и забастовка стала фактом.

1 апреля 1905 года началась стачка в механическом цехе. К нему присоединились прокатный, мартеновский, доменный, кузнечный и другие цеха. Бастующие избили главного начальника прокатных цехов француза Малло, ударившего рабочего, а также механика француза Пинателя. Оба они мешали рабочим остановить машины. В цехах появились директор завода, бухгалтер и исправник. Они уговаривали рабочих разойтись по своим местам и работать, но безуспешно. Завод был остановлен.

Из Чусового в Пермь посыпались телеграммы, сообщающие, что «в Чусовском заводе забастовал механический цех и остановлены остальные цеха», что администрация «опасается осложнений и убедительно просит солдат», что директор завода француз Тай угрожает «обратиться к содействию посольства»¹ и т. п.

Начались переговоры делегатов рабочих с администрацией. Представители рабочих настаивали на полном удовлетворении их требований, изложенных в заявлении 12 марта. Директор, затягивая время, связался по телеграфу с главным правлением акционерного общества, находившимся в Лионе (Франция) и просил уступок. 4 апреля рабочие делегаты выдвинули дополнительные требования. Они предложили администрации полностью отменить штрафы, создать постоянно действующую комиссию из рабочих, уволить ряд ненавистных рабочим

¹ МОГА, ф. 132, оп. 1, д. 50, лл. 109—110.

² Там же, л. 274.

³ Там же, лл. 277—278, 282, 285—286 и др.

⁴ Там же, ф. 132, оп. 1, д. 50, л. 157.

¹ МОГА, ф. 132, оп. 1, д. 50, лл. 186, 187, 190 и др.

мастеров-французов, а также выдать всем бастующим на содержание семьи во время стачки по 5 рублей. При этом, как видно из материала следствия, собравшиеся в это время к конторе завода рабочие «никого из конторы не выпускали до той поры, как им в силу необходимости дали обещание выдать требуемые ими деньги на следующий день утром»¹.

Депутаты от рабочих твердо настаивали на полном удовлетворении своих требований, но администрация отказывалась. Тогда депутаты 5 апреля прервали переговоры. Положение осложнилось. Прибывшие на завод окружной инженер Тшасковский и исправник Соколовский вызвали через губернатора войска. Военная команда в 100 человек прибыла на завод 6 апреля. В то же время заводская администрация пошла на некоторые незначительные уступки в улучшении бытовых условий рабочих.

В это время среди рабочих Чусовского завода была распространена листовка Пермского комитета РСДРП, в которой разъяснялись задачи бастующих в свете общероссийских задач рабочего класса. «Товарищи чусовские рабочие, — читаем мы в листовке. — Вы объявили забастовку, выставив целый ряд требований. Как же отнеслось заводское начальство к вашим требованиям? Оно дало вам мелкие уступки вроде клозетов и бань и в то же время призвало солдат для того, чтобы не уступить в главном — увеличении заработной платы, отмене штрафов, комиссии из рабочих и удалении нежелательных мастеров. Так будет до тех пор, пока вы не присоединитесь к общему движению рабочих всей России». Далее листовка призвала требовать Учредительного собрания и готовиться ко всенародному восстанию, чтобы «дружным натиском свергнуть царское правительство»².

Французские капиталисты — владельцы Чусовского завода решили, опираясь на войска, задавить стачку угрозой локаута. Администрация завода от имени главного управления заводов Камского акционерного общества повесила объявление, в котором предупреждала, что «в случае неявки рабочих на работу 9 апреля сего года в 6 часов, завод закрывается на неопределенное время и

все рабочие приглашаются получить окончательный расчет»¹. Вместе с тем рабочим обещалось несколько повысить заработную плату в прокатных цехах и поденным рабочим, а также уменьшить штрафы за опоздание.

Но забастовка еще продолжалась до 12 апреля. За это время руководители стачки были арестованы, единство рабочих угрозой закрытия завода и некоторыми новыми уступками было нарушено, а постой военной команды подорвал веру рабочих в успех борьбы. Стачка была прекращена. Исправник сообщил по телеграфу губернатору 12 апреля: «Завод полным ходом, все спокойно»².

В связи с окончанием стачки Пермский комитет обратился к чусовским рабочим с новым воззванием. В прокламации подчеркивалось, что стачка показала рабочим, что «необходимо бороться не только с заводским начальством, но и с нашим правительством, которое дает капиталистам возможность угнетать нас»³.

Таким образом, апрельская стачка на Чусовском заводе началась со скромных просьб рабочих и переросла в забастовку с грозными требованиями. Возглавляли стачку депутаты от рабочих, которые сумели придать ей сравнительно организованный характер. Пермский комитет РСДРП стремился своими прокламациями направить забастовку на путь широких политических требований.

Из всего сказанного о рабочем движении в Пермской губернии в первые месяцы после начала революции вытекают ряд выводов. Прежде всего, несмотря на запоздание откликов на события в Петербурге, в этот период рабочее движение с каждым месяцем быстро нарастало. Если в январе мы наблюдали один факт выступления рабочих, то в феврале их было 3, а в марте 5. Стачное движение расширялось от выступлений одного цеха до масштабов всего завода и даже попыток объединить несколько заводов. Стачки в преобладающем большинстве носили экономический характер. Но и экономические забастовки сыграли свою роль в развитии революции. Как подчеркивал В. И. Ленин в своем докладе «О революции 1905 года», «только экономическая борьба, только борьба за немедленное, непосредственное улучшение своего

¹ МОГА, ф. 132, оп. 1, д. 50, лл. 212—213.

² Там же, лл. 179.

¹ МОГА, ф. 132, оп. 1, д. 50, л. 224.

² Там же, л. 201 об.

³ Там же, л. 185.

положения способна встряхнуть наиболее отсталые слои эксплуатируемой массы, дает им действительное воспитание и превращает их — в революционную эпоху — в течение немногих месяцев в армию политических борцов»¹.

Некоторые из стачек под влиянием социал-демократической пропаганды приобрели черты политического характера. Социал-демократические организации прилагали все усилия, чтобы возглавить борьбу рабочих. Но общая слабость социал-демократической работы на Урале и недостаток партийных кадров не давали возможность большевикам Урала на этом этапе по-настоящему стать во главе рабочего движения.

Рассмотрим в связи с этим, в каком состоянии находилась социал-демократическая организация Пермской губернии в первые месяцы революции.

Январские провалы в Перми и Екатеринбурге тяжело отразились на руководстве социал-демократическими организациями. Было арестовано не только большинство руководителей Пермского и Средне-Уральского комитетов, но и восстановленный Уральский областной комитет в лице Н. Замятина, С. Черепанова, Н. Вилонова. Пострадали от полицейских преследований организации Лысьвы, Нижнего Тагила, Алапаевска, Надеждинска, Чусового и других рабочих центров.

Побывавшая на Урале в феврале-марте 1905 года представитель Бюро комитетов большинства Р. С. Землячка в письме к Н. К. Крупской так характеризовала положение социал-демократической организации Урала: «Здесь я застала дела в ужасном виде. Комитет целиком провалился. Оказались группы по разным городам без комитета»². С помощью представителей Бюро комитетов большинства ряд социал-демократических организаций Пермской губернии был восстановлен. Поднявшие голову и проводившие в Пермском комитете расколы деятельность меньшевики получили сокрушительный отпор и были отстранены от руководства. В большевистскую газету «Вперед» было отправлено решение Пермской группы Уральского комитета, в котором она «признает настоятельную необходимость III съезда и предлагает Бюро

комитетов большинства взять на себя роль Организационного комитета»¹.

Были перепечатаны «Общие требования рабочих», изданные Петербургским комитетом и Бюро комитетов большинства, и как указывалось в отчете Пермского комитета, «распространены по заводам в громадном количестве»².

Находясь в преобладающем большинстве на большевистских, ленинских позициях, социал-демократические организации Пермской губернии отказались посылать своих представителей на Женевскую конференцию меньшевиков. Они избрали и отправили своих делегатов на созываемый Бюро комитетов большинства III партийный съезд в Лондоне.

На открывшемся 25 апреля 1905 года в Лондоне III съезде РСДРП уральские партийные организации были представлены двумя делегатами. Съезд осудил тактику меньшевиков-раскольников и определил курс партии «на развертывание революции, на свержение царизма путем вооруженного восстания, на гегемонию рабочего класса, на изоляцию кадетской буржуазии, на союз с крестьянством, на создание временного революционного правительства из представителей рабочих и крестьян, на доведение революции до победного конца»³.

Решения съезда стали программой действий большевистских организаций Пермской губернии. Ведущие организации Урала — Пермская и Екатеринбургская — полностью одобрили резолюции съезда и обязались выполнять их. Из Перми в избранный на съезде Центральный Комитет было направлено письмо, в котором указывалось: «Пермская организация извещает ЦК, что, признавая III съезд партийным, она присоединяется к большинству и признает все его резолюции обязательными»⁴.

То же происходило и в Екатеринбурге. Выслушав сообщение делегатов о работе III съезда РСДРП, Екатеринбургский комитет постановил:

а) признать все постановления III съезда РСДРП для себя обязательными;

б) признать избранные на нем центральные партийные учреждения законными;

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 234.

² Цитирую по «Очеркам истории большевистских организаций на Урале», стр. 69.

¹ «Вперед», № 1, 10 марта 1905 года.

² ЦГИАМ, ф. ДП, 00, 1905 г., д. 5, ч. 13, л. 3.

³ История ВКП(б). Краткий курс, стр. 90.

⁴ ЦГИАМ, ф. ДП, 00, 1905 год, д. 5, ч. 13, л. 3.

в) стать под политическое руководство составленного Центрального Комитета»¹.

Вслед за Пермским и Екатеринбургским комитетами решения III съезда РСДРП были приняты в качестве руководящих программных документов всеми социал-демократическими организациями и группами. Ломая оппортунистическую, предательскую линию меньшевиков, вооруженные ленинской теорией перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, большевистские организации Урала вступили в новый период революции, начавшейся майскими событиями 1905 года.

В первые месяцы революции крестьянские массы Урала не были, или почти не были, втянуты в революционную борьбу. Хотя социал-демократические организации в это время распространяли свои прокламации среди крестьян Красноуфимского, Осинского, Кунгурского, Оханского, Пермского и других уездов, но эта агитационно-пропагандистская деятельность еще не давала результатов. Большое влияние в деревне в это время имела партия эсеров.

Некоторую активность проявила либеральная буржуазия Пермской губернии, выражавшая свое недовольство внешней и внутренней политикой царизма. Вскоре после 9 января земские буржуа и либеральные интеллигенты Перми собрались на собрание в народной библиотеке, созданной в свое время Смышляевым. Обсудив положение на фронтах русско-японской войны, пермские либералы решили просить Николая II «о немедленном прекращении начатой помимо воли народа и ненужной войны с Японией»².

В это время выступают со своими требованиями к царизму и уральские горнозаводчики. Они, пытаясь подменить революцию реформой, требовали политических свобод и, в частности, участия «в законодательстве самого населения»³, то есть буржуазии.

Но остановить революцию было нельзя, она развивалась вширь и вглубь и в мае 1905 года на Урале, как и во всей стране, вступила в новый этап — этап крупных летних и осенних событий.

¹ «Пролетарий», № 7, 10 июля (27 июня) 1905 года, «Приложение».

² МОГА, ф. 65, оп. 1, д. 1142, л. 273.

³ «Право», № 9, 1905 год.

ГЛАВА III

ПОДЪЕМ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ НА УРАЛЕ С МАЯ ПО СЕНТЯБРЬ 1905 ГОДА

Летом 1905 года в России произошло дальнейшее углубление революции. Первомайские стачки, в которых участвовало 220 тысяч рабочих, в ряде городов (Варшаве, Баку, Одессе, Риге и др.) перерастали в политические демонстрации и столкновения с полицией. Всеобщая стачка рабочих города Лодзи в июне закончилась баррикадными боями. Длительная, продолжавшаяся с мая по август, стачка иваново-вознесенских рабочих была возглавлена Советом уполномоченных, который явился одним из первых Советов рабочих депутатов в нашей стране.

Рабочее движение подняло на борьбу против помещичьего гнета и малоземелья крестьянские массы. Из центра России крестьянское движение распространилось на Поволжье и Закавказье.

Под влиянием рабочего и крестьянского движения и поражения на фронтах русско-японской войны заколебалась опора царизма — армия. Первым массовым революционным выступлением в армии было восстание на броненосце «Потемкин». Начался переход армии на сторону революции. В России назревали условия для вооруженного восстания народа.

Отражением всех этих общерусских процессов были летние события на Урале. Начались они первомайскими массовками и стачками.

Международный рабочий день Первое мая рабочие Пермской губернии начали отмечать еще в апреле. В это время в районе Мотовилихинского завода систематически

собирались массовки, в которых участвовало от 40 до 150 рабочих. Проводятся также несколько массовок учащихся Перми, на которых, как отмечал в своем докладе Центральному Комитету РСДРП Пермский комитет, революционно настроенные учащиеся «разобрались в программных и тактических вопросах существующих партий» и «большинство приняло программу социал-демократов»¹.

Накануне Первого мая Пермский комитет выпустил серию листовок с призывом отметить международный рабочий праздник прекращением работы и уличными демонстрациями. Например, в листовке, распространенной на Чусовском заводе, писалось: «Приближается 1-ое Мая... Товарищи и рабочие Пермского края, бросайте работу, идите с красными знаменами по улицам, этим вы докажете свою солидарность (согласие) с рабочими всего мира, докажете, что никакая полиция не заставит вас отступиться от ваших требований... Долой самодержавие! Да здравствует социализм!»²

Администрация Мотовилихинского завода, боясь общего возмущения рабочих, сама распорядилась 1 Мая остановить работу. В этот день за Камой была проведена маевка, на которую собралось около 300 пермских и мотовилихинских рабочих. После этой сходки рабочие ожидали демонстрации, но Пермский комитет РСДРП, не имея достаточно подготовленных сил, не решился ее проводить.

Первое мая отметили также рабочие Нейво-Алапаевского завода. Около деревни Алапахы, в Сухом логу, состоялась сходка, в которой приняло участие 50 рабочих и около 100 крестьян. На сходке был поднят красный флаг, произносились политические речи, читались прокламации, пелись революционные песни³.

Ряд крупных событий развернулся в связи с празднованием Первого мая в Екатеринбурге. Началось с того, что 1 Мая приказчики магазинов объявили забастовку. Они вышли на улицу с требованием прекращения работы магазинов в праздничные дни и предоставления отдыха приказчикам. Все торговые предприятия в этот день были закрыты. К приказчикам присоединились учащаяся молодежь и рабочие.

5 мая вспыхнула забастовка 350 рабочих на спичечной фабрике Логинова и Ворожцова, а на следующий день к ней примкнули рабочие многих других фабрик и заводов Екатеринбурга. 6 мая бастующие рабочие Екатеринбурга, присоединив к себе значительную часть вышедшей из церкви публики, провели массовую политическую демонстрацию, в которой приняло участие около 12 тысяч человек. Демонстрация сопровождалась пением революционных песен и политическими речами, которые заканчивались призывами: «Долой самодержавие! Да здравствует республика!»¹. Растерявшиеся полицейские власти, чувствуя свое бессилие, даже не пытались помешать этому бурному политическому выступлению, возглавлявшемуся социал-демократами.

На следующий день — 7 мая у Михайловского кладбища собрались две массовые сходки. На них присутствовали главным образом рабочие двух еще не бастовавших заводов: Верх-Исетского и Ятес. Выслушав речи ораторов — социал-демократов, рабочие этих заводов и других, мелких предприятий города также присоединились к забастовке, выставив требования восьмичасового рабочего дня, увеличения заработной платы и т. п.

В ночь на 8 мая по всему Екатеринбургу, включая Верх-Исетский завод, были разбросаны прокламации Екатеринбургского комитета Уральского союза РСДРП под названием «Что такое социал-демократия» и «Ко всем рабочим и работницам». Первая из прокламаций, «призывая рабочих положить конец царской монархии и слиться в боевом крике со всеми другими рабочими», заканчивалась словами: «Долой царскую монархию»².

Попытки екатеринбургских социал-демократов созвать митинг в центре города не увенчались успехом. Собрания рабочих разгонялись полицией и войсками, вызванными в Екатеринбург из Тюмени и Челябинска. Рабочие Екатеринбурга по призыву социал-демократов стали, обходя полицейские преграды, собираться на сходки вне черты города. Так, 9 мая произошла сходка рабочих, учащейся молодежи и других групп населения города около Татарского кладбища. 13 мая социал-демократы создавали две

¹ ЦГИАМ, ф. ДП, 00, 1905 г., д. 5, ч. 13 лА, л. 3.

² МОГА, ф. 132, оп. 1, д. 50, л. 184.

³ Там же, ф. 160, оп. 1, д. 21, лл. 11—13.

¹ ЦГИАМ, ф. МЮ, д. 1721, л. 4 об.; «Пролетарий», № 9, 3 июля (20 июня) 1905 года.

² Там же, лл. 4, об. — 5.

сходки рабочих в районе Основинских прудков. Среди рабочих была распространена прокламация местной социал-демократической организации «Отчего экономические реформы невозможны без политического переустройства страны»¹. Стачечное движение в Екатеринбургe продолжалось.

Бурные события в период с 10 по 14 мая 1905 года происходили на Нейво-Алапаевском заводе. Здесь стачка переросла в стихийную расправу с администрацией. Получив тревожное сообщение от своего управляющего, перепугавшийся владелец Нейво-Алапаевских заводов Рукавишников 11 мая телеграфировал министру внутренних дел Булыгину: «Прошу защиты заводов от грозящего разрушения, присылки тотчас войска»².

В дополнение к находившейся там военной команде в Алапаевск была отправлена еще полурота солдат. Из Перми губернатор убедительно просил министра внутренних дел «скорейшей присылки казаков как сюда, так и в Зауралье, по крайней мере полка»³.

Характеризуя положение на Урале, прокурор Екатеринбургского окружного суда в донесении прокурору Казанской судебной палаты от 13 мая 1905 года писал: «Общее положение Урала в виду охватывающего его рабочего движения и наличности преступной пропаганды нельзя не признать тревожным»⁴.

В этой оценке не было преувеличения. Грозные для царизма события разворачивались на Надеждинском, Кусье-Александровском, Нижне-Тагильском и других заводах, а также в самом губернском центре — Перми.

Под влиянием первомайских выступлений рабочих всей России, рабочие Надеждинского завода Богословского округа стали в начале мая собирать сходки, на которых выработали 15 общих требований к заводской администрации. 12 мая 1905 года требования были предъявлены в заводскую контору. Главными из них были: установление восьмичасового рабочего дня, определение минимума заработной платы в 80 копеек в день, увеличение заработной платы при выдаче ее купонами на 10 процентов, отмена штрафов, введение бесплатной медицинской помощи

и страхования рабочих за счет завода, улучшение жилищных и культурно-бытовых условий, вежливое обращение администрации с рабочими, оплата работ в праздничные дни в двойном размере и др. Одним из важных требований было требование о замене ранее существовавших старост особыми выборными, «которых рабочие будут избирать для предъявления требований каждый раз на сходках»¹.

Некоторые из требований администрация сразу же удовлетворила, в части других — отказала, а часть решила обсудить с рабочими. В частности, управляющий заводом Хренников, боясь забастовки, вывесил в цехах объявление о том, что рабочие могут свободно собираться в здании театра для обсуждения своих вопросов. Местные социал-демократы не замедлили этим воспользоваться. В тот же день они созвали общее собрание рабочих, на котором вместо прежних цеховых старост были избраны выборные по одному от 50 рабочих каждого цеха. Как сообщил помощник начальника Пермского губернаторского жандармского управления своему начальству, «в выборные попали по большей части лица, замеченные в политической неблагонадежности и даже привлеченные, или привлекавшиеся к дознаниям за государственные преступления»². Повторная баллотировка представителей в собрание выборных от цехов, произведенная по требованию властей 17 мая, дала те же результаты. Среди избранных попрежнему находилась значительная группа социал-демократов и их сторонников. Выборные официально признавались заводоуправлением «посредниками между рабочими и администрацией завода до тех пор, пока цеховые рабочие не пожелают заменить их новыми»³.

Собрание выборных на первом же своем заседании 12 мая потребовало увольнения с работы и удаления с завода в трехдневный срок заводского врача Токарева, который не выдавал свидетельства рабочим после избития их полицейскими. Это постановление было проведено в жизнь. Через собрание выборных представителей рабочие Надеждинского завода добились также увольнения полицейского надзирателя, двух стражников и урядника.

¹ ЦГИАМ, ф. МЮ, д. 1721, л. 5.

² Там же, ф. ДП, 00, д. 2250, ч. 5, л. 6.

³ Там же, лл. 13—13 об.

⁴ Там же, ф. МЮ, д. 1721, лл. 5—5 об.

¹ МОГА, ф. 65, оп. 3, д. 74, л. 44.

² Там же, лл. 45—45 об.

³ Там же, лл. 45 об.—46.

Собрание выборных установило свой контроль над местной полицией. «В настоящее время, — читаем мы в одном из документов, — в ночные обходы с полицией назначаются по одному из выборных от рабочих, которые и наблюдают за действиями полиции»¹. Деятельность местных властей была ограничена. Авторитет собрания выборных среди рабочих и всего населения с каждым днем возрастал и укреплялся. 27 мая старший приказчик общества потребителей Карасев уволил 3 приказчиков. В ответ на это 9 остальных приказчиков забастовали и обратились за помощью к собранию рабочих. После вмешательства выборных заседание ревизионной комиссии общества потребителей признало действия Карасева неправильными. Уволенные приказчики были восстановлены на работе, а опозоренный Карасев подал в отставку.

Так в ходе революции постепенно складывались и оформлялись выборные органы рабочих, которые начинали выполнять отдельные функции Советов рабочих депутатов.

Забегая несколько вперед, укажем, что собрание выборных от цехов на Надеждинском заводе в процессе дальнейшего развития революции к октябрю 1905 года превратилось в один из наиболее организованных Советов рабочих депутатов на Урале.

Следовательно, рабочие Надеждинского завода благодаря своей организованности одной угрозой стачки добились удовлетворения ряда требований, в том числе официального признания администрацией своего органа — собрания выборных от цехов.

По-иному развернулась борьба рабочих на Кусье-Александровском заводе. Утром 12 мая рабочие доменного цеха этого завода «прекратили работы, остановив домну на полном ходу, предъявили управителю завода некоторые требования и заявили, что пока их требования не будут удовлетворены во всем объеме, до тех пор они не приступят к работе и не допустят никого к домне»². К доменщикам присоединились рабочие других цехов и близлежащих рудников. Стачка стала общей. Все входы в завод были взяты под свою охрану стачечниками.

¹ МОГА, ф. 65, пл. 3, д. 74, лл. 46—48 об.

² Уральский филиал ИМЭЛС, ф. 41, оп. 1, д. 50, л. 16.

Забастовавшие рабочие требовали увеличения заработной платы на 20—30 процентов, сокращения рабочего дня с 11—10 до 8 часов, оплаты воскресных работ в полуторном размере и т. п. Среди других требований имелся также пункт, согласно которому, как писали рабочие, все работы как основные заводские, так и вспомогательные администрация завода должна «отдавать нам, а вольным же отдавать лишь в том случае, когда эти работы окажутся не занятыми нами»¹. Такое требование говорит о живучести отсталых, местнических интересов среди части уральских рабочих, привязанных к заводам хозяйством и земельным наделом.

Попытки прибывшего на завод окружного инженера Тшасковского уговорить рабочих прекратить стачку не дали результатов.

Управляющий заводами наследников П. П. Шувалова Гайль и пермский губернатор Наумов пытались принудить рабочих отказаться от своих требований запугиванием локаутом. На завод была отправлена следующая цинично-угрожающего тона телеграмма губернатора: «Кусье-александровским рабочим объявите, им уступок не будет; завод закроют; пусть питаются, чем хотят»². Аналогичным был и ответ управляющего заводами на ходатайство рабочих.

Основываясь на этих указаниях, местная заводская администрация вывесила объявление, в котором сообщалось об отказе удовлетворить требования рабочих и предлагалось приступить к работе 16 мая, с предупреждением, что в противном случае завод будет закрыт, а все бастующие рабочие получают расчет. Для обсуждения создавшегося положения бастующие собрались на волостной сход, куда пригласили также окружного инженера и земского начальника. Верившие еще в возможность найти справедливое решение в государственных органах рабочие «потребовали от земского начальника предъявления подлинной телеграммы губернатора, так как оказалось, что многие из них не поверили в присылку губернатором упомянутой телеграммы»³.

Боясь остаться без средств существования в случае

¹ МОГА, ф. 132, оп. 1, д. 45, л. 357.

² Там же, л. 358.

³ Уральский филиал ИМЭЛС, ф. 41, оп. 1, д. 50, л. 10 об.

закрытия завода, кусье-александровские рабочие решили с 16 мая прекратить стачку и одновременно обратиться к заводовладельцам с прошением о повышении заработной платы и уменьшении рабочего дня.

Таким образом, начавшаяся организованно и с упорством стачка кусье-александровских рабочих из-за угрозы локаута, веры бастующих в «снисходительность» заводовладельцев и отсутствия социал-демократического руководства не дала ожидаемых результатов.

В то время, когда еще продолжалась стачка рабочих Кусье-Александровского завода, в губернском центре — городе Перми — растущее недовольство народных масс вылилось в бурную политическую демонстрацию, возглавлявшуюся социал-демократами — большевиками.

Еще 3 мая учителям г. Перми были разосланы приглашения на собрание или съезд в дом Мешкова (ныне здание Управления Камского речного пароходства) с целью учреждения в Пермской губернии филиала Всероссийского союза учителей. Однако, когда приглашенные 14 мая собрались к этому дому, полиция их в дом не пустила и запретила проводить собрание. Вокруг прибывших учителей собралось «человек около пятисот»¹, учащихся, рабочих и других представителей населения Перми. Между собравшимися и полицией началась перебранка. Вскоре сюда прибыл полицмейстер с дополнительной полицейской командой.

Попытка полиции разогнать собравшихся силой вызвала бурный протест последних. От дома Мешкова учителя и присоединившиеся к ним жители Перми отправились к дому губернатора (ныне туберкулезный диспансер) для принесения жалобы на действия полицмейстера. Шествие превратилось в политическую демонстрацию, в которой теперь уже участвовало до 2000 человек². Полиция оказалась бессильной преградить путь демонстрантам.

Направляясь к дому губернатора по улицам Монастырской (ныне Орджоникидзе) и Сибирской (ныне К. Маркса), демонстранты пели «Марсельезу» и другие

революционные песни, а также провозглашали лозунги «Долой царя, долой правительство!»¹. Перепугавшийся губернатор сказался «больным» и выйти к демонстрантам отказался, за что был осужден. Продолжая шествие по Сибирской улице, демонстранты вскоре снова встретились с отрядом полиции. Но под давлением их решительных требований полицмейстеру пришлось отозвать полицейский отряд. Демонстранты начали расходиться, однако часть из них, возглавляемая социал-демократами Анной Ягодниковой и Юлией Хлыновой, отправилась на Вознесенскую площадь (ныне площадь имени Кирова), где во дворе дома Будкина решила составить протокол обо всем происшедшем и открыть учительский съезд². К этому времени на Вознесенскую площадь в помощь полиции была вызвана рота солдат Ирбитского резервного батальона. Демонстранты начали рассеиваться. По приказанию полицмейстера часть демонстрантов, собравшихся во дворе Будкина, была окружена войсками. Фамилии всех окруженных 74 человек были переписаны полицией, хотя никто из них не был арестован. На этом закончились дневные события 14 мая.

Успех стихийно возникшей политической демонстрации укрепил уверенность в своих силах среди трудящихся масс города Перми. Пермские большевики решили новую политическую демонстрацию организовать вечером того же 14 мая с участием рабочих крупнейшего Мотовилихинского завода.

В этот день Пермский комитет, преодолевая принципиальное сопротивление меньшевиков, проявил невиданное еще в его деятельности организационные способности. К 9 часам вечера в саду Общественного собрания (ныне сад имени А. М. Горького) собралось около 500 рабочих Перми и Мотовилихи. Часть из них имела оружие. К рабочим присоединилась находящаяся в саду публика. Количество участников демонстрации быстро возрастало и вскоре превысило 3 тысячи человек³.

Над демонстрантами взвилось огромное красное знамя. С пением рабочей «Марсельезы» и с возгласами «Долой самодержавие!», «Да здравствует республика!» демон-

¹ МОГА, ф. 160, оп. 1, д. 46, л. 17. Данные о количестве собравшихся у дома Мешкова противоречивы. По другим источникам их было «более 200» (МОГА, ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 112, л. 427); «до 300» (МОГА, ф. 142, оп. 2, д. 118, л. 50) и «человек 900» (ЦИАМ, ф. ДП, 00, 1905 г., д. 5, л. 13 лА, л. 3 об.).

² МОГА, ф. 160, оп. 1, д. 46, лл. 17—18.

¹ МОГА, ф. 142, оп. 2, д. 118, лл. об. — 51.

² Там же, д. 91, л. 433.

³ Там же, ф. 160, оп. 1, д. 46, л. 19.

странты шествовали по аллеям сада. Среди собравшихся разбрасывались социал-демократические прокламации. Произносились речи политического характера¹. Особенно яркими были два выступления известного пермского большевика Александра Лукича Борчанинова². Попытка полиции задержать демонстрантов в саду закончилась тем, что полицейский заслон был смят. В этой стычке один полицейский был убит и несколько полицейских ранено.

К вышедшим на Кунгурскую улицу (ныне Комсомольский проспект) манифестантам присоединилась часть публики из находившегося на этой улице цирка. Количество демонстрантов возросло до 5 тысяч³. С пением революционных песен и с возгласами «Долой самодержавие!», «Долой полицию!», «Да здравствует народное самоуправление!» демонстранты дошли до Большой Ямской (ныне улица Пушкина). На углу Большой Ямской и Кунгурской перед демонстрантами снова появились отряды конной и пешей полиции. Подготовленные к этому рабочие-демонстранты оказали «вооруженное сопротивление полиции», стреляя в нее «из револьверов» и бросая «камнями и палками»⁴. Полицейским пришлось позорно бежать.

Интересно отметить, что против того места донесения губернатору, где сообщалось, как «полицейский отряд... будучи осыпан градом камней и пуль, отступил без употребления оружия», директор департамента полиции Трепов наложил резолюцию: «Полиция действовала ниже всякой критики»⁵.

Направляясь Сибирской улицей к Театральному саду, демонстранты по пути разбили стекла в окнах губернаторского дома, сорвали царские флаги, вензеля и портреты царя, выставленные в связи с «царским днем». Они избивали и разгоняли с помощью оружия встречавшихся на пути полицейских. Когда же к Театральному саду начали прибывать вызванные полицмейстером войска, демонстранты уже разошлись.

«Таким образом, — свидетельствовал один из современников, — вечером 14 мая в Перми состоялась первая

рабочая манифестация и эта манифестация была вооруженная»¹.

Митинги и демонстрации в Перми продолжались и на следующий день. Из сообщений полицейских органов видно, что 15 мая «на противоположной городу стороне р. Камы собралась громадная толпа демонстрантов и... среди толпы виднелся красный флаг»². Закончив митинг, рабочие-демонстранты разделились на три группы. Одна из них направилась к Мотовилихинскому заводу; другая — вниз по Каме, третья — переправилась на противоположный берег реки в город. Запуганные полицейские ограничились одним лишь наблюдением.

Вечером 15 мая на Займке загорелся барак канатной фабрики. Для тушения пожара собралось большое количество рабочих. Воспользовавшись этим, Пермский комитет РСДРП снова организовал политическую манифестацию. С революционными песнями, провозглашая большевистские лозунги, демонстранты двинулись в центр города. Но на Большой Ямской они были встречены прибывшими туда войсками и полицейскими отрядами. Манифестанты были рассеяны, при этом арестовано 27 человек³.

Губернские власти для пресечения демонстраций стянули в Пермь дополнительные военные силы. 16 мая губернатор Наумов обратился к жителям Перми с предупреждением, в котором предлагал «не принимать участия в... сборищах и шествиях... так как может быть пущено в ход огнестрельное оружие»⁴.

Пермский комитет РСДРП выпустил 18 мая листовку, в которой подводились итоги борьбы рабочего класса Урала с начала революции и определялось место в них событий в Перми 14—15 мая. Пермская политическая вооруженная демонстрация была названа в этой листовке «началом открытой борьбы с самодержавием в нашем Уральском крае». В прокламации подчеркивалось, что «демонстрация 14 мая в Перми показала, что рабочие не хотят больше сносить своего бесправия, бедности и нежестства». Указывая на необходимость всесторонней подготовки масс для свержения опирающегося на военную силу

¹ МОГА, ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 112, лл. 427—429; «Пролетарий», № 23, 31/18 октября 1905 года.

² МОГА, ф. 142, оп. 2, д. 91, лл. 3—4.

³ ЦГИАМ, ф. ДП, 00, 1905 г., д. 5, ч. 13, л. 4.

⁴ МОГА, ф. 142, оп. 2, д. 91, лл. 3—4.

⁵ Там же, ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 112, л. 354.

¹ МОГА, ф. 160, оп. 1, д. 118, л. 52.

² Там же, ф. 142, оп. 2, д. 118, л. 52.

³ Там же, ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 112, лл. 428—429; ЦГИАМ, ф. ДП, 00, 1905 г., д. 1350, ч. 62, л. 1.

⁴ МОГА, ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 112, л. 390.

самодержавия, Пермский комитет РСДРП заканчивал прокламацию следующими призывами: «Вооружайтесь же, товарищи, силу можно отразить только силой. С оружием в руках добудем мы себе свободу и право на человеческое существование. Долой самодержавие! Да здравствует вооруженное восстание!»¹.

Следовательно, пермская вооруженная политическая демонстрация открыла новый, высший этап политической борьбы угнетенных масс Урала. Она явилась новой ступенью в повышении политической зрелости рабочего класса Урала, усилении идейного и организационного руководства им со стороны пермских большевиков.

В то время как в Предуралье были еще свежи впечатления от массовой политической демонстрации 14 мая, в самом центре горнозаводского Урала — в Нижнем Тагиле — началась всеобщая стачка рабочих. События в демидовских владениях начали разворачиваться с 16 мая 1905 года. В этот день забастовали рабочие примыкавших к Нижне-Тагильским заводам Рудянского медного и Высокогорского железного рудников. Участвующие в стачке рабочие, как сообщал пристав губернатору, «собрались в огромном количестве у конторы этих рудников, заявив, что не выйдут на работы, пока им не будет увеличена поденщина с 70 коп., ныне получаемых, до 1 руб. 50 коп.»². Вступившие в переговоры с бастующими управляющий Нижне-Тагильскими заводами Егоров и управитель рудников Квятковский уговаривали их продолжать работы до получения ответа на их требования от главного управителя из Петербурга, но рабочие отказались, и стачка продолжалась.

На следующий день, 17 мая, к стачке присоединились рабочие расположенного около Нижнего Тагила Выйского завода. Из рудников и Выйского завода бастующие двумя потоками направились в центральный Нижне-Тагильский завод, где призвали рабочих этого завода к прекращению работ. Большинство рабочих Нижнего Тагила примкнуло к стачке, и вскоре она стала всеобщей. Громадные толпы рабочих отправились к конторе главного управления с требованием об увеличении заработной платы. Управляющий Егоров направил срочный телеграфный запрос в Петер-

бург. Власти боялись, что вслед за стачкой «могут последовать серьезные беспорядки»¹.

Получивший сообщение о стачке в Нижнем Тагиле, пермский губернатор в тот же день 17 мая телеграфировал командующему войсками Казанского военного округа, что в связи с забастовкой в Нижнем Тагиле «тревожное настроение громадного завода с сорокатысячным населением» и что «необходима воинская сила без замедления по возможности завтра»².

Одновременно с этим в Нижний Тагил были стянуты полицейские отряды из Верхотурского и Ирбитского уездов и присланы две роты запасного батальона из Перми.

Всеобщая забастовка рабочих Нижнего Тагила — Нижне-Тагильского и Выйского заводов, а также Рудянского и Высокогорского рудников — продолжалась 8 дней. 24 мая от главного управления из Петербурга было получено согласие на некоторые прибавки заработной платы, причем в телеграмме говорилось: «Если рабочие не согласны, объявите расчет, а если желающих работать мало, закройте рудник»³. Далее в телеграмме указывалось, что владельцы заводов «очень рады» объяснить с депутатами от рабочих, почему предписывалось местному управлению выдать депутатам денег на проезд в Петербург и обратно.

Не имея средств к существованию, находясь в окружении войск и полиции, под угрозой локаута, без должного социал-демократического руководства, соблазняемые перспективой добиться улучшения своего положения путем переговоров с владельцами, бастующие рабочие заколебались. С 24 мая рабочие начали приступать к работам, согласившись на некоторое повышение заработной платы. Вместе с тем была избрана и отправлена в Петербург рабочая депутация, которая, как и следовало ожидать, не добилась от заводоладельцев удовлетворения выдвинутых в начале забастовки требований.

Выступления рабочих Урала, примыкавшие к бурным первомайским событиям, продолжались до конца мая. 21 мая на Фроловском медном руднике, Богословского округа, как свидетельствуют документы, «рабочие устроили сходку и просили о прибавке поденной платы; просьбу

¹ МОГА, ф. 160, оп. 1, д. 49, л. 53.

² Там же, ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 112, л. 332.

¹ МОГА, ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 112, л. 341 об.

² Там же, л. 324.

³ Там же, лл. 360—360 об.

эту заводоуправление обещало рассмотреть и дать ответ»¹. В Перми 27 мая произошла однодневная забастовка рабочих железнодорожных мастерских. Начальник дороги и начальник службы тяги немедленно вывесили объявление, в котором предупреждали рабочих, что «если они не начнут правильной работы в 7 часов утра 27 мая», то начальство вынуждено будет «закрыть Пермские мастерские и рассчитать рабочих»². Угроза локаута действовала и 28 мая работы возобновились. На Сосьвинском заводе Богословского округа 30 мая рабочие устроили сходку, выбрали своих депутатов и выработали требования, которые решили предъявить заводоуправлению. По сообщению полицейских властей, на Сосьвинском заводе, как и на Надеждинском, «в выборные попали лица скомпрометированные в политическом отношении»³.

Финалом всех майских событий явилась стачка рабочих Мотовилихинского завода, продолжавшаяся с 25 по 31 мая.

Характеризуя настроения рабочих Перми и Мотовилихи после демонстрации 14 мая, Пермский комитет в докладе ЦК РСДРП писал: «Демонстрация создала прекрасное настроение среди рабочих. Мотовилиха стала настаивать на забастовке. Было устроено ряд массовок и выработаны требования с политической мотивировкой»⁴.

Хотя стачка на Мотовилихинском заводе готовилась в условиях конспирации, активная деятельность большевистских агитаторов была замечена администрацией завода и полицией. 23 и 24 мая по всем цехам завода были разбросаны отпечатанные на тектографе «Требования рабочих завода Мотовилихи», в которых, как указывал полицейский документ, «изложены экономические требования рабочих и затронуты политические вопросы о низвержении самодержавия, освобождении арестованных после 14 мая и т. д.»⁵.

Предвидя возможность больших событий, горный начальник Пермских казенных заводов обратился с соответствующим представлением к губернатору, по распоряже-

нию которого 24 мая в Мотовилихинский завод была введена рота солдат запасного батальона. Но это не предотвратило стачку.

25 мая рабочие Мотовилихи явились, как обычно, на завод, разошлись по цехам, но к работе не приступили. Началась забастовка. После гудка рабочие ряда цехов в количестве 600—700 человек отправились к заводоуправлению и через рабочего Ивана Обухова предъявили горному начальнику ранее выработанные и распространенные по цехам требования. Начальник принять требования отказался, а предложил собравшимся «выбрать депутатов, которые должны изложить письменно требования рабочих»¹. В 11 часов утра на Базарной площади собралась многочисленная сходка бастующих. Они избрали 10 депутатов, которые вновь предъявили горному начальнику уже ранее предъявлявшиеся требования, выработанные Пермским комитетом РСДРП.

Требования бастующих начинались политическим введением. В нем рабочие писали: «Мы хорошо понимаем, что предъявляя нижеследующие требования, мы добиваемся лишь временных частичных улучшений. Мы знаем, что коренного изменения в нашем положении мы добьемся лишь тогда, когда добьемся уничтожения частной собственности на средства производства, т. е. когда мы добьемся социалистического строя. Для того, чтобы добиться этого, нужна политическая свобода, т. е. свобода печати, слова, собраний, совести, союзов, стачек. Такую свободу нам может обеспечить только демократическая республика. И мы с оружием в руках будем добиваться ее. Самодержавное правительство должно быть свергнуто...»².

Далее мотовилихинские рабочие выдвигали 21 требование, среди которых были: установление восьмичасового рабочего дня для взрослых рабочих и шестичасового для подростков, запрещение сверхурочных работ, обеспечение рабочих при болезни или потере трудоспособности, установление минимума заработной платы — по 80 копеек в день, улучшение медицинской помощи, вежливое обращение с рабочими и удаление ненавистных рабочих мастеров. Кроме этих экономических требований, были п

¹ МОГА, ф. 65, оп. 3, д. 74, лл. 46—46 об.

² Там же, ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 113, л. 5.

³ Там же, ф. 65, оп. 3, д. 74, лл. 46—46 об.

⁴ ЦГИАМ, ф. ДП, 00, 1905 г., д. 5, ч. 13, л. 4.

⁵ МОГА, ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 113, л. 6.

¹ МОГА, ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 113, л. 6 об.

² Там же, ф. 160, оп. 2, д. 4, л. 109.

требования, носившие явно политический характер, а именно — требования свободы собраний для обсуждения нужд рабочих, освобождения всех арестованных после демонстрации 14 мая и неприкосновенности всех участников стачки¹.

Администрация завода вместе с полицией и ее агентами решила вызвать рабочих на демонстрацию и, воспользовавшись этим, подавить стачку вооруженной силой. С этой целью среди бастующих был распространен слух о том, что на 25 мая назначена демонстрация. В связи с этим Пермский комитет РСДРП опубликовал опровержение, в котором оповещал рабочих, что «на 25 мая он никакой демонстрации не назначал», а все слухи «исходят, вероятно, от полиции с целью вызвать рабочих на неорганизованную демонстрацию и подвергнуть их зверскому избиению»².

Горный начальник согласился удовлетворить в той или иной мере 8 требований бастующих, отказался от удовлетворения 7 требований, а по остальным требованиям либо не высказал своих суждений, либо дал уклончивый ответ. Он упорно отказывался удовлетворить требование рабочих о введении восьмичасового рабочего дня, почему стачка продолжалась.

В течение следующих трех дней бастующие рабочие ежедневно собирались на митинги и собрания, в которых участвовало до 4 тысяч человек. Митинги обычно проходили на Базарной площади, в народном доме и на Вышке у каланчи. На этих массовых собраниях рабочих очень часто выступал пламенный оратор-большевик Александр Лукич Борчанинов, который произносил зажигательные «речи политического характера»³. Среди участников митингов распространились листовки, в которых показывалась «связь экономических улучшений с политической свободой»⁴.

Администрация завода прилагала все силы и пользовалась всеми средствами для того, чтобы запугать рабочих и сорвать стачку. 27 мая горный начальник Стрельман предупредил рабочих, что «никакой платы бастующим за

дни забастовки выдано не будет»¹. Через день, 29 мая, Стрельман объявил бастующим, что главный начальник уральских горных заводов сообщил ему, что установить восьмичасовой рабочий день на Мотовилихе «не находит возможным», в случае же продолжения забастовки, министерства, сдавшие заказы в Мотовилиху, вынуждены будут «передать заказы за границу», а завод «придется закрыть». Поэтому Стрельман требовал от рабочих «прекратить забастовку и начать работу безотлагательно»².

Одновременно на завод была введена дополнительно рота Ирбитского батальона. Значительная группа социал-демократов и сознательных рабочих во главе с Борчаниновым была арестована. Все это подрывало веру в успех забастовки. Часть менее сознательных рабочих из числа имевших «оседлость в виде наделной заводской усадебной земли»³ под влиянием запугиваний соглашалась стачку прекратить.

Чтобы предотвратить неорганизованное окончание забастовки, Пермский комитет решил 30 мая созвать собрание рабочих, на котором обсудить, как указывалось в листовке комитета, — «будем ли мы продолжать забастовку и на каких условиях согласимся выступить на работу»⁴. При этом имелось в виду «согласиться на те уступки, которые дала заводская администрация»⁵. Но массовому собранию рабочих помешал большой ливень. Не дожидаясь конца собрания, более чем двухтысячная толпа бастующих, возглавляемая местными жителями, двинулась к заводской конторе и высказала желание возвратиться на работы. Характеризуя условия, в которых была прекращена Мотовилихинская стачка, Пермский комитет в докладе ЦК РСДРП писал: «Администрация, опираясь на эту толпу и солдат, вызванных в завод с самого начала стачки, стала приглашать рабочих приступить к работе, обещая выполнить все данные уступки и никого не увольнять за стачку. Рабочим пришлось уступить, так как часть наиболее сознательных была арестована и не было

¹ МОГА, ф. 160, оп. 2, д. 4, л. 109.

² Там же, д. 6, л. 4.

³ Там же, ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 113, л. 6.

⁴ ЦГИАМ, ф. ДП, 00, 1905 год, д. 5, ч. 13, л. 4—6 об.

¹ МОГА, ф. 160 (8 с.), оп. 1, д. 137, л. 61.

² Там же.

³ ЦГИАМ, ф. ДП, 00, 1905 г., д. 5, ч. 13, л. 4 об.

⁴ МОГА, ф. 160 (8 с.), оп. 1, д. 137, л. 64.

⁵ ЦГИАМ, ф. ДП, 00, 1905 г. д. 5, ч. 13, л. 4 об.

надежды отстоять все требования»¹. В тот же день, 30 мая, горный начальник Стрельман вывесил объявление, в котором указывал, что «работы на Пермских пушечных заводах будут возобновлены завтра, 31 мая, с первой смены, т. е. с 6-ти часов утра»². Таким образом, 31 мая Мотовилихинская стачка была полностью прекращена.

Забастовка на Мотовилихинском заводе, примыкавшая к первомайским событиям, явилась самой крупной на Урале политической стачкой этого периода, подготовленной и руководимой большевиками. Однако стачечная борьба Мотовилихинских рабочих не была еще достаточно организованной и настойчивой. Угроза локаута и давление воинской команды пошатнули устойчивость наименее сознательной части рабочих, привязанных к заводу своим домом, хозяйством и усадебной оседлостью. Пермскому комитету не удалось провести организованное отступление бастующих, и после некоторых уступок стачка была прекращена, не достигнув своей основной цели — установления 8-часового рабочего дня. «Несмотря на такой конец, — подчеркивалось в докладе Пермского комитета в ЦК РСДРП, — стачка дала очень многое в смысле увеличения числа сознательных рабочих и создала прекрасное настроение у большинства»³.

Последующие июньские события, хотя и были менее значительными по массовости, отличались одной важной чертой — вовлечением в борьбу не только кадровых пролетариев, но и сезонных рабочих — грузчиков, вспомогательных рабочих. Революция втягивала в свою орбиту все новые и новые кадры участников.

Характерной в этом отношении была стачка грузчиков пристани Левшино, расположенной близ города Перми. Левшинская пристань служила крупной перевалочной базой, где прибывающие водным путем по Каме грузы перегружались для дальнейшего следования по железной дороге, или наоборот, перегружались с железной дороги на воду. Ежегодно в навигацию через Левшинскую пристань проходило до 5 миллионов пудов всякого рода грузов. Пристань принадлежала нескольким владельцам, имеющим здесь свои причалы. Работали здесь исключи-

тельно пестрые по своему составу сезонные рабочие. Из составленного впоследствии протокола следствия видно, что всего рабочих на Левшинской пристани было «около 800 человек, из которых около 250 человек так называемых золоторотцев (босяков)»,... около 100 человек пленных китайцев, а остальные крестьяне из смежных уездов и окрестных волостей»¹. Рабочий день официально продолжался с 5½ часов утра до 6 часов вечера, то есть 12½ часов. Фактически он был большим, так как запись на работы производилась с 3 часов утра, и чтобы не остаться без заработка, нужно было в это время уже находиться на пристани. Надсмотрщики от подрядчиков выжимали все силы грузчиков, не давая им иногда в течение дня даже небольших перерывов для отдыха и курения.

31 мая в 2 часа дня рабочие-грузчики в количестве около 500 человек прекратили работы, явились к дому подрядчика Верховланцева и потребовали от подрядчика «выдать им поденную плату за весь поденный день, угрожая в противном случае разнести весь его дом»². Перепугавшийся подрядчик должен был удовлетворить требование бастующих, но они к работе не приступили. Стачка продолжалась два дня.

Вечером 1 июня приехавший на пристань помощник исправника Правохенский и подрядчик Верховланцев собрали рабочих и предложили им изложить причину забастовки. Рабочие-грузчики жаловались, что «запись на работу производится с 3-х часов пополудни до начала работ, на что ими тратится несколько часов, и затем подрядчики редко допускают залого (это значит перерыв во время работ для куренья)»³. Другими словами, грузчики требовали сокращения рабочего дня и улучшения условий работы.

Требования рабочих были частично удовлетворены. Вместе с тем им погрозили расправой с помощью войск. Слабо организованная и стихийно возникшая стачка была прекращена. 2 июня работы на пристани Левшино возобновились.

Такого же характера выступления вспомогательных рабочих произошли и в других местах губернии.

¹ ЦГИАМ, ф. ДП, 00, 1905 г., д. 5, ч. 13, л. 4 об.

² МОГА, ф. 160 (8 с.), оп. 1, д. 137, л. 65.

³ ЦГИАМ, ф. ДП, 00, 1905 г., д. 5, ч. 13, л. 4 об.

¹ МОГА, ф. 132, оп. 1, д. 50, лл. 361—362.

² Там же, лл. 363.

³ Там же, лл. 363—364.

10 июня 1905 года забастовали 200 сезонных вспомогательных рабочих на Косыинском прииске Крестовоздвиженских золото-платиновых промыслов наследников гр. П. П. Шувалова. Рабочие требовали такого повышения заработной платы на сдельных работах по добыче и погрузке песка, при котором средний дневной заработок составлял бы не менее 80 копеек. Администрация прииска согласилась удовлетворить требования бастующих, и работы были возобновлены¹.

16 июня начали забастовку рабочие-дровозы Пашийского завода. Они выдвинули требование об увеличении расценок на 10 копеек за каждую доставленную сажень дров. В течение 4 дней дровозы-сезонники из окружающих деревень добивались удовлетворения своих требований, но, не получив поддержки от других рабочих, вынуждены были 20 июня приступить к работам «на прежних условиях»².

17 июня забастовали вспомогательные рабочие Тячунских рудников Нейво-Алапаевских заводов. 18 июня к ним присоединились рабочие соседних Поскотинских рудников. Бастующие потребовали увеличения заработной платы и улучшения условий труда. После незначительных уступок администрации рабочие обоих рудников 20 июня вновь стали на работу³.

Частичные стачки, то есть стачки отдельных групп или цехов, с требованием повышения заработной платы и сокращения рабочего дня происходили также на Югокамском (6—9 июня) и Каслинском (13 июня) заводах⁴.

Наиболее длительной и упорной стачкой этого периода была стачка на Сысертских заводах, начавшаяся в июне и продолжавшаяся более трех месяцев.

8 июня рабочие Сысертского и Ильинского заводов, а также Благовещенского прииска, принадлежавших заводо-владельцу Соломирскому, прекратили работы. Бастующие предъявили администрации ряд требований, главными из которых были: восьмичасовой рабочий день, увеличение заработной платы, вежливое обращение с рабочими, отмена обыска рабочих, сверхурочных работ и вычетов за

поломку инструмента, оплата работ в праздничные дни в полуторном и двукратном размере, прекращение обмериваний и обвешиваний рабочих в заводской лавке. Кроме того, бастующие потребовали увольнения «вредных для рабочих» служащих, отказа от привлечения к ответственности рабочих за забастовку, создания комиссии из выборных рабочих «для устранения недоразумений между рабочими и заводоуправлением» и «поднятия умственного развития рабочих»¹.

Из 14 требований управляющий заводами согласился с девятью. Остальные 5 требований, главным образом связанные с увеличением материальных расходов, были представлены на рассмотрение владельца. Началась длительная борьба между рабочими, с одной стороны, и заводо-владельцем с его управителями — с другой.

Забастовка была подготовлена небольшим кружком рабочих, во главе которых стоял студент Томского технического института Девяшин. По имеющимся в нашем распоряжении документам трудно с точностью установить политическое лицо Ивана Елефериевича Девяшина. Будучи, по видимому, по своим убеждениям буржуазным демократом, Девяшин для завоевания авторитета среди в большинстве своем религиозных и верящих царю сысертских рабочих, выдавал себя за «царского посланца», в беседах с рабочими призывал на помощь «бога» и «великого государя»². После того, как администрация заводов согласилась на учреждение избираемой рабочими комиссии для рассмотрения конфликтов между ними и заводоуправлением, Девяшин был избран председателем этой комиссии. Благодаря исключительной популярности Девяшина среди рабочих, он сумел добиться такого положения, при котором все отношения рабочих с местными властями были в его руках. Как доносил губернатор в Петербург, Девяшин «изолировал рабочих от всякого постороннего влияния так, что никто из должностных лиц — исправник, окружной инженер, управляющий заводом, командир роты — не могут говорить с рабочими непосредственно и вынуждены сноситься с ними не иначе, как через посредство Девяшина, как их председателя»³.

¹ МОГА, ф. 132, оп. 1, д. 50, лл. 325, 326, 328, 330, 331.

² Там же, л. 295.

³ Там же, ф. 162 (10 с.), оп. 1, д. 124, д. 109.

⁴ Там же, ф. 132, оп. 1, д. 50, лл. 130—132; ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 112, л. 10.

¹ МОГА, ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 112, лл. 59 об. 60.

² Там же, лл. 63—83 об., 88 и др.

³ Там же, л. 102.

Все совещания возглавляемой Девяшиным комиссии и общие собрания рабочих происходили в одном месте, называемом «Думной горой», которая стала резиденцией рождавшейся новой власти рабочих. Возглавляемая Девяшиным комиссия организовала снабжение бастующих продовольствием. Для этой цели был истребован и расходовался по указанию комиссии находившийся в волостном правлении запасной капитал в сумме более 3 тысяч рублей.

С первых же дней забастовки губернские власти начали предпринимать меры для подавления ее военной силой. Уже 11 июня в Сысертский завод прибыла воинская команда в составе 250 солдат. В дальнейшем в Сысертский и Ильинский заводы начинают прибывать различные представители местных властей, включая вице-губернатора, которые пытались убедить рабочих прекратить стачку и угрожали им. Но бастующие стояли на своем. Не помогла и проповедь побывавшего в Сысерти епископа Екатеринбургского и Ирбитского Владимира.

Ничто не запугало бастующих рабочих. Количество их не только не уменьшалось, но увеличивалось. 24 июня около 150 рабочих Сысертского завода отправились в Полевский завод с целью вовлечения его рабочих в стачку. Рабочие Полевского завода, как сообщал уездный исправник, «поддались искушению» и единодушно примкнули к забастовке¹. Комиссия, возглавлявшаяся Девяшиным, делала попытки втянуть в забастовочное движение также рабочих Северского и Уфалейских заводов, но это не имело успеха.

В связи с запрещением вице-губернатором собирать сходки на заводе, рабочие стали созывать их в лесу. На заводе распространялись революционные прокламации под заглавиями: «Год войны», «Кто кого кормит» и «Почему борьба экономическая неизбежно ведет к борьбе политической»². В прокламации Екатеринбургского комитета Уральского союза РСДРП «Кто кого кормит» в очень краткой и весьма популярной форме излагались экономические законы, открытые К. Марксом. Здесь говорилось, что причина существующей в мире «несправедливости заключается в том, что одни люди — помещики,

фабриканты и заводчики, т. е. капиталисты, владеют землей и всеми орудиями производства, а другие — рабочие — лишены их и потому волей-неволей вынуждены жить продажей своей рабочей силы». Для ликвидации такого положения нужно сделать первый шаг, который состоит в том, чтобы «свергнуть царское самодержавие и добиться того, чтобы наше государство управлялось нашими представителями, выбранными от всего народа посредством всеобщей, прямой, тайной и равной подачи голосов всеми гражданами, достигшими 21 года»¹.

30 июня рабочие Сысертских заводов получили ответ на свои требования, посланные заводовладельцам. В ответе сообщалось «об отказе в увеличении заработной платы с предупреждением, что при несогласии рабочих на возобновление работ на прежних условиях заводы будут закрыты»².

Ответ вызвал резкое возмущение бастующих. Быстро была созвана сходка рабочих, на которой собравшиеся, выслушав объяснения управляющего заводами, не согласились возобновить работы. Тут же было принято решение обратиться для увеличения средств на продовольствие рабочих 3000 рублей, ранее пожертвованных рабочими на сооружение церкви в деревне Кашиной.

Упорство и организованность рабочих приводили в бешенство местные власти. В середине июля, в дополнение к имевшимся там войскам, на Сысертские заводы был введен отряд казаков. Еще раньше, воспользовавшись тем, что руководимая Девяшиным комиссия пыталась поставить под свой контроль Полевское волостное правление, местные полицейские власти арестовали Девяшина. Находившийся все время в Сысерти екатеринбургский уездный исправник сумел «выдвинуть» в руководители стачки своего агента некоего Кичигина. По предложению Кичигина рабочие написали прошение на имя главного начальника Уральских горных заводов, которое Кичигин повез в Екатеринбург. Но после возвращения Кичигина из Екатеринбурга на сходке 16 июля рабочие снова приняли решение продолжать забастовку, а от отсутствовавших потребовать «объяснения о причинах неучастия на

¹ МОГА, ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 112, л. 70.

² Там же, л. 70 об.

¹ МОГА, ф. 65, оп. 3, д. 140, л. 7.

² Там же, ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 112, л. 103.

сходках»¹. Стачка продолжалась, провокатор Кичигин не оправдал надежд своих хозяев. Возмущенный этим губернатор писал уездному исправнику: «Как это может быть, что он считает своим секретным сотрудником лицо безо всякого секрета стоящее во главе всякого упорства. Одно из двух, или Кичигин желает действительного покая в заводе, тогда при его влиянии он его давно должен был достигнуть, или он явно насмехается и дурачит исправника, что я не желаю допускать»².

Все попытки местных чиновников различных рангов в июле-августе убедить рабочих с помощью провокатора Кичигина в бесперспективности стачки не приводили к цели. Екатеринбургский уездный исправник писал 27 августа губернатору: «Для успокоения заводского населения я неоднократно и не менее двадцати раз вел переговоры с рабочими с целью привести их к соглашению с заводо-владельцами, но желания мои не имели благоприятных результатов»³.

Несмотря на тяжелые материальные лишения, давление военной команды и провокаторские маневры агента охраны Кичигина, рабочие Сысертских заводов держались до середины сентября и только с 12 сентября, доведенные буквально до голода, рабочие постепенно начали записываться на работы в цехах. Полностью работы на заводах были возобновлены только в конце сентября.

Стачка на Сысертских заводах была одной из самых длительных летних стачек 1905 года на Урале. Рабочие Сысертских заводов проявили изумительное упорство в борьбе за достижение своих целей. Только тяжелые материальные лишения и экзекуционный постой военной команды заставили их отступить от своих требований.

В начале июля вспыхнула стачка на Мотовилихинском заводе, явившаяся как бы продолжением майской стачки. После майской стачки существование Совета выборных депутатов от цехов было признано начальником завода Стрельманом. Совет депутатов, отстаивая интересы рабочих, вмешивался во все конфликты, возникающие между администрацией и рабочими. Одно из таких вмешательств послужило поводом к стачке.

¹ МОГА, ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 112, л. 132.

² Там же, л. 187.

³ Там же, л. 202.

4 июля начальник цеха небезизвестный Назаров пытался уволить двух рабочих. В дело вмешался выборный от снарядного цеха любимец рабочих большевик Андрей Юрш, который заявил Назарову, что «без выборных решать вопрос об увольнении рабочих нельзя»¹. По распоряжению Назарова Юрш был отправлен к приставу, а оттуда к начальнику губернского жандармского управления, где и арестован.

Пермский комитет РСДРП совершенно правильно увидел в факте ареста Юрша покушение на права и самое существование Совета выборных депутатов. Он призвал рабочих ответить на произвол властей забастовкой. Следуя призывам Пермского комитета РСДРП, рабочие Мотовилихи 5 июля забастовали. Как сообщал губернатор в столицу, «забастовка охватила весь завод, не только цеховые, но даже работавшие в заводе возчики прекратили свои работы»².

Выборные от бастующих рабочих встретились с начальником завода Стрельманом и предъявили ему в основном те же требования, которые были выработаны Пермским комитетом в период майской стачки. Кроме того, они настойчиво выставили требование освобождения Юрша.

Около 5 часов велись переговоры между Стрельманом и выборными. Они закончились безрезультатно. Стрельман в заключение заявил, что «кроме того, что было уже сделано рабочими в предыдущую забастовку, ничего не будет им дано и что требование относительно Юрша к заводской администрации не относится»³.

В первый же день стачки на Вышке, где бастующие рабочие ожидали результатов переговоров, состоялась массовая сходка, на которой произносились политические речи. Такие сходки созывались в период стачки почти ежедневно. Это была своеобразная школа политического воспитания мотовилихинских пролетариев, организованная социал-демократами.

6 июля при встрече с горным начальством выборные предъявили ему дополнительные требования об удалении с завода ненавистных рабочим инженера Назарова и

¹ Свердловский областной государственный архив (СОГА), ф. 24, оп. 1, д. 1045, л. 3.

² МОГА, ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 113, л. 32.

³ Там же, л. 33.

мастера Крапивина, разрешении «общих собраний выборных (депутатов) всех цехов» и заблаговременном вывешивании в цехах цен «на все заделанные работы». Особенно настаивали рабочие на удалении Назарова, утверждая, что «они не могут поручиться за дальнейшее его благополучие»¹. И хотя Стрельман первые два требования удовлетворить отказался, перепуганный Назаров в тот же день уехал из Мотовилихи.

Для подрыва единства бастующих полицейские власти во время сходок на Вышке использовали представителей духовенства. Так, на сходке 7 июля появился местный протоиерей Никитин, который «увещевал» бастующих «не поддаваться влиянию агитаторов и передавать их в руки правосудия»².

8 июля собравшуюся на Вышке полторатысячную сходку рабочих разогнал казачий патруль. Но, несмотря на это, на следующий день решения этой сходки были изложены горному начальнику в виде новых пяти требований. Рабочие требовали предоставления им ежегодного двухнедельного отпуска с сохранением заработной платы, выплаты пособий при утере трудоспособности в размере $\frac{1}{2}$ или $\frac{3}{4}$ поденной платы, выдачи квартирных денег рабочим, не имеющим домов и т. д.

Эти требования также были отвергнуты начальником завода. Вместе с тем он разрешил выборным для обсуждения вопросов, связанных с его ответом, собрать еще одну сходку на Вышке. Сходка 9 июля произошла без инцидентов. Несмотря на то, что по всему заводу были расклеены объявления о запрещении сходок и собраний, рабочие всё же решили снова собрать сходку на Вышке и 10 июля.

Вечером 10 июля на Вышке собралось более 1000 рабочих. Перед собравшимися, как обычно, выступали с политическими речами представители Пермского комитета РСДРП, призывавшие к борьбе за свержение самодержавия. Для разгона митинга был послан отряд казаков. Применяя избиение, казаки пытались рассеять собравшихся, но встретили сопротивление со стороны организованных групп рабочих. Как свидетельствуют документы, «рабочие, спустившись под гору и устроив засаду из-за камней и пней, начали стрелять, сделано не менее 100 вы-

стрелов»³. Но сила взяла верх. Казаки, применяя оружие, произвели жестокую расправу с рабочими. Ими был зверски убит старый рабочий Мотовилихи Лука Иванович Борчанинов и многие рабочие ранены, 8 человек было арестовано.

Расстрел мотовилихинских рабочих, по которым, как сообщал губернатор, казаки «сделали... два залпа»⁴, вызвал возмущение в Мотовилихе и Перми. Уже 11 июля вечером в саду Общественного собрания произошла «сходка молодежи, учащихся», где обсуждался вопрос, как «почтить память убитого» Борчанинова и «разбрасывались во множестве прокламации»⁵.

Боясь превращения похорон Борчанинова в политическую демонстрацию, полицейские власти заставили родственников хоронить его ночью, ранее намеченного времени, и выставили военные пикеты. Как сообщал уездный исправник губернатору, «помимо расставленных по улицам и у кладбища патрулей, отряды чинов Ирбитского батальона и сотни казаков следовали за гробом»⁶.

Но даже такая усиленная охрана не спасла полицию от «неприятностей». Во время шествия по улице на гробу Борчанинова появилась черная лента с надписью белыми буквами: «Жертва царского произвола»⁷.

Еще накануне похорон Борчанинова в Мотовилихе начались массовые обыски и аресты, которые продолжались и в первые дни после похорон. Стачка была обезглавлена. Митинги и сходки были прекращены. Материальные лишения рабочих увеличивались. Все это не могло не отразиться на малочисленной части стачечников.

С 15 июля среди рабочих замечалось движение за окончание забастовки, и некоторые из них в этот день записались на работу. Но стачка продолжалась еще шесть дней. И только 21 июля из Перми в Петербург было сообщено телеграммой, что «забастовка Мотовилихе кончена, рабочие всех цехов приступили к работам»⁸.

Июльская мотовилихинская стачка не привела к ожидаемым результатам, но она сыграла исключительно

¹ МОГА, ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 113, л. 41 и 40.

² Там же, л. 42.

³ МОГА, ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 113, л. 50.

⁴ Там же.

⁵ Там же, л. 35.

⁶ Там же, лл. 64—65.

⁷ Там же, л. 66.

⁸ Там же, л. 74.

большую роль в деле воспитания классового самосознания рабочих, в деле подготовки к новой стачке в сентябре 1905 года и к вооруженному восстанию.

В июле-августе происходили небольшие стачки и в других местах Пермской губернии.

В начале июля забастовали рудовозы Бисерского завода и рабочие Троицкого рудника. Снабжение завода рудой было прервано¹.

1 августа забастовало около 100 рабочих строительного цеха Лысьвенского завода, потребовавших увеличения поденной заработной платы. Администрация частично уступила. 3 августа работы возобновились².

4 августа администрация Березниковского содового завода пыталась к пункту правил внутреннего распорядка, гласившему, что если проработавший на заводе свыше трех лет рабочий увольняется администрацией, то ему выдается трехмесячное пособие, приписать примечание, которое не распространяло бы это положение на рабочих, привлеченных к суду или уволенных «вследствие дерзости». Попытка администрации умалить права рабочих вызвала резкий протест последних. Администрации пришлось уступить и отказаться от своих намерений. Но конфликт этим не был исчерпан. Рабочие бондарного цеха требовали увольнения мастера Ширинкина, угрожая ему расправой. Волнение на заводе продолжалось до 9 августа, когда было прекращено с помощью прибывших на завод чинов полиции и фабричной инспекции³.

На фоне дальнейшего развития революции и усиления стачечного движения все более отчетливо становится видной героическая деятельность социал-демократических организаций, усиливших пропагандистскую и организаторскую работу среди рабочих. Во всех крупных промышленных центрах Пермской губернии в большом количестве распространяются социал-демократические прокламации. Обычно эти прокламации посвящаются тем или иным событиям общероссийского масштаба и связывают их освещение с практическими местными задачами борьбы рабочих.

¹ МОГА, ф. 132, оп. 1, д. 50, л. 296.

² Там же, ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 113, л. 90.

³ Там же, д. 114, лл. 5—6.

В начале июня на Восточном Урале широко распространялась листовка Екатеринбургского комитета РСДРП под названием «К уральским рабочим и солдатам». Листовка освещала ход восстания на броненосце «Потемкин», которое правительство пыталось представить как «бессмысленный бунт бессмысленной черни». «Наши сознательные одесские товарищи, — разъяснялось в листовке, — подымая знамя восстания, никогда не задавались целью бессмысленного разрушения и насилия, они желали лишь освободить себя и свою родину от тяготеющего над нею гнета и несправедливости». Заканчивалась листовка призывами: «Долой царское самодержавие! Да здравствует всеобщая стачка! Да здравствует народное восстание! Да здравствует Учредительное собрание, избранное всеобщей, прямой, равной и тайной подачей голосов! Да здравствует народная республика! Да здравствует Российская социал-демократическая рабочая партия!»¹.

Полицейские власти принимали все возможные меры для разгрома социал-демократических организаций и их типографий. И это им отчасти удалось. 4 августа была обнаружена и разгромлена социал-демократическая типография в Перми, причем конфисковано около 1000 экземпляров напечатанных прокламаций и около 2 пудов типографского шрифта². 12 августа разгромлена типография Екатеринбургского комитета, расположенная в селе Уктус около Екатеринбурга. Обнаруженная здесь в большом количестве листовка «Пауки и мухи» и около 2 пудов шрифта были конфискованы. Одновременно был произведен обыск на квартире руководителя тайной типографии Клавдии Новгородцевой, где захвачены пачки большевистских прокламаций «К уральским рабочим и солдатам», «Кто кого кормит»³. Клавдия Новгородцева, Александр Черепанов и другие видные деятели большевистской организации Екатеринбурга были арестованы.

Но погромы и аресты не остановили деятельность социал-демократических организаций Урала. Уже в середине августа по всей Пермской губернии была распространена прокламация Пермской группы РСДРП, посвященная разоблачению царского манифеста 6 августа 1905 года

¹ МОГА, ф. 65, оп. 3, д. 140, л. 5.

² ЦГИАМ, ф. ДП, 00, 1906 г., д. 25, ч. 58, л. 1.

³ МОГА, ф. 65, оп. 3, д. 140, л. 1.

о выборах в Государственную думу. В прокламации говорилось: «Какой гнусный обман придумал царь и его правительство. На все наши требования о переустройстве жизни, которые нам необходимы, как воздух, как пища, царь «за благо считает» дать думу, в которой будут «предполагать» и «совещаться» с царским правительством целая свора новых думских чиновников и грабителей из помещиков, капиталистов и деревенских кулаков-богачей. Товарищи, будет ли нам легче от этих совещаний и гадааний? Нет...» Прокламация заканчивалась лозунгами, вытекающими из общей тактической линии большевиков: «Долой Государственную думу! Да здравствует Учредительное собрание! Долой самодержавие! Да здравствует демократическая республика!»¹.

В августе социал-демократические организации Урала стали особенно широко практиковать, наряду с другими формами, еще ранее оправдавшую себя организацию тайных сходок социал-демократов вместе с беспартийными рабочими. 7 августа такая сходка состоялась около Верх-Исетского завода. Ею руководил видный большевик Сергей Черепанов. На протяжении трех с половиной часов социал-демократические агитаторы произносили здесь «антиправительственные зажигательные речи»². Во время сходки были подняты два больших флага: красный с надписью «Да здравствует вооруженное восстание и народное правление» и черный с надписью «Слава погибшим товарищам за народное дело». Между флагами был выставлен портрет Карла Маркса. К моменту прибытия полиции участники сходки спокойно разошлись.

Несколько подобных сходок было проведено Пермским комитетом РСДРП вблизи Мотовилихинского завода. Как сообщал пермский уездный исправник губернатору, 24 августа «около 6 часов вечера, в передесках около Горыских полей, в расстоянии около версты от Мотовилихинского детского приюта, цинами полиции обнаружена была сходка рабочих»³. 29 августа социал-демократы Мотовилихи организовали большой митинг у могилы Борчанинова. На митинге, на котором присутствовало около

1000 человек, произносились политические речи и пелись революционные песни¹.

Большевики готовили новое выступление рабочих Мотовилихинского завода, и оно началось в первых числах сентября.

1 сентября около 120 рабочих первой смены мартеновского цеха Мотовилихинского завода прекратили работу². Дождавшись второй смены, они вместе с пришедшими на работу обсудили и приняли требования к администрации, выработанные Мотовилихинским районным комитетом РСДРП. Эти требования в основном повторяли требования предыдущих майской и июльской стачек. Среди них были и требования ярко выраженного политического характера. Например, не увольнять рабочих, пострадавших за свои политические убеждения, выплачивать заработную плату рабочим за время участия их в забастовке, гарантировать свободу стачек и союзов. Особенно подчеркивалось общепартийное требование созыва Учредительного собрания³.

Стачка рабочих мартеновского цеха продолжалась до 19 сентября. Сокращение производства в мартеновском цехе угрожало деятельности всего завода. К тому же стачка в любое время могла стать всеобщей. Пермский комитет в своей прокламации призывал рабочих Мотовилихи готовиться «к последней схватке с самодержавием» и помнить, что их «силы в единении»⁴.

19 сентября к мартеновскому цеху присоединились некоторые другие цеха, рабочие которых, помимо прочего, потребовали уволить с завода инженеров Сеппайна и Шефановича, мастеров Крапивина и Габовых, десятника Чазова и подрядчика Спиридонова.

Начальник завода отказался рассматривать требования бастующих рабочих, за что он 19 сентября был освистан и забросан грязными тряпками. В этот же день бастующие силой удалили с завода мастера Крапивина. 20 сентября рабочие снарядных цехов забросали грязью, одели в лапти и выгнали с завода инженера Сеппайна⁵.

¹ МОГА, ф. 160, оп. 2, д. 5, л. 6.

² ЦГИАМ, ф. МЮ, д. 1723, л. 1.

³ МОГА, ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 113, л. 96.

¹ МОГА, ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 113, л. 97.

² Там же, л. 99.

³ Там же, ф. 160, оп. 2, д. 4, л. 110.

⁴ Там же, д. 6, л. 11.

⁵ Там же, ф. 65 (4с.), оп. 1, д. 113, лл. 114—116.

Таким образом, они начали проводить в жизнь свои требования явочным порядком.

Горный начальник Стрельман и другие чины заводской администрации приняли решение подавить углубляющееся революционное движение на Мотовилихинском заводе костлявой рукой голода — локаутом. 20 сентября часть цехов Мотовилихи была закрыта «впредь до распоряжения высшего начальства»¹. В ответ на соответствующий запрос Стрельмана он вечером 20 сентября 1905 года получил от главного начальника Уральских горных заводов следующую телеграмму: «Объявите Пермский завод закрытым и рассчитайте всех рабочих по день закрытия»².

Поскольку закрытие завода могло вызвать резкую реакцию со стороны рабочих, в Мотовилиху по приказанию губернатора была введена полусотня казаков и четвертая рота Ирбитского резервного батальона. Только после этого, 22 сентября Стрельман вывесил объявление о закрытии завода с 23 сентября. Одновременно губернатор предписал помощнику уездного исправника, находившемуся непрерывно на Мотовилихинском заводе, «ни в коем случае никаких сходок не допускать, а в случае их обнаружения рассеивать самыми решительными мерами»³. Командир Ирбитского батальона получил указание держать всегда одну роту наготове «на случай отправки в Мотовилиху для подавления могущих возникнуть беспорядков»⁴. 23 сентября в Мотовилихинский завод была введена еще одна рота Ирбитского батальона. Причем командир батальона объявил рабочим Мотовилихи, что «в случае возникновения беспорядков, для прекращения таковых, казаками будет употреблено в дело оружие, а не нагайки»⁵.

Так, создав на Мотовилихинском заводе условия военно-осадного режима, горные чиновники, при поддержке местных властей, выбросили на улицу и осудили на голодную смерть около 8 тысяч рабочих.

Уволенные с Мотовилихинского завода рабочие поступали на работы в заводы Пожвы, Березников, Кизела, Югокамска. Они стали вести там социал-демократическую

пропаганду и поднимать местных рабочих на борьбу. Отмечая этот факт, губернатор приходил к выводу, что «волнение разрастается по кругу все большего диаметра, как расплывающееся пятно»¹.

Мотовилихинской стачкой и локаутом заканчивается серия крупных летних событий на Урале, подготовивших всеобщую октябрьскую стачку.

Меньшее значение имели сентябрьские стачки рабочих портновских мастерских в Екатеринбурге и содового завода в Березниках.

Забастовка портных Екатеринбурга началась 17 сентября. Собравшись в одной из мастерских, портные выработали свои требования: повышение заработной платы, улучшение условий работы и т. п. Вскоре к месту собрания прибыл полицмейстер с отрядом полиции и казаков. Полицейстер «арестовал всех забастовщиков»². Это показалось чрезвычайным даже губернатору. На доклад полицмейстера он наложил резолюцию: «Совершенно напрасно арестовал, надо было только не допускать толпы»³.

24 сентября началась двухдневная стачка 120 рабочих Березниковского содового завода. Поводом к ней послужило некоторое увеличение заработной платы семи мастерам завода. Узнав об этом, такого же повышения заработной платы потребовали и слесари, к которым присоединились остальные рабочие. Хотя, как сообщал уездный исправник, на Березниковском заводе и существовала «политическая пропаганда»⁴, но стачка была организована слабо. Администрации завода удалось совместно с полицейскими властями и фабричной инспекцией уже 26 сентября прекратить стачку, не удовлетворив требования рабочих.

Таков общий очерк рабочего движения в Пермской губернии за период с мая по сентябрь 1905 года. Резкий подъем революционных выступлений этого периода приходится на май, когда стачечная борьба перерастала в крупные политические демонстрации. В июне-сентябре ряд стачек, руководимых большевиками, приобретает более

¹ МОГА, ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 113, л. 118.

² Там же, л. 113.

³ Там же, л. 127.

⁴ Там же, л. 111.

⁵ Там же, л. 145.

¹ МОГА, ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 113, л. 150.

² Там же, д. 114, л. 202.

³ Там же, л. 204.

⁴ Там же, л. 19.

яркий, чем это имело место раньше, политический характер. В революционное движение вовлекаются не только основные кадры заводских рабочих, но и грузчики, портные, дрововозы и другие категории вспомогательных рабочих и рабочих, занятых на мелких предприятиях. Все это говорит об углублении революции.

Следует отметить, что в то время как рабочие выступления на Урале усиливались, крестьянское и либерально-буржуазное движение оставалось очень слабым.

Факты крестьянских выступлений были буквально единичны. 7 июля 1905 года управляющий имением Строгановых Копылов сообщал по телеграфу ильинскому исправнику, что «крестьяне Сенькинской волости производят массовую порубку леса, оказывая страже вооруженное сопротивление», и просил командировать на место событий пристава и «оказать содействие» местным властям¹. Подобные крестьянские выступления в виде порубок помещичьих лесов происходили и в некоторых других местах Пермской губернии.

Рабочие ряда заводов Пермской губернии по своей инициативе пытались установить контакт с крестьянами и призывали их на борьбу. Примером могут служить рабочие Добрянского завода, которые распространили среди крестьян окружающих деревень листовку за подписью «Рабочие». В этой листовке писалось:

«Крестьяне! По всем большим городам, селам и заводам теперь бунтуют рабочие и крестьяне, потому что нет терпения: помещики, кулаки, да чиновники грабят и мучают народ. Вы должны тоже бунтовать, чтобы поддержать рабочих... Не платите подати. Долой самодержавие!»².

Очень робко против крайности царизма выступали либерально-буржуазные круги. Так, в середине мая Пермская городская дума, опасаясь вооруженного столкновения в городе, приняла решение «обо отзывании казаков»³. Вслед за этим общество публичной библиотеки имени Д. Д. Смышляева, состоящее в основном из либеральных интеллигентов, возмущенное действиями губернатора Наумова, 28 мая вынесло решение «об отзывании пермского

губернатора из г. Перми»¹. Эти выступления либералов хотя и были очень слабыми и трусливыми, но в общем нарастании народной революции они также имели некоторое значение.

Социал-демократические организации в ряде мест губернии пытались оказать влияние на либералов-земцев и усилить в их среде радикальные взгляды. Примером может служить инициатива екатеринбургских социал-демократов.

25 сентября на заседание уездного земского собрания, кроме гласных, явилось большое количество социал-демократически настроенных рабочих. Когда наступил момент принятия решения земского собрания, с предложением выступил представитель социал-демократов. В своей речи он разоблачал предательскую тактику царизма, издавшего указ о созыве Государственной думы и назвал Булыгинскую думу «жалкой карикатурой на государственное демократическое представительство»².

Растерявшийся председательствующий попытался закрыть собрание и сообщить обо всем полиции, но его никто не слушал, а телефонные провода были предусмотрены заранее перерезаны.

Социал-демократический оратор предложил гласным земства и всем присутствующим принять следующую резолюцию:

«1. Продолжать всеми силами, не останавливаясь даже перед вооруженным восстанием, борьбу за скорейший созыв Всероссийского Учредительного собрания, избранного на основании всеобщего, равного, прямого и тайного голосования;

2. Как предварительные условия его созыва, требовать свободы предвыборной агитации, сходов, собраний, слова и печати и требовать

3. Амнистии по всем делам о политических и социальных движениях.

Долой Государственную думу! Долой самодержавие! Да здравствует вооруженное восстание! Да здравствует всенародное Учредительное собрание! Да здравствует Российская социал-демократическая рабочая партия!»³.

¹ МОГА, ф. 132, оп. 1, д. 50, л. 83.

² Там же, ф. 160, оп. 1, д. 56, л. 41.

³ Там же, ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 112, л. 618.

¹ МОГА, ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 112, л. 68.

² Там же, д. 114, л. 209.

³ Там же.

После этого рабочие подняли красный флаг и с революционными песнями оставили зал земского собрания.

Но эти меры не изменили общего трусливого характера либерально-буржуазного движения.

Такова была расстановка классовых сил в Пермской губернии накануне всеобщей октябрьской политической стачки и декабрьского вооруженного восстания.

ГЛАВА IV

ВСЕОБЩАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТАЧКА И ДЕКАБРЬСКОЕ ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ НА УРАЛЕ

Осенью и зимой 1905 года революция достигла своего апогея. «Октябрь и декабрь 1905 года, — как отмечал В. И. Ленин, — знаменуют высшую точку восходящей линии российской революции. Все источники революционной силы народа открылись еще гораздо шире, чем раньше»¹.

Начавшаяся в первых числах октября стачка на Московско-Казанской железной дороге распространилась на всю страну. Наряду с рабочими в забастовочном движении стали принимать участие интеллигенты (учителя, врачи, инженеры, адвокаты), мелкие служащие, учащиеся. В октябрьских забастовках участвовало более полумиллиона человек, из которых в политических стачках — 328 тысяч человек.

Невиданная до того времени революционная волна заставила царизм издать манифест 17 октября, в котором народу были обещаны демократические свободы совести, слова, собраний, союзов, неприкосновенность личности и созыв законодательной думы. Изданный в момент равновесия сил революции и царизма манифест 17 октября преследовал цель выиграть время для подготовки сил контрреволюции и наступления на революцию. Поэтому сознательные рабочие, возглавляемые большевиками, разоблачали тактику царизма и призывали массы готовиться к свержению самодержавия путем вооруженного восстания.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 239.

В период всеобщей октябрьской стачки произошло дальнейшее оформление органов революционного творчества масс — Советов рабочих депутатов. Из органов стачечной борьбы они превращались в органы подготовки вооруженного восстания, в органы революционной власти.

Вслед за рабочим классом на борьбу против помещиков подымались крестьянские массы. В конце 1905 года крестьянским движением было охвачено более одной трети всех уездов России. В гарнизонах различных городов происходили волнения солдат. В Кронштадте и Севастополе вспыхнули восстания матросов. Создавался и укреплялся боевой союз пролетариата и крестьянства. Революция вплотную подходила к вооруженному восстанию.

Возглавляемый большевиками Московский Совет рабочих депутатов 7 декабря начал всеобщую политическую стачку, которая 9 декабря переросла в вооруженное восстание. Девять дней шли бои на улицах Москвы. Особенно упорными они были на Пресне. Царизму удалось стянуть в Москву значительное количество войск и подавить восстание. Вооруженные восстания произошли также в Севастополе, Новороссийске, Сормове, Кронштадте и других городах России, но и они были разгромлены. Высший подъем революции сменился ее постепенным спадом.

Революционная волна периода октября-декабря 1905 года поднялась и на Урале.

Как уже говорилось, октябрьские события Мотовилихи встретила в состоянии локаута. Несмотря на присутствие военной команды, свободные от работы на заводе рабочие имели теперь больше времени для организации тайных сходов, митингов, собраний и повышения своего культурно-политического уровня. Это обстоятельство учитывала местная социал-демократическая организация, которая широко развернула политико-просветительную работу, готовя рабочие массы к дальнейшим революционным боям.

Большую помощь социал-демократам оказывал находящийся под их влиянием и окрепший к октябрю Совет выборных или рабочих депутатов. Совет состоял из 82 депутатов, представителей от 16 цехов. В него входили такие видные большевики, как Андрей Юрш (председатель), Александр Безолуцкий, Иван Зенков и др.¹

¹ МОГА, ф. 160 (8 с.), д. 146, л. 36.

По поводу самочинного расширения прав Совета в Мотовилихе начальник завода Стрельман сообщал главному начальнику уральских горных заводов следующее: «Рабочие Пермских пушечных заводов не удовлетворились предоставленной выборным (или депутатам) ролью, а стремились к тому, чтобы депутаты с представителями заводской администрации образовали смешанные комиссии для разбора вопросов о приеме и увольнении рабочих, о назначении поденных и задельных плат и вопросов внутреннего распорядка, так по крайней мере высказывались депутаты»¹.

Из воспоминаний современников видно, что в то время Совет занимался изысканием средств для оказания материальной помощи рабочим, обсуждал аморальные поступки некоторых рабочих, открыл народный дом, школу и библиотеку для рабочих². От имени 8 тысяч выброшенных на улицу в период локаута рабочих Совет обратился с воззванием «к тем гражданам, которым, — как он писал, — понятна и близка борьба за человеческое достоинство», в котором просил поддержать «семьи борющегося за свободу рабочего класса»³. Собранные деньги были распределены Советом среди семейств наиболее нуждающихся рабочих. Но материальное положение оказавшихся без работы мотовилихинцев с каждым днем ухудшалось. Совет выборных депутатов и отдельные группы рабочих все чаще и настойчивее требовали открытия завода.

Опасаясь революционного взрыва, пермский губернатор начал настаивать перед горными властями на необходимости открытия завода. Грозные и настойчивые протесты мотовилихинских пролетариев заставили представителей горных властей отказаться от локаута. 11 октября главный начальник уральских горных заводов Боклевский телеграфировал губернатору: «Изъявляю свое согласие начать запись рабочих и 17 октября делаю распоряжение горному начальнику»⁴.

Запись на работы началась с 15 и продолжалась до 28 октября. В первые дни от рабочих требовали письменные обязательства отвечать «за сохранение порядка,

¹ Свердловский филиал ИМЭЛС, ф. 41, оп. 1, д. 91, л. 127.

² Там же, л. 228—230.

³ МОГА, ф. 160, оп. 1, д. 19, л. 20.

⁴ Там же, ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 113, л. 226.

когда последует открытие завода»¹. Рабочие начали выражать возмущение. Вмешавшийся в дело губернатор рекомендовал начальнику завода «на предъявлении этих условий не настаивать и даже совсем прекратить. Всякое раздражение, теперь особенно, — разъярял губернатор, — крайне нежелательно»².

В первой половине октября в общероссийскую борьбу втягиваются служащие и рабочие уральских железных дорог, поддержавшие начатую 7 октября забастовку железнодорожников Московско-Казанской дороги.

В связи с организацией союза железнодорожников России, руководство этого союза приняло решение созвать съезд железнодорожников. Служащие управления Пермской железной дороги, не ожидая созыва съезда, постановили послать ему приветственную телеграмму. Но отправление этой телеграммы было задержано заместителем начальника дороги Сериковым.

Для обсуждения этого факта, а также для рассмотрения вопроса о невыплате служащим вознаграждения за вечернюю работу, 11 октября было созвано собрание служащих управления дороги. Собрание послало телеграмму министру путей сообщения и предполагаемому съезду, в которой просило «защитить от произвола»³. Попытки созвать новое собрание служащих вечером того же 11 октября не увенчались успехом, так как администрация закрыла помещение и выключила свет.

В ответ на этот поступок администрации, служащие, собравшись 12 октября в управлении дороги, решили объявить забастовку. Из Перми забастовка быстро распространилась по всем крупным железнодорожным узлам Урала. 13 октября губернатор телеграфировал Трепову: «На станции Тагил вчера забастовали телеграфисты, сегодня рабочие депо. Екатеринбурге сегодня телеграфисты. Движение поездов между Тюменью-Екатеринбургом прекратилось вчера, в Перми сегодня с двух часов дня»⁴. В Нижнем Тагиле забастовку возглавил стачечный комитет из 5 человек, руководимый социал-демократами⁵.

¹ МОГА, ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 113, л. 228.

² Там же, л. 245.

³ Там же, ф. 160 (8 с.), оп. 1, д. 86, л. 29.

⁴ Там же, ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 116, л. 150.

⁵ Там же, ф. 162 (10 с.), оп. 1, д. 124, л. 110.

Особенно бурно стачка железнодорожников проходила в Перми. 13 октября утром к служащим управления дороги присоединились телеграфисты станции Пермь II. В этот же день перед отходом почтового поезда на станцию явилось около 300 забастовщиков. Они, как говорят документы, «выпустили из паровоза пары, отвели его от почтового поезда, вынудили от кондукторской бригады дать честное слово не ехать с поездом, добились такового же слова от дежурного по станции»¹. На станцию по приказу губернатора прибыли рота солдат, сотня казаков и отряд полиции. Забастовщики были рассеяны, но поезд все же в тот день не был отправлен. Бастующие пытались оказать сопротивление насилиям солдат. Как видно из одного донесения, «во время рассеивания толпы забастовщиков на станции Пермь по казакам было сделано с чердака железнодорожных мастерских 4 револьверных выстрела и кто-то из-за забора бросал камнями»².

В тот же день пермский губернатор отдал приказ войскам и полиции при разгоне сходок, митингов и демонстраций употреблять «без всякого стеснения оружие как холодное, так и огнестрельное»³. Несмотря на эти предупреждения, вечером 13 октября в помещении железнодорожного потребительского общества состоялась сходка железнодорожных служащих, на которой присутствовало более 600 человек. По распоряжению властей туда был отправлен отряд полиции. Собравшиеся отказались выполнять распоряжения полиции. И только под угрозой применения военной силы служащие вынуждены были разойтись. Такие сходки железнодорожников, на которых обсуждались различные экономические и политические вопросы, созывались почти ежедневно. На сходке 15 октября было принято решение «просить начальника дороги о посылке поездов для сборов делегатов по линиям на Вятку, Тюмень и Челябинск и об удалении с вокзала военной охраны»⁴.

Общие требования бастующих железнодорожных служащих были выработаны и утверждены на сходке 16 октября. Они сводились к тому, чтобы предоставить

¹ МОГА, ф. 160, (8 с.), оп. 1, д. 145, л. 39.

² Там же, д. 86, л. 48.

³ Там же, д. 145, л. 39 об.

⁴ Там же, ф. 160, (8 с.), оп. 1, д. 145, лл. 40—41.

железнодорожным служащим право созывать свободные собрания, учредить бюро и третейский суд для рассмотрения конфликтов служащих с начальством, определить уровень заработной платы, соответствующий условиям жизни, ежегодно предоставлять оплачиваемые отпуска. Кроме того, на собрании было принято решение о присоединении к Всероссийскому союзу железнодорожников и о посылке телеграммы министру путей сообщения с требованием разрешить «сформировать для сбора делегатов поезд, упомянув, что иначе собрание не ручается за прекращение забастовки и за ее последствия»¹. Для предъявления требований начальнику дороги была избрана делегация, состоящая из 15 человек. С 17 октября к забастовке служащих присоединились рабочие Пермских железнодорожных мастерских и стрелочники вокзалов. Забастовка на железной дороге стала всеобщей и продолжалась до конца октября.

В ряде мест Пермской губернии к забастовке железнодорожников присоединились рабочие заводов, мелких предприятий, учащиеся школ.

В Екатеринбурге к железнодорожникам присоединились рабочие Монетного двора. К 17 октября здесь забастовкой были охвачены почти все крупные и мелкие предприятия города.

В Нижнем Тагиле забастовка сопровождалась бурной демонстрацией железнодорожников и рабочих завода с требованием освободить арестованных руководителей стачки. 14 октября у здания Выско-Никольского волостного правления учениками горнозаводского училища была устроена демонстрация².

На Надеждинском и Сосвинском заводах бастующие рабочие через свои выборные органы удаляли чинов полиции, заводских служащих и других представителей местных властей³.

В Перми железнодорожников, кроме мотовилихинцев, поддержали рабочие некоторых мелких предприятий, в том числе объявившие 16 октября забастовку рабочие Пермского казенного винного склада⁴. 16 октября на ста-

ром кладбище в Перми состоялась демонстрация учащихся реального училища и торговой школы, во время которой произносились политические речи и пелась «Марсельеза»¹.

Манифест 17 октября не ослабил поступательного хода революции, на что рассчитывали царские власти, а наоборот, усилил революционный натиск на самодержавие.

Содержание манифеста стало известно в Перми 18 октября. Весть о манифесте быстро распространилась среди жителей губернского центра. Уже в середине дня улицы были заполнены народом. Полицейские посты с улиц были убраны. Часть демонстрантов под красными знаменами с пением «Марсельезы» двинулась по Сибирской и Вознесенской улицам к тюрьме. Демонстранты в категорической форме потребовали от начальника тюрьмы освобождения всех политических заключенных. Переговоры тюремных властей с губернатором Наумовым закончились тем, что последний отдал распоряжение «немедленно освободить всех политических арестантов»².

Второй поток демонстрантов направился к дому губернатора. Не имея в своем распоряжении достаточного количества войск для разгона пятитысячной демонстрации, губернатор должен был выполнить требование ее участников: последовать с ними к тюрьме и исправительному арестантскому отделению для того, чтобы лично дать указания об освобождении политических заключенных. Губернатор появился около тюрьмы в тот момент, когда освобождение заключенных уже началось. «Стоявшая в некотором отдалении толпа, сдерживаемая в порядке войсками, — читаем мы в составленном по этому поводу протоколе, — встречала освобожденных восторженными кликами и приветствиями, проверяя в то же время фамилии их по имеющемуся у них списку»³.

Всего было освобождено в этот день из тюрьмы 26 человек. Среди них были руководители и рядовые члены пермской большевистской организации Андрей Юрш, Александр Борчанинов, Алексей Митрофанов, Михаил Туркин, Петр и Андрей Петуховы и др. Манифестанты отпустили губернатора только тогда, когда он заверил их,

¹ МОГА, ф. 160 (8 с.), оп. 1, д. 145, лл. 40—41.

² Там же, ф. 162 (10 с.), оп. 1, д. 124, л. 110.

³ Там же, л. 109 об.

⁴ Там же, ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 116, л. 174.

¹ МОГА, ф. 160 (8 с.), оп. 1, д. 145, лл. 40—41.

² Там же, ф. 164, оп. 1, д. 70, л. 3.

³ Там же, л. 4 об.

что «военная сила употреблена в дело не будет»¹. «По освобождению арестованных, — свидетельствует тот же документ, — толпа под красными флагами, с пением «Марсельезы» по улицам ходила до позднего времени, во многих местах она останавливалась, где говорились речи, и этим речам аплодировали».

В Мотовилихе небольшие демонстрации в связи с обнародованием манифеста прошли 18 октября. 19 октября на Вышке состоялся большой политический митинг. Оттуда около 2 тысяч рабочих с красными знаменами, революционными песнями и криками «ура!» направились в Пермь. Около управления завода рабочие остановились и от имени собравшихся оратор обратился с речью к находившимся здесь солдатам и казакам, призывая войска «сбросить свои шинели и присоединиться к ним»².

Большой политический митинг состоялся 19 октября в Перми у Кафедрального собора. На нем произносились речи представителями «самых крайних партий»³.

Бурные митинги и массовые политические демонстрации под революционными красными знаменами продолжались в Перми и Мотовилихе и 20 октября. Выступавшие с речами большевики разоблачали коварную тактику царизма, призывали рабочих к дальнейшему развитию революции и к полному разгрому царизма. В первые же дни после обнародования манифеста Пермский комитет РСДРП выпустил листовку, в которой указывал, что «героическая борьба рабочего класса вырвала у царя манифест», но у рабочих пока «нет еще настоящей свободы», а есть только «обещания со стороны правительства». Прокламация заканчивалась требованием «скорейшего созыва Учредительного собрания»⁴.

Парализованные в первое время после обнародования манифеста губернские власти вскоре оправались и начали действовать. С 21 октября в городе были восстановлены полицейские посты и патрули. 22 октября на улицах появились демонстранты-черносотенцы, поддерживаемые полицией и войсками. С царскими портретами и флагами,

под пение гимна «Боже царя храни» и игру оркестра они расхаживали по центральной Сибирской улице. На углу Сибирской и Екатерининской улиц уголовники-черносотенцы и переодетые полицейские напали на колонну демонстрантов, подошедших с Мотовилихинского завода, и начали избивать рабочих. Как сообщают полицейские донесения, «в результате этой стычки оказалось несколько раненых»¹.

Бурные события в связи с обнародованием манифеста происходили во втором крупном городе губернии — Екатеринбургe.

18 октября на Кафедральной площади в Екатеринбурге состоялся многочисленный митинг, созданный для обнародования манифеста городской и земской управами. После выступления руководителей официальных властей с речами к собравшимся обратились представители местного социал-демократического комитета, «призывая народ — как говорится в документе — к всеобщему вооружению и свержению ныне царствующей династии»². Участники митинга, следуя призыву большевиков, двинулись с Кафедральной площади к тюрьме и потребовали освобождения политических заключенных.

Но демонстранты не добились осуществления своих намерений. Прокурор, рассчитывая на стянутые к тюрьме войска, отказался освободить политических заключенных. Выполняя просьбу заключенных не освобождать их во избежание кровопролития насильно, демонстранты отошли от тюрьмы и направились с красными знаменами по Главному проспекту. По дороге они провели митинги в помещениях театра и земской управы. Продолжая шествие по городу, демонстранты разбрасывали прокламации, призывающие к свержению царского правительства и к созыву Учредительного собрания.

На следующий день, 19 октября, вновь состоялся митинг на Кафедральной площади, созданный по призыву Екатеринбургского комитета РСДРП, возглавляемого Я. М. Свердловым. Во время митинга черносотенцы и агенты охраны спровоцировали кровавое столкновение. На площадь были вызваны войска. Было ранено 14

¹ МОГА, ф. 160 (8 с.), оп. 1, д. 145, лл. 41—43.

² СОГА, ф. 24, оп. 1, д. 1045, л. 134.

³ «Пермские губернские ведомости», 26 октября 1905 г., 223.

⁴ МОГА, ф. 160, оп. 1, д. 68, л. 9.

¹ МОГА, ф. 160 (8 с.), оп. 1, д. 145, л. 46.

² Там же, ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 114, л. 231.

человек, в том числе 2 человека смертельно¹. В Екатеринбурге были вызваны дополнительно войска. Такие столкновения революционных масс Екатеринбурга с черносотенцами и полицией происходили в течение еще нескольких дней.

На Сысертском заводе обнаружение манифеста сопровождалось однодневной стачкой 18 октября. Собравшиеся у заводоуправления бастующие, в числе около 800 человек, заставили управляющего заводами удовлетворить их требования о введении восьмичасового рабочего дня и повышении зарплаты, которых они добивались в течение более чем трехмесячной забастовки. Это решение управляющего не было впоследствии утверждено владельцем завода Соломирским².

Многочисленный митинг в связи с обнаружением манифеста 17 октября состоялся в Кунгуре. На митинге было принято решение устроить демонстрацию, которая после тщательной подготовки успешно прошла под красными знаменами и с революционными песнями 23 октября³.

Митинги и демонстрации рабочих, возглавляемые социал-демократами, происходили с 18 по 20 октября в Нижнем Тагиле. Демонстранты, как свидетельствуют документы, «ходили по улицам с красными флагами, пели революционные песни, у памятников говорили противоправительственные речи, в коих выражали идеи о свержении монархии и устройстве республики»⁴.

23 октября около тысячи рабочих Добрянского завода собрались на Торговой площади. Выбросив красный флаг с надписью «Да здравствует свобода», рабочие с пением «Марсельезы» прошли по центральным улицам Добрянки. У квартир волостного старшины и ненавистного мастера Поспелова демонстранты пели «Вечную память»⁵.

Многочисленные демонстрации происходили также на Надеждинском, Чернотроицком, Верхнесалдинском, Висимошайтанском и других заводах Пермской губернии⁶.

Попытки черносотенцев, поддерживаемые охранкой и

¹ ЦГИАМ, ф. ДП, 00, 1905 г., 4, ч. 45, т. 2, лл. 105—105 об.

² Там же, л. 105 об. — 106.

³ Свердловский филиал ИМЭЛС, ф. 41, оп. 1, д. 115, л. 2.

⁴ МОГА, ф. 162 (10 с.), оп. 1, д. 124, л. 110.

⁵ Там же, ф. 65, оп. 1, д. 115, л. 4, ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 116, л. 219.

⁶ Там же, ф. 162 (10 с.), оп. 1, д. 124, л. 110.

войсками, остановить дальнейшее развитие революции вызвали отпор со стороны рабочих Урала. В ряде мест Пермской губернии создаются комитеты общественной обороны, имеющие в своем распоряжении вооруженные рабочие дружины. Комитет общественной обороны губернского центра обращал внимание населения города на то, что «в Перми губернатор, архиерей и некоторые думцы открыто ведут агитацию за избиение евреев, поляков, социалистов, учащихся и вообще интеллигентов. Переодетые полицейские, жандармы и шпионы шныряют везде и разжигают страсти»¹. В другом обращении Комитет говорил в адрес черносотенцев: «Мы предупреждаем вас еще раз, «черная сотня», что вам придется иметь дело с хорошо организованной самообороной»².

Подъем рабочего движения после обнаружения манифеста еще более усилился.

Массовые выступления на заводах Уфалейского округа, начавшиеся в связи с манифестом, привели к тому, что рабочие Нижне-Уфалейского и Верхне-Уфалейского заводов 1 ноября объявили всеобщую забастовку. Представители рабочих в категорической форме потребовали от управления округа повышения заработной платы на 25 процентов, сокращения рабочего времени до 8—9 часов, увольнения некоторых ненавистных рабочим служащих и т. д. Перепугавшиеся члены управления округа вынуждены были, как говорит документ, «исполнить все домогательства рабочих»³.

Угрозой забастовки добились 1 ноября некоторого повышения заработной платы рабочие Югокамского завода⁴. С 7 по 17 ноября успешно провели забастовку более 200 рабочих Луньевских копей, наследников Демидова, требовавших и добившихся повышения заработной платы⁵. К требованиям бастующих Луньевских копей присоединились рабочие Александровского завода⁶.

С 14 ноября прекратили работы рабочие, принадлежащих Кыштымским заводам Соймановских золотых промыслов, требуя увеличения заработной платы на 30—50

¹ Свердловский филиал ИМЭЛС, ф. 41, оп. 1, д. 91, л. 268.

² МОГА, ф. 160 (8 с.), оп. 1, д. 145, л. 10.

³ Там же, ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 124, л. 35.

⁴ Там же, ф. 132, оп. 1, д. 50, л. 7.

⁵ Там же, ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 116, лл. 61—62, 64, 80, 83.

⁶ Там же, л. 93.

процентов и сокращения рабочего дня. В случае отказа удовлетворить эти требования «рабочие угрожали разгромить всю фабрику, завладеть промыслами и производить доставку золота и продажу его по своему усмотрению»¹. Рабочие добились повышения заработной платы на 10—25 процентов и сокращения рабочего дня с 12 часов до 8 часов.

Выступления рабочих, приводившие к резким столкновениям с администрацией, произошли в ноябре на Пожевском, Чермозском и Уткинском заводах.

На Пожевском заводе забастовавшие рабочие в ночь на 15 ноября «действовали толпой», «вывели мастеров, причинив им побой»².

Рабочие Чермозского завода на собрании 15 ноября выработали требования об улучшении их экономического положения, которые через избранных уполномоченных предъявили главному управлению имения князя Абамелек-Лазарева. Главноуправляющий именем Пивинский 17 ноября отказал в удовлетворении главного требования о повышении заработной платы, что вызвало забастовку. Возмущенные рабочие, собравшись 23 ноября в числе около тысячи человек, поймали Пивинского, одели его в лапти и в таком виде водили по улицам. Под угрозой утопить его в проруби, рабочие заставили главноуправляющего «подписать согласие удовлетворить все возможные их требования»³. Поскольку служащие завода разбежались, «рабочие, — как свидетельствует тот же документ, — сами открыли завод без заводской администрации, выбрали своих служащих, самовольно распоряжаются». Стачка и волнение на Чермозском заводе были подавлены вооруженной силой.

В Уткинском заводе на сходе 21 ноября рабочими была составлена петиция, в которой изложены требования, а именно: уменьшение рабочих часов, увеличение заработной платы и т. п. Будучи недовольным управляющим заводом Сырейщиковым, сход решил требовать замены его другим лицом. Через своего доверенного рабочие предложили Сырейщикову «немедленно покинуть Уткинский завод», что последний и исполнил»⁴.

¹ МОГА, ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 124, л. 395.

² Там же, ф. 65, оп. 1, д. 115, л. 156.

³ Там же, ф. 65 (4 с.), д. 116, л. 107.

⁴ Там же, ф. 65, оп. 1, д. 115, л. 132.

Углубляясь и расширяясь, революционные события на Урале захватывали все новые и более широкие круги трудящихся. В массовом движении стали принимать участие рабочие и таких предприятий, которые до ноября стояли в стороне от революционной борьбы.

В период с 12 по 24 ноября бастовали рабочие екатеринбургских заводов Ятес, Коробейникова, Барина, а также фабрик Круковского и Афонина. Хотя предприниматели «требований рабочих не исполнили»¹, эти забастовки имели важное значение для объединенной борьбы уральского пролетариата. 19 ноября на митинге в Екатеринбурге Я. М. Свердлов («Андрей») говорил: «Товарищи, вы видите, что к забастовке примыкают все новые и новые группы. Помните, товарищи, что в единении сила»².

25 и 26 ноября в Перми забастовали образовавшие свой союз типографские служащие и наборщики. Выпуск газет прекратился. Несколько раньше началась забастовка рабочих портновских мастерских города³. Под влиянием этой забастовки 25 ноября забастовало более ста портных и подмастерьев в поселке Юговского завода⁴. С 29 ноября начали забастовку 40 рабочих мельницы купца Жирякова в дер. Ключкиной, Екатеринбургского уезда, потребовавшие повышения поденной заработной платы⁵. Их примеру последовали 30 ноября рабочие двух винокуренных, стекольного и химического заводов Злоказовых, расположенных в Воскресенской волости того же уезда. Для подавления стачки были посланы городские из Полевского и Северского заводов и вызвана воинская команда⁶.

Все эти выступления свидетельствовали о том, что на борьбу подымались новые массы рабочих.

Наиболее крупными из ноябрьских революционных выступлений трудящихся масс Пермской губернии явились две стачки: почтово-телеграфных служащих и рабочих золото-платиновых приисков.

Брожение, вызванное тяжелыми условиями работы, началось среди служащих Пермского почтово-телеграфного округа еще в первые месяцы революции. В марте

¹ МОГА, ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 116, л. 3.

² «Урал» от 25 ноября 1905 г.

³ «Уральская жизнь», № 270, 1905 г.

⁴ МОГА, ф. 65, оп. 1, д. 115, л. 132.

⁵ Там же, л. 133.

⁶ Там же, ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 116, л. 397.

1905 года они послали коллективную петицию на имя Комитета министров, в которой ставили вопрос «об улучшении быта служащих»¹.

После обнародования манифеста 17 октября в Перми было получено извещение о том, что в Москве начинается организация союза почтово-телеграфных служащих России. 23 октября почтово-телеграфные служащие Перми присоединились к предложению Московского бюро возникающего Всероссийского союза чинов почтово-телеграфного ведомства о создании союза и созыве его съезда для выработки устава. Однако 31 октября начальник главного управления почты и телеграфа сообщил начальнику Пермского округа Пушу, что «лица, состоящие на государственной службе, не имеют права объединяться в кружки, группы и союзы», а чиновники, вступившие в почтово-телеграфный союз, «не могут оставаться на службе по почтово-телеграфному ведомству»².

На собрании пермских почтово-телеграфных служащих 1 ноября циркуляр главного начальника почты и телеграфа был признан не имеющим «под собой законной почвы»³. Тут же было принято решение послать телеграмму протеста председателю комитета министров Витте и установить постоянную связь с Московским центральным бюро союза, для чего избрать Пермский комитет Всероссийского союза почтово-телеграфных служащих в составе 5 человек. Пермский комитет вскоре принял предварительную программу центрального бюро союза, в которой, в частности, говорилось, что «проведение в жизнь требований союза возможно лишь при немедленном созыве Учредительного собрания»⁴.

Открытие съезда Всероссийского союза почтово-телеграфных служащих было назначено на 15 ноября в Москве. Однако правительственные органы по приезде некоторых делегатов арестовали их. Требование Московского центрального бюро союза об освобождении делегатов, обращенное к Витте, не дало результатов. Тогда 15 ноября бюро разослало всем почтово-телеграфным линиям России следующую телеграмму: «Ответа от Витте об освобождении арестованных нет. Сегодня ровно в 6 часов по

петербургскому времени начинаем бастовать. Товарищи, поддержите, передайте от себя другим учреждениям, кому можете»¹.

В ответ на этот призыв служащие Пермского почтово-телеграфного округа в тот же день, 15 ноября, объявили всеобщую забастовку. Особенно активно она проходила в Перми и Екатеринбурге.

Уже на следующий день, 16 ноября, забастовавшие почтово-телеграфные служащие Перми собрались на митинг в доме Мешкова, где выработали и предъявили администрации 10 политических требований. Среди них были требования немедленного созыва Учредительного собрания, проведения на практике положений манифеста 17 октября о политических свободах, полной амнистии политических заключенных, отмены смертной казни, отмены положения об усиленной охране и военного положения, упразднения жандармской полиции и передачи ее функций в руки органов самоуправления, признания законным почтово-телеграфного союза, полной гарантии бастующим от преследований и удовлетворения их содержанием за время забастовки².

Забастовавшие обратились с просьбой к губернской земской управе, железнодорожному комитету и другим учреждениям и отдельным лицам города оказать им материальную помощь. На призыв бастующих откликнулись многие.

Пермский комитет Всероссийского почтово-телеграфного союза обратился в то же время с воззванием «К гражданам города Перми». Это воззвание с изложением требований бастующих было зачитано 16 ноября одним из членов Пермского комитета на заседании городской думы. В нем бастующие убеждали жителей города, что «их борьба есть в то же время борьба за народные права... произвольно попираемые правительством»³.

На протяжении недели забастовка почтово-телеграфных служащих Пермского округа была единодушной и успешной. В Екатеринбурге почтово-телеграфная контора превратилась в своеобразный политический клуб. Здесь почти ежедневно собирались бастующие служащие, перед

¹ МОГА, ф. 142, оп. 2, д. 90, л. 130.

² Там же, л. 131.

³ Там же.

⁴ Там же, л. 133 об.

¹ МОГА, ф. 142, оп. 2, д. 90, л. 135.

² Там же, ф. 65, оп. 1, д. 115, л. 53.

³ Там же, ф. 142, оп. 2, д. 90, л. 137.

которыми выступали представители социал-демократического комитета, в том числе Я. М. Свердлов («Андрей») ¹.

Однако уже в двадцатых числах ноября устойчивость бастующих под влиянием материальных лишений и репрессивных мер со стороны правительственных органов пошатнулась.

23 ноября министр внутренних дел приказал губернаторам «немедленно сделать распоряжение об арестовании подстрекателей и зачинщиков почтовой забастовки» ². Вслед за этим последовало распоряжение «немедленно уволить со службы всех забастовщиков» ³.

Выполняя эти распоряжения, местные власти 27 ноября арестовали всех членов Пермского комитета почтово-телеграфного союза ⁴. После этого началась расправа с рядовыми участниками стачки. Бастующие, под угрозой репрессий, начали возвращаться на работы. Первыми прекратили забастовку служащие почтово-телеграфной конторы Уфы. Вслед за ними возобновили работу почтовики Кунгура и Екатеринбурга. Что же касается Перми, то, как видно из обвинительного заключения, только «в начале декабря забастовавшие начали постепенно возвращаться на службу и к 8—10 декабря работа в Пермской почтово-телеграфной конторе стала постепенно входить в норму» ⁵.

Более чем двадцатидневная стачка почтово-телеграфных служащих Пермского округа, являвшаяся составной частью общероссийской забастовки, была самой длительной и упорной политической стачкой интеллигенции Урала за весь период революции. Несмотря на ее поражение, эта стачка являлась шагом вперед в воспитании масс и подготовке их к декабрьским вооруженным боям.

Вторым крупным ноябрьским выступлением в Пермской губернии была стачечная борьба рабочих Крестовоздвиженских золото-платиновых приисков наследников П. П. Шувалова.

20 ноября на Крестовоздвиженском волостном сходе рабочие, перевозящие грузы от станции Теплая Гора до Косьинских приисков, потребовали «прибавки цены за

перевозку клады» ¹. К рабочим-возчикам в тот же день присоединились рабочие Вознесенского рудника, которые также потребовали прибавить плату за работы и объявили забастовку. Стачка расширялась. 23 ноября приостановили работы торфовозы, горные забойщики, слесари, поденные рабочие и другие категории рабочих многих приисков Крестовоздвиженских промыслов. Они, собравшись на митинг, выработали петицию, которую послали на имя управителя промыслов Л. А. Перрэ. В петиции выдвигались требования установления восьмичасового рабочего дня, повышения заработной платы на 25 процентов, оплаты сверхурочных работ в двойном размере, отмены работ в праздничные и воскресные дни, прекращения увольнений рабочих без уважительных причин и санкции «суда товарищей», избранного рабочими, и др. 24 ноября требования, изложенные в петиции, были поддержаны рабочими Косьинских платиновых приисков, которые также объявили забастовку. Наконец 25 ноября к требованиям петиции присоединились рабочие Исовского прииска» ².

Таким образом, к 25 ноября все прииски, объединенные Крестовоздвиженскими промыслами, были охвачены забастовкой. Такого активного выступления рабочих на этих промыслах не было еще с периода отмены крепостного права. Возглавляли стачку выборные от рабочих, образовавшие стачечный комитет.

Под давлением рабочих управляющий промыслами должен был уступить. Он объявил о введении 8-часового рабочего дня для подземных рабочих и повышении заработной платы на 10 процентов, отмене работ в воскресные и праздничные дни, оплате сверхурочных работ в двойном размере, выплате половины заработной платы оставшимся при раскомандировке без работы рабочим. В ответе управляющего на петицию рабочих делалась оговорка, что все сделанные им уступки вводятся «впредь до получения окончательного решения владельцев, когда бы оно ни поступило и в чем бы оно ни состояло» ³. Это была лазейка, которая и была использована после поражения революции. Получив временные уступки, рабочие всех

¹ МОГА, ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 120, л. 397 об.

² Там же, ф. 65, оп. 1, д. 115, л. 41.

³ Там же, оп. 3, д. 139, л. 9.

⁴ Там же, ф. 142, оп. 2, д. 90, л. 15.

⁵ Там же, л. 138 об.

¹ МОГА, ф. 132, оп. 1, д. 50, л. 317.

² Там же, л. 307, 310, 321.

³ Там же, лл. 323—324.

приисков Крестовоздвиженских промыслов 28 ноября возобновили работы.

Таким образом, несмотря на то, что стачка рабочих на Крестовоздвиженских промыслах возникла стихийно, она своей массовостью и единством требований принесла рабочим сравнительно благоприятные результаты. Вместе с другими выступлениями рабочих Урала, стачка на Крестовоздвиженских промыслах также являлась показателем углубления революции и вовлечения в ее орбиту новых слоев трудящихся.

Декабрь на Урале начался резким усилением стачечной борьбы, перераставшей кое-где в столкновения рабочих с представителями администрации и полицией.

1 декабря началась стачка на Добрянском заводе. Рабочие, собравшись в количестве до 300 человек, потребовали уточнения размеров своих покосных земель и выдачи планов на них. Эти первоначальные требования были удовлетворены, но рабочие выдвинули новые требования об увеличении покосных наделов и повышении заработной платы. Получив отказ, рабочие разогнали заводскую администрацию и чинов местной полиции. В течение пяти дней рабочие Добрянки собирались на митинги, проводили политические демонстрации с пением «Марсельезы», являлись, как утверждал уездный исправник, «de facto хозяевами завода»¹.

Революционная волна на Урале продолжала быстро нарастать.

Несмотря на издание 5 декабря министром путей сообщения приказа, запрещающего служащим железных дорог самовольно оставлять работу, по призыву Всероссийского союза железнодорожников 8 декабря объявили забастовку служащие управления Пермской железной дороги и рабочие железнодорожного дела в Перми. Они выдвинули требования, уже предъявлявшиеся ими во время октябрьской забастовки². В тот же день забастовали железнодорожники Камышлова³. С 10 декабря стачка была поддержана рабочими Пермских железнодорожных мастерских. Здесь были предъявлены требования установления восьмичасового рабочего дня, увеличения поденной платы до

¹ МОГА, ф. 132, оп. 1, л. 50, лл. 151—152; ф. 65 (4 с.), оп. 1, л. 115, лл. 10—11.

² Там же, ф. 160 (8 с.), л. 132, л. 5.

³ Там же, л. 9.

80 копеек, отмены вычетов и штрафов, выдачи 50 процентов заработной платы во время болезни и др.⁴

На состоявшемся 10 декабря собрании железнодорожников станции Екатеринбург и присоединившихся к ним рабочих Монетного двора, было принято решение продолжать начавшуюся 8 декабря забастовку впредь до созыва Учредительного собрания и требовать от губернатора освобождения арестованных 6 декабря руководителей Пермского комитета союза железнодорожников⁵. Вскоре забастовкой были охвачены железнодорожники Чусового и Нижнего Тагила, к которым присоединились служащие почты и телеграфа. Попытки полиции арестовать членов стачечного комитета в Нижнем Тагиле закончились столкновением с рабочими и освобождением арестованных⁶.

Назревали еще более крупные события. В центре их на Урале, как и прежде, находилась Мотовилиха.

Сообщение о начале московской стачки железнодорожников было получено в Перми 9 декабря. В тот же день рабочие Мотовилихи собрались на митинг в снарядной фабрике, где приняли решение поддержать призыв московских пролетариев и включиться во всероссийскую забастовку. Вечером к бастующим рабочим присоединились служащие завода. Таким образом, уже 9 декабря весь Мотовилихинский завод был охвачен политической забастовкой⁷. Вскоре к политической забастовке примкнули рабочие заводов Каменских, Любимова и других мелких предприятий Перми. Стачка в губернском центре стала всеобщей⁸.

10 декабря в Мотовилихе целый день происходили митинги и собрания. На утреннем митинге была принята резолюция, в которой рабочие потребовали освобождения всех политических заключенных в России, немедленного созыва Государственной думы и практического проведения в жизнь политических свобод, провозглашенных в манифесте 17 октября. Рабочие единодушно решили продолжать забастовку «впредь до удовлетворения означенных в первых трех пунктах требований»⁹. Пермский комитет

¹ МОГА, ф. 160 (8 с.), оп. 1, л. 137, л. 6.

² Там же, ф. 65 (4 с.), оп. 1, л. 116, л. 13.

³ Там же, ф. 162 (10 с.), оп. 1, л. 124, л. 110 об.

⁴ СОГА, ф. 24, оп. 16, д. 1045, лл. 175—177; МОГА, ф. 142, оп. 2, д. 121, л. 1.

⁵ МОГА, ф. 160, оп. 2, д. 5, л. 27.

⁶ «Красный архив», № 103, 1940 г., стр. 90.

РСДРП постановил перевести стачку в вооруженное восстание. С этой целью среди рабочих в большом количестве были распространены прокламации, в которых мотовилихинцы призывались к «вооруженному кровавому бою за свободу»¹.

Пермский комитет РСДРП, опираясь на руководимый большевиками Совет рабочих депутатов, начал усиленную подготовку к вооруженному восстанию. В дополнение к образованным еще в октябре комитетом общественной обороны дружинам самообороны в спешном порядке создаются и обучаются новые дружины. Чтобы скрыть назначение создаваемых боевых дружин, им было дано наименование милиции, существующей «с целью охраны»².

Важнейшим вопросом подготовки восстания было приобретение оружия для вооружения дружинников. Часть оружия изготовлялась самими рабочими Мотовилихи в цехах под руководством депутатов Совета³. Но большая его часть приобреталась со стороны. Закупка оружия велась еще с осени. Уже в октябре в оружейном магазине Давыдова (Пермь) представителями Пермского комитета РСДРП дважды закупалось оружие: один раз было куплено 30 револьверов и 575 патронов, другой — 6 револьверов, 6 кинжалов и 75 патронов. В ноябре на Ижевском заводе было куплено 146 револьверов и 1500 патронов. Кроме того, ружья, револьверы и патроны систематически небольшими партиями приобретались в пермских оружейных магазинах. Был закуплен мелинит, которым снаряжались готовившиеся для дружинников бомбы⁴. 12 декабря отряд мотовилихинских дружинников совершил налет на керосинный склад «Товарищества бр. Нобель», где конфисковал 19 револьверов⁵.

Вся эта подготовка восстания возглавлялась выделенной Пермским комитетом тройкой в составе Юрша, Борчанинова и Митрофанова. Деятельное участие в закупке оружия и подготовке восстания принимала кассир Пермского комитета РСДРП Анна Ягодникова⁶. Начальни-

ками дружин были выдвинуты преданные делу революции рабочие: Кузнецов, Зенков, Безолуцкий, Лбов, Болдачев, Пташинский и др.

В широко распространяемых среди мотовилихинских рабочих прокламациях Пермского комитета РСДРП они настойчиво призывались спешно вооружаться и готовиться «к последней схватке с самодержавием»¹.

Меры, предпринимаемые рабочими для подготовки вооруженного восстания, были поддержаны большинством жителей Мотовилихинской волости. На волостном сходе 11 декабря, принявшем решение послать телеграмму на имя царя с требованием «создать Государственную думу на началах прямого, всеобщего, равного и тайного голосования для выработки основных законов, которые бы успокоили страну»², было в то же время решено образовать местную милицию, на содержание которой взять взаимобразно 2 тысячи рублей из богадельных сумм. Для возвращения этих денег в кассу сход постановил обложить всех жителей волости единовременным налогом по 10 копеек с каждого домохозяина и квартиранта. Кроме того, волостной старшина обязывался все ранее отобранные полицией у рабочих и находящиеся в волостном правлении револьверы передать в распоряжение милиции³. Собранные в Мотовилихинской волости деньги и оружие были использованы для подготовки вооруженного восстания.

Действия вооруженных сил милиции давали себя чувствовать уже накануне восстания. 11 декабря дружины начали «обезоруживать чинов полиции»⁴. По их приказанию в этот день были закрыты все винные лавки. На улицах поддерживался образцовый порядок.

Вооруженное восстание в Мотовилихе началось 12 декабря. В этот день утром состоялся созванный Пермским комитетом большой митинг рабочих Мотовилихи, железнодорожных мастерских, служащих железной дороги и других предприятий Перми. На нем обсуждались вопросы расширения стачечной борьбы вообще и на железной дороге Пермь — Екатеринбург, служащей средством переброски войск, в частности.

¹ «Красный архив», № 103, 1940 г., стр. 89.

² ЦГА ТАССР, ф. 51, оп. 12, д. 33, л. 27; МОГА, ф. 160, оп. 1, л. 50, л. 37.

³ Свердловский филиал ИМЭЛС, ф. 41, оп. 1, л. 91, л. 226.

⁴ «Красный архив», № 103, 1940 г., стр. 102—104.

⁵ Там же, стр. 94—95.

⁶ Там же, стр. 103—104.

¹ «Красный архив», № 103, 1940 г., стр. 102—103.

² Там же, стр. 91—92.

³ Там же.

⁴ ЦГА ТАССР, ф. 51, оп. 12, д. 33, л. 27.

Первым шагом к практическому привлечению всех железнодорожников к забастовке была остановка почтово-пассажирского поезда № 4, следующего из Перми в Екатеринбург. В середине дня 12 декабря, к моменту прихода этого поезда на станцию Мотовилиха (13 часов 24 минуты) собралось около полутора тысяч рабочих. В числе их были вооруженные дружинники. Прибывший поезд был остановлен. Поездная бригада во главе с машинистом присоединилась к бастующим. Количество собравшихся на станции все увеличивалось и вскоре уже составляло около 5 тысяч человек¹.

Обо всем случившемся местные власти немедленно доложили губернатору. По его приказанию в Мотовилиху была срочно отправлена полусотня казаков. Казачьему отряду удалось сравнительно легко разогнать собравшихся, избивая их нагайками. Однако через некоторое время казаки встретили организованное вооруженное сопротивление со стороны находившихся в засаде рабочих дружин. Началась перестрелка, не приведшая к потерям ни с той ни с другой стороны.

Опасаясь засад, конная казачья команда вглубь заводского поселка не вторглась и к 4 часам возвратилась в Пермь. На этом и закончились столкновения рабочих дружин с войсками в первый день восстания.

Мотовилихинские рабочие, под руководством Совета рабочих депутатов, усиленно готовились к новым схваткам.

Уже вечером 12 декабря боевые дружины рабочих «устроили в разных местностях селения баррикады для стрельбы по войскам»². Продолжалось разоружение полицейских. Все местные присутственные места и учреждения в Мотовилихе были взяты под охрану дружинников.

Утром и днем 13 декабря сооружение баррикад продолжалось. Они были построены на Висимской, Баковской, Большой, Томиловской и других улицах. Все дружины были приведены в полную боевую готовность. Закончилось разоружение полицейских. Главные силы восставших были сосредоточены вокруг баррикад, построенных в трех кварталах Большой улицы. Остальные дружин-

ники находились на других баррикадах, а резервы — в цехах завода.

В середине дня по приказу губернатора в Мотовилиху снова были направлены казаки. Как доносил помощник уездного исправника губернатору, прибывшая «сотня казаков была встречена градом выстрелов с боковых улиц, с окон домов, из-за заборов, с заводских цехов и разных укромных мест»¹. Войска вынуждены были занять оборону. Вскоре стало ясным, что сотне казаков не справиться с активно действующими дружинниками. На помощь были посланы 1 и 5 роты Ирбитского батальона. Начались жаркие схватки, в которых дружинники под давлением превосходящих сил терпели поражение. Но только к вечеру правительственные войска заняли завод. Особенно упорную борьбу с наступавшей пехотой выдержал отряд дружинников, забаррикадовавшийся в оружейной фабрике № 1. Войска, окружив восставших, повели приступ. Сопротивление героев-дружинников было сломлено, и они пленены карателями. Оценивая ход сражения, одно из донесений отмечало «упорное сопротивление революционных боевых дружин»².

В результате кровавой расправы войск с восставшими было убито по официальным данным 4 мужчины и 1 женщина, ранено 26 человек, из которых один умер. Ударам нагаек подвергнуто до 400 человек, задержано и арестовано 33 человека. Раненых со стороны казаков оказалось двое³. Несомненно, цифры раненых приуменьшены, так как многие раненые рабочие скрывались.

После разгрома восстания начались массовые аресты. Было схвачено и отправлено в тюрьму большинство руководителей Пермского комитета РСДРП и Мотовилихинского Совета. За участие в восстании к судебной ответственности было привлечено и осуждено 53 мотовилихинских рабочих⁴.

Подытоживая результаты восстания, Пермский комитет РСДРП в выпущенной им листовке под названием «Кровь пролита» подчеркивал, что «мотовилихинские рабочие не остались безучастными к великому делу осво-

¹ ЦГА ТАССР, ф. 3, д. 16, л. 68.

² Там же, ф. 51, оп. 2, д. 33, л. 27.

¹ «Красный архив», № 103, 1940 г., стр. 97.

² Там же, стр. 98.

³ МОГА, ф. 142, оп. 2, д. 121, лл. 27—28.

⁴ Там же, лл. 100—101.

бождения всей России». Предупреждая царских палачей, что «на всякие насилия пролетариат ответит вооруженной рукой», комитет заканчивал прокламацию призывом: «Да здравствует восстание и демократическая республика»¹.

Мотовилихинское восстание потерпело поражение из-за малочисленности и слабой вооруженности дружинников, отсутствия непосредственной вооруженной поддержки со стороны рабочих других заводов Перми и Пермской губернии. Восставшие не смогли завоевать на свою сторону войска, не сумели добиться поддержки крестьян окружающих их деревень. Революционный героизм рабочих дружинников был скован оборонительной тактикой восставших, которая при том уровне вооружения и степени подготовки восстания и не могла быть иной.

Хотя вооруженное восстание в Мотовилихе и явилось высшей точкой революции 1905—1907 годов на Урале, но революционный порыв рабочих и после его поражения был еще очень сильным.

К вооруженному восстанию усиленно готовились екатеринбургские рабочие. В телеграммах из Екатеринбурга в Пермь сообщалось о том, что там «бастуют большинство... ожидается столкновение, город волнуется», что «столкновение вооруженное вероятно»². Бастующие железнодорожники Екатеринбурга, продолжавшие борьбу до 21 декабря, создали свою боевую дружину в 80 человек, закупили около 200 револьверов и заявили на собрании, что «дадут сильный отпор в случае репрессий»³.

19 декабря произошло вооруженное столкновение между рабочими и полицейским отрядом на станции Чусовская, в результате которого было ранено 2 полицейских⁴. 22 декабря рабочие Кусье-Александровского завода насильственным образом заставили окружного инженера и управителя завода выполнить их требование о повышении заработной платы⁵.

Однако это уже было начало арьергардных боев первой народной революции на Урале. Пермский губернатор разослал своим подчиненным органам приказ, по которому нужно было «действовать против мятежников ору-

жием без всяких колебаний»¹. Рабочее, а вместе с ним все массовое движение пошло на убыль.

Важнейшим достижением революционных масс в период октябрь-декабрь 1905 года на Урале было создание и дальнейшее укрепление Советов депутатов и профессиональных организаций. Кроме Мотовилихи, Советы рабочих депутатов под различными названиями были созданы в Надеждинске, Екатеринбурге, Тагиле, Сысерти, Нейво-Алапаевске, Сосьвинском заводе и в некоторых других местах Пермской губернии.

Советы, отстаивая интересы трудящихся масс, все чаще и энергичнее вмешивались в отношения между рабочими и заводоладельцами, в функции местных административных и полицейских органов, подменяя, а в ряде случаев и вовсе прекращая их деятельность.

Характеризуя Надеждинский и Сосьвинский Советы рабочих депутатов, один из чинов полиции писал: «Начавшееся в январе рабочее движение в Надеждинском заводе к октябрю так окрепло, что выборные депутаты, в числе которых находились и все поднадзорные, распоряжались в заводе как хотели: захватили в свои руки театр, клуб, библиотеку, удаляли по своему желанию чинов полиции и служащих в заводе. По их постановлению я и товарищ прокурора... 2 октября были удалены из завода. Подобное движение развилось и в соседнем Сосьвинском заводе... Оттуда нас удалила вооруженная толпа»².

Боевым органом революционных масс являлся Совет рабочих депутатов в Екатеринбурге. Для оказания материальной помощи бастующим рабочим Совет создал специальную кассу. Деятельность Екатеринбургского Совета всячески поддерживалась и поощрялась руководителем уральских большевиков Я. М. Свердловым. На одном из ноябрьских митингов в Екатеринбурге Я. М. Свердлов говорил рабочим: «Теперь у нас учрежден Совет депутатов от рабочих. Вы должны доверять Совету... Слушайте во всем Совет депутатов и следуйте его указаниям»³.

Деятельность Советов в октябре-декабре 1905 года на Урале далеко выходила за рамки обычной деятельности стачечных комитетов. Из них постепенно вырастали новые

¹ МОГА, ф. 160, оп. 2, д. 5, л. 27.

² Там же, ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 116, лл. 17 и 43.

³ Там же, ф. 160 (8 с.), оп. 1, д. 132, л. 23.

⁴ ЦГА ТАССР, ф. 51, оп. 13, д. 66, л. 29.

⁵ МОГА, ф. 132, оп. 1, д. 50, лл. 362—363.

¹ МОГА, ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 116, л. 40.

² Там же, ф. 162 (10 с.), оп. 1, д. 124, л. 109 об.

³ «Уральская жизнь», 24 ноября 1905 года.

органы политической власти, органы революционно-демократической диктатуры, способной защищать себя с оружием в руках. Наибольший успех Советы имели там, где их возглавляли истинные представители революционных рабочих масс — большевики.

В революционных выступлениях трудящихся Урала родились новые формы их легальной организации — профессиональные союзы: учительский, земских служащих, врачей, приказчиков, железнодорожников, типографских служащих и наборщиков, почтово-телеграфных работников и многие профессиональные организации среди рабочих и служащих горных заводов. Вопрос об образовании профессиональных союзов широко обсуждался на митингах и собраниях. В обсуждении этого вопроса активное участие принимали представители большевистских организаций. На митинге приказчиков в Екатеринбурге 13 ноября Я. М. Свердлов, определяя роль профсоюзов, требовал, чтобы программа профсоюзов «не имела узких задач взаимопомощи», подчеркивал, что профсоюз «должен быть боевой»¹.

В конце декабря была сделана попытка объединить профсоюзные организации рабочих и служащих ряда горных заводов Урала. 28 декабря 1905 года в Екатеринбурге состоялся «съезд депутатов от рабочих и служащих уральской горной промышленности»². На съезде присутствовало 28 депутатов от рабочих и служащих Серебрянского, Кушвинского, Баранчинского, Верхне-Туринского, Верх-Нейвинского, Нижне-Туринского заводов, Гороблагодатского рудника и Исовских приисков. Один депутат являлся представителем от Уральского союза приказчиков и служащих торгово-промышленных фирм. Съезд утвердил устав Союза уральской горной промышленности и выработал петицию в Государственную думу, в которой требовал введения восьмичасового рабочего дня, выборной фабричной инспекции, воспрещения сверхурочных и воскресных работ и др.³.

Профессиональные организации, охватывая членством широкие слои рабочих и служащих, приобщали в той или иной степени трудящиеся массы к общереволюционным событиям, к экономической и политической борьбе.

¹ «Урал», 17 ноября 1905 г.

² МОГА, ф. 65, оп. 3, д. 139, л. 21.

³ Там же.

Активное участие в революционных выступлениях октября-декабря 1905 года на Урале приняла демократически настроенная учащаяся молодежь. Во время общенародной демонстрации в Перми 19 октября в ней по инициативе учеников торговой школы приняли участие ученики ряда средних учебных заведений. Они вместе с рабочими шествовали по улицам с красными знаменами и с пением «Марсельезы»¹. Среди учащихся средних школ Перми, и в частности, учениц Пермской женской гимназии, широко распространялись социал-демократические прокламации, проводились тайные сходки, на которых гимназистки разучивали «русскую Марсельезу»².

В демонстрациях, прошедших в связи с обнародованием манифеста 17 октября, принимала участие молодежь Нижне-Тагильского горнозаводского и Кунгурского технического училищ³. Сообщая 2 декабря телеграфно в Петербург о положении дел в Красноуфимске, пермский губернатор указывал, что там «бесчинствуют ученики промышленного, технических и старших общих классов, требовали увольнения директора, некоторых преподавателей, угрозами не давали другим ученикам учиться»⁴.

Сравнительно большую активность проявляли учащиеся старших классов мужских гимназий. Так, собравшиеся на собрание 9 декабря ученики старших классов Пермской мужской гимназии в своем постановлении, направленном директору, писали: «Признавая, что наступил решительный момент борьбы народа с самодержавием, мы присоединяемся ко всеобщей политической забастовке всего революционного народа». Далее учащиеся указывали, что они прекращают занятия, требуют созыва Учредительного собрания и в своих дальнейших действиях будут руководствоваться «постановлениями революционных организаций»⁵.

Все это свидетельствует о том, что под знамена революции все больше и больше становилась учащаяся молодежь.

¹ МОГА, ф. 160 (8 с.), оп. 1, д. 145, лл. 145—146.

² Там же, ф. 160, оп. 1, д. 11, л. 26.

³ Там же, ф. 162, (10 с.), оп. 1, д. 124, л. 110; ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 116, л. 85.

⁴ Там же, ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 116, л. 85.

⁵ Там же, ф. 160, оп. 1, д. 11, л. 59.

В отличие от предыдущих периодов революции 1905—1907 годов на Урале, в октябре-декабре наблюдается большой подъем крестьянского движения. Главное острие крестьянских выступлений на Урале было направлено против помещичьего и заводского землевладения, то есть против тех феодально-крепостнических пережитков, которые сохранились в местной деревне после отмены крепостного права. Особенно острой была борьба за лес.

Наиболее крупным выступлением крестьян в октябре-декабре 1905 года было волнение в Крыловской волости, Осинского уезда. При отмене крепостного права крестьяне деревень Тюмися, Александровка, Нижняя Чермода и Шины, Крыловской волости, получили от помещика князя Голицына в надел по 6 десятин земли на душу и вовсе не получили леса. В связи с увеличением населения среди крестьян чувствовалось «значительное малоземелье», а отсутствие леса «было причиной многочисленных лесных порубок»¹. За арендуемые земли крестьяне платили по 1—2 рубля с десятины, а за самовольно вырубленные деревья — штрафные деньги, что ложилось тяжелым бременем на крестьянские хозяйства.

Будучи возмущены поборами помещика, крестьяне 11 октября 1905 года напали на помещичью контору, разбили и разломали шкафы, уничтожили все дела об арендных платежах и самовольных порубках и здесь же «угрозами вынудили от лесничего деньги, уплаченные ими ранее за аренду земли и штрафные за порубку леса»². Прибывшие на следующий день в Крыловскую волость земский начальник и уездный исправник с группой полицейских вынуждены были уже вечером уехать, так как собравшаяся в волостное правление толпа крестьян в несколько сот человек «нанесла им побои»³.

Дальнейшие события в Крыловской волости развернулись под влиянием воззваний Всероссийского крестьянского союза. Союз этот был создан по инициативе крестьян Московской губернии в мае 1905 года. Принятая на первом съезде в июле 1905 года программа союза требовала созыва Учредительного собрания, передачи в руки крестьян

государственных, удельных, монастырских, кабинетских, церковных и частично помещичьих земель, обязательного бесплатного пятилетнего образования в светских школах и др. Резолюции второго съезда крестьянского союза, состоявшегося в ноябре 1905 года, отражали еще более радикальную точку зрения. Они требовали передачи всей земли в общую собственность народа, вступления крестьян в союз с рабочими, отмены исключительных законов, амнистии политическим заключенным, замены постоянной армии народным ополчением и т. д. На втором съезде союза было два представителя от Пермской губернии: один — агроном губернского земства, другой — крестьянин⁴.

В. И. Ленин, давая оценку крестьянскому союзу, подчеркивал, что, несмотря на его эсеровско-либеральное руководство, это была действительно народная, массовая организация «безусловно революционная в своей основе, способная применять действительно революционные методы борьбы»².

В ноябре воззвание союза, в котором излагалась его программа, широко распространялось в Пермской губернии. Под его воздействием крестьяне Крыловской волости возобновили борьбу. 11 декабря в Тюмисевской даче князя Голицына лесная стража застала 15 самовольных порубщиков из Крыловской волости. Как видно из документов, крестьяне «не только не удалились из лесу по требованию лесников, но даже прогнали их самих, говоря, что лес крестьянский»³.

На следующий день, 12 декабря, в селе Крылове собралась самовольная сходка крестьян. Здесь было зачитано воззвание крестьянского союза, призывающее «соединиться в Всероссийский крестьянский союз, чтобы общими усилиями отстаивать свои интересы и нужды». Сход постановил «присоединиться к крестьянскому союзу, выдать для этого полномочных и послать телеграмму»⁴.

Со схода все собравшиеся крестьяне в сопровождении захваченных по пути волостного старшины и писаря отправились к лесной конторе князя Голицына. Увидев надвигающуюся угрозу, голицынские чиновники закры-

¹ МОГА, ф. 142, оп. 1, д. 60, л. 15.

² Там же.

³ Там же.

¹ МОГА, ф. 160 (8 с.), оп. 1, д. 88, лл. 20—35 и др.

² В. И. Ленин, Соч., т. 10, стр. 232—233.

³ МОГА, ф. 142, оп. 1, д. 60, л. 16.

⁴ Там же.

лись в конторе и отказались впускать в нее крестьян. Возмущенные крестьяне разломали двери и силой ворвались в помещение. Они заставили заведующего лесной конторой Шевчунаса подписать «бумагу на имя всех начальствующих», в которой требовалось, чтобы они крестьянам «землю отдали добром, иначе ее возьмут силой»¹. Крестьяне заставили также заведующего конторой «возвратить им 263 рубля денег, ранее уплаченных за аренду земли или в виде штрафа за порубки».

Далее крестьяне забрали в конторе исполнительные листы, «сказки» о порубках, квитанционные книги и другие бумаги, в которых записывались долги крестьян помещику, вынесли их на улицу и сожгли. В то же время другая часть крестьян разгромила амбар с «вещественными доказательствами» по делам о порубках и разобрала все находившиеся там: топоры, пилы, хомуты и другие крестьянские принадлежности.

Приехавшие вечером 12 декабря в Крыловскую волость земский начальник и уездный исправник с отрядом полицейских были изгнаны крестьянами с созванного ими многочисленного схода. При этом у околоточного надзирателя крестьяне отобрали револьвер, а другим чиновникам «были причинены побои»².

В связи с волнением в Крыловской волости осинский уездный исправник телеграфировал 12 декабря губернатору: «Настроение возбужденное, лесная стража почти везде крестьянами снята, имение объявлено собственностью крестьян, лес расхищается. Чтобы подавить начавшееся огромное движение, нужна экстренно военная сила, хотя бы пока полусотня казаков»³.

О положении в Крыловской волости губернатор сообщил в Петербург. В его донесении подчеркивалось, что «причина волнений — пропаганда крестьянского союза» и что волнение «угрожает всей губернии»⁴. По распоряжению министра внутренних дел в Крыловскую волость был направлен отряд вооруженных винтовками стражников.

Начавшиеся в октябре в Крыловской волости волнения крестьян, в ноябре распространились на Еловскую и Дуб-

ровскую волости того же Осинского уезда. Крестьяне деревень Калиновки, Невольной (Пристаничной), Барановки (Зобачевки) и других предъявили свои права на землю помещика Ратькова-Рожнова «как на свою собственность». Указывая на политические свободы, предоставляемые им манифестом 17 октября, крестьяне этих волостей отказались «от всяких платежей недоимок, податей, земских и мирских сборов»⁵.

Наибольшее количество крестьянских выступлений в Пермской губернии в ноябре-декабре 1905 года было в Пермском, Оханском, Соликамском и Екатеринбургском уездах. Основными формами борьбы крестьян в это время были самовольные порубки леса.

В Пермском уезде крестьянские волнения начались в первых числах ноября. 7 ноября управляющий Полазненским округом имения Абамелек-Лазарева телеграфировал губернатору, что в Сенькинской волости «крестьяне начали делать массовые порубки, оказывая вооруженное сопротивление»². Расследовавшие обстоятельства самовольных порубок чиновники установили, что в имении Абамелек-Лазарева «такса лесных материалов неизменно высока», что с крестьян «требуют попенные за грибы, ягоды, мох; взыскивают деньги даже с тех крестьян, которые не имеют домашних животных»³. Для прекращения самовольных порубок пристав признавал крайне необходимыми «понижение таксы лесных материалов» и отказ от посылки военной команды, ибо, по его мнению, дело могло дойти «до кровавых столкновений»⁴.

Волнения крестьян на почве борьбы за лес усиливались. Запугав лесную стражу побоями и частично разогнав ее, крестьяне Нижне-Муллинской, Верхне-Муллинской, Култаевской, Каянцевской, Больше-Буртымской и Ново-Ильинской волостей Пермского уезда, начиная с 11 ноября, «партиями до 300 человек», ежедневно производили в Нижне-Муллинской лесной даче Голицына «самовольные порубки до 800 деревьев каждый день»⁵. При этом крестьяне заявляли представителям властей, что их самовольные порубки вызваны «притеснениями лесной

¹ МОГА, ф. 142, оп. 1, д. 60, л. 17.

² Там же.

³ Там же, ф. 65, оп. 1, д. 115, лл. 178—182.

⁴ Там же, лл. 183—184.

¹ МОГА, ф. 142, оп. 1, д. 56, л. 2.

² Там же, ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 116, л. 448.

³ Там же, ф. 132, оп. 1, д. 50, лл. 88 и 93.

⁴ Там же, ф. 132, оп. 1, д. 50, лл. 93—94.

⁵ Там же, ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 116, л. 465.

администрации, выражающимися в отказе отпуска им строевого леса, ограниченном отпуске дров и высокой плате на все вообще лесные материалы»¹.

Прибывшие в эти волости полицейские чиновники под угрозой введения военной команды принудили крестьян дать обещание отказаться от самовольных порубок. Но уже 22 ноября лесничий Нижне-Муллинской дачи снова телеграфировал губернатору, что «самовольные порубки в вверенной мне даче до сих пор не прекратились, а наоборот, с каждым днем увеличиваются»². Земские начальники пытались остановить самовольные порубки леса через волостных старшин, но последние отвечали, что крестьянское «самовольство остановить нет возможности»³.

Между самовольными порубщиками и неразбежавшейся еще лесной охраной нередко происходили вооруженные стычки. Так, 4 декабря произошло столкновение крестьян деревни Болгары, Култаевской волости, с лесной стражей «со стрельбой с обеих сторон»⁴. Подобная стычка произошла 17 декабря при встрече самовольных порубщиков с вооруженными лесничими и в Верх-Качкинском обществе, Нижне-Муллинской волости. Во время свалки и перестрелки два крестьянина получили тяжелые ранения⁵. Но самовольные порубки продолжались. 21 декабря губернатор сообщал в Петербург, что крестьяне ранее уже упоминавшихся волостей «снова производят скопом самовольную порубку леса в Нижне-Муллинской даче; попадающую случайно лесную стражу подвергают истязаниям, многие общества вызвали лесных сторожей на сходы и предложили немедленно оставить службу под угрозой лишить их наделов»⁶.

Документы свидетельствуют, что массовые порубки леса происходили в ноябре по всему Оханскому уезду. Начались они в Стряпунинской волости, где крестьяне 19 деревень (Катыши, Батуры, Бурыги и других), начиная с 4 ноября ежедневно производили в Паинской даче Абамелек-Лазарева «скопом порубки»⁷.

¹ МОГА, ф. 132, оп. 1, д. 50, л. 20.

² Там же, л. 40.

³ Там же, л. 32.

⁴ Там же, лл. 45.

⁵ Там же, л. 64.

⁶ Там же, л. 54.

⁷ Там же, ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 116, лл. 446—447.

Отсюда крестьянские волнения перебросились в Строгановский майорат. Управляющий имением графа Строганова 10 ноября доносил губернатору, что в дачах Очерского завода крестьяне совершают «массовые самовольные порубки лесов», производят «угрозы и насилия над лесной стражей», в результате чего некоторые лесные участки остались «почти без охранения»¹.

Особенно больших размеров самовольные порубки достигли в середине ноября в Таборской даче князя Голицина со стороны крестьян Таборской, Шерьинской, Павловской и Дворецкой волостей. Как указывалось в донесении помещичьего управления, крестьяне деревни Верх-Большой, Таборской волости, «скопом до 70 человек разбросали до основания кордон», а лесного сторожа «выгнали совсем из дачи»².

То же происходило в лесных дачах графини Воронцовой-Дашковой. Главноуправляющий имением этой помещицы 16 ноября сообщал, что крестьяне села Ново-Ильинского «в количестве около 70 человек въехали в сосновый бор моей доверительницы и рубят его безнаказанно», а «лесная стража бессильна оказать сопротивление»³.

По распоряжению губернатора в Ново-Ильинскую волость выехал оханский уездный исправник «для принятия самых энергичных мер к прекращению самовольных порубок»⁴.

Но не успели местные власти прекратить самовольные порубки в Ново-Ильинской волости, как к губернатору от помещичьего управления графини Воронцовой-Дашковой полетели новые жалобы и вопли о помощи. Речь шла о массовых самовольных порубках леса крестьянами Нытвенской, Шерьинской и Таборской волостей в Югокамской лесной даче. «Порубщики, — читаем мы в одном из документов, — начиная с 12 декабря являются ежедневно сотнями в дачу, рубят и увозят лучший лес... Лесная стража одна ничего сделать не сможет»⁵. На поимку самовольных порубщиков была выслана вооруженная команда в составе 12 полицейских и 20 лесных стражников во главе с приставом и лесничим.

¹ МОГА, ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 116, л. 452.

² Там же, л. 465.

³ Там же, л. 446.

⁴ Там же, л. 146.

⁵ Там же, ф. 132, оп. 1, д. 50, л. 8.

29 декабря эта команда внезапно напала на возвращающихся из леса самовольных порубщиков, которые везли лес на 200 лошадях. Произошла стычка, после которой было арестовано 58 крестьян.

В Соликамском уезде центром крестьянского движения являлась Кудымкарская волость, откуда, согласно утверждению земского начальника, «как из центра по радиусам распространяются подстрекательства к бунту»¹. Кроме Кудымкарской волости, волнения крестьян на почве самовольных порубок происходили также в Нердвинской волости. Земский начальник телеграфировал губернатору, что «15 ноября началась скопом крестьян Нердвинской волости рубка строгановского леса», и что полиция и местная администрация «не в состоянии ее приостановить»². Самовольные порубки леса в строгановских дачах Соликамского уезда продолжались весь ноябрь и декабрь месяцы.

Борьба крестьян Урала против гнета помещиков-горнозаводчиков не ограничивалась самовольными порубками леса. В ряде мест крестьяне организовано требовали увеличения земельных и лесных наделов, угрожая разгромом имений.

Крестьяне Щелкунской волости, Екатеринбургского уезда, пришли к выводу, что им «необходимо получить надел не по числу ревизских душ, обозначенных в уставной грамоте, а по числу наличных в настоящее время»³. Между тем владелец обширных земельных угодий — главное управление Сысертских заводов не только не шло на уступки крестьянам, но еще отобрало от них «росчисти старинные» и вырубил леса между крестьянскими «пахотами». Как указывалось в прошении крестьянских доверенных, «не предвидя... впереди ничего утешительного, доверители наши, сплотившись своими мыслями воедино, решились было учинить против владельцев какое-либо насилие»⁴.

Однако дело до волнений не дошло. 11 декабря крестьяне провели сход, в решении которого изложили все свои претензии к владельцам Сысертских горных заводов. Крестьяне требовали увеличения пахотных и покосных

¹ МОГА, ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 114, л. 33.

² Там же, д. 116, л. 474.

³ Там же, д. 124, л. 127.

⁴ Там же.

земель с 4 до 10 десятин на душу, возвращения росчистей, разрешения свободного выпаса скота по всей даче Сысертских заводов, бесплатного отпуска лесных материалов, свободы сбора грибов и ягод в лесах, беспрепятственного проведения охоты и рыбной ловли во всех угодьях. В заключительной части своего постановления крестьяне предупреждали заводовладельцев, что «в случае же неудовлетворения наших требований, брожение наших умов может дойти до грандиозных размеров»¹.

Социал-демократические организации проводили работу в деревне Пермской губернии, стремились оказать влияние на крестьянские массы, распространяя среди них свои прокламации. Сразу же после обнародования манифеста 17 октября среди крестьян губернии была распространена социал-демократическая листовка под названием «Что пужно крестьянам?». Объясняя причины издания манифеста, листовка подчеркивала, что царизму «ни пули, ни штыки, ни нагайки, ни сабли не помогли» и ему «пришлось уступить народной силе и выпустить манифест». Далее листовка напоминала крестьянам, что, несмотря на издание манифеста, попрежнему «вся земля находится у помещиков, удела, казны, у попов и монахов... Вы не избавитесь от кабалы до тех пор, пока не захватите этих земель... Нужно уничтожить выкупные платежи... вы платите их за свою же собственную землю»².

Несколько позже была выпущена и распространена Пермским комитетом среди крестьян еще одна листовка под названием «К товарищам крестьянам». Листовка от имени рабочих разъясняла крестьянам, что в борьбе с царизмом им нужно выступать совместно «с нами, рабочими, со своими братьями» и в этой борьбе стать «под красное знамя нашей рабочей партии». Обобщая требования, которые нужно было выдвигать крестьянству, листовка говорила: «Запомните же хорошенько, товарищи крестьяне, все наши советы и поступайте по ним: 1) Отказывайтесь платить подати. 2) Отказывайтесь идти на военную службу. 3) Отказывайтесь повиноваться начальству. 4) Закрепляйте приговорами отказы. 5) Устраивайте демонстрации на ярмарках и базарах. 6) Намечайте,

¹ МОГА, ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 116, лл. 128—129.

² МОГА, ф. 301, д. 2, л. 2.

какие земли вам нужно будет отобрать у казны, удела, помещиков. 7) Вооружайтесь... вооружайтесь, товарищи, кто чем может: ружьями, револьверами, кинжалами и готовьтесь к решительной открытой войне с вековым врагом народа — царским правительством»¹.

Распространение социал-демократических прокламаций сыграло свою роль. Содержание листовок нередко отражалось в решениях крестьянских сходов. Так сельские сходы Мокинского, Чуваковского, Балдинского и других обществ Култаевской волости, Пермского уезда, приняли решения, в которых призывали крестьян, «не платить никаких податей и не нести воинской повинности», удалить земских начальников, а также выдвигалось требование передачи «всей земли крестьянам»².

Однако нужно отметить, что среди крестьян Пермской губернии практическая работа социал-демократической организаций была развернута недостаточно. Поэтому преобладающее влияние в деревне имели эсеры. Они руководили развернувшим сравнительно широко свою деятельность в Оханском и Пермском уездах Всероссийским крестьянским союзом. 15 декабря в Путинском волостном правлении был созван съезд представителей крестьянского союза от Старо-Путинской, Сепычевской, Бубинской, Вознесенской, Токариной, Спешковской, Верх-Очерской и других волостей Оханского уезда. На этом съезде был избран уездный комитет союза, возглавлявшийся видными эсерами. Комитет оказывал значительное влияние на крестьянское движение³.

В целом крестьянство Пермской губернии в период наивысшего подъема революции — в октябре-декабре месяцах 1905 года — только еще включалось в общенародную волну массового революционного движения. Запоздалость крестьянского движения и преобладающее влияние в нем эсеровской идеологии определяли слабость и ограниченность аграрного движения на Урале.

Таким образом, как и по всей стране, октябрь-декабрь 1905 года явились наивысшим этапом революционных выступлений уральского пролетариата. Всеобщая октябрьская политическая стачка, втянувшая в ряды борцов рево-

люции не только коренных пролетариев, но и рабочих мелких предприятий, мастерских, вспомогательных рабочих, служащих, учащихся и другие группы населения, подводила массы к вооруженному восстанию. Однако в силу слабой организованности вооруженное восстание в Пермской губернии ограничилось лишь Мотовилихинским заводом и вооруженными столкновениями в нескольких других местах губернии. Преодолевая нерешительность и сопротивление меньшевиков, большевики Мотовилихи и руководимый ими Совет рабочих депутатов подняли рабочих на открытую вооруженную схватку с царизмом, но потерпели поражение.

Крестьянское движение, основные формы которого выражались в самовольных порубках леса, соединенных с требованиями увеличения земельного надела, хотя и ощущало на себе большевистское влияние, в целом находилось под руководством мелкобуржуазной эсеровской партии.

МОГА, ф. 160 (8 с.), оп. 1, д. 88, лл. 5—5 об. и л. 6.

² Там же, л. 22.

³ Там же, л. 29.

ГЛАВА V

ОТСТУПЛЕНИЕ РЕВОЛЮЦИИ

С разгромом декабрьского вооруженного восстания наступил новый период революции 1905—1907 годов, период спада и отступления. Если в 1905 году в России стачечной борьбой было охвачено 2863 тысячи рабочих, то в 1906 году число бастующих сократилось до 1108 тысяч, а в 1907 году — до 740 тысяч. Хотя крестьянским движением и было охвачено в 1906 году около половины всех уездов России, но и здесь чувствовался спад.

Поражение революции и наступление реакции было длительным и медленным процессом. Пролетариат и крестьянство отступали с упорными арьергардными боями, продолжавшимися полтора года после разгрома декабрьского восстания. От тактики подготовки вооруженного свержения самодержавия большевистская партия постепенно переходила к тактике организованного отступления, во время которого умело соединялись легальные и нелегальные формы работы. В противовес меньшевикам, сеявшим парламентские иллюзии, наша партия строила свою думскую тактику с расчетом разоблачения с думской трибуны царизма и буржуазии, с расчетом привлечения на свою сторону крестьянства и создания как в думе, так и вне ее революционного рабоче-крестьянского блока.

Наступление реакции на Урале почувствовалось уже в конце 1905 и в начале 1906 годов. Сразу же после поражения декабрьского вооруженного восстания Пермь и Мотовилиха были объявлены на положении чрезвычайной охраны. Вслед за тем 28 декабря 1905 г. на положении чрезвычайной охраны были объявлены все крупные населенные пункты и заводы Пермской губернии. Поло-

жение чрезвычайной и усиленной охраны сохранялось в губернии до 1908 года¹.

Согласно обязательному постановлению губернатора о чрезвычайной охране, запрещались «всякого рода собрания и сходки», «сборища народа толпами на улицах, тротуарах, площадях, в садах и тому подобных местах», «шествия с революционными песнями, речами, возгласами и флагами», «посылки депутатий от неразрешенных и недозволенных правительством организаций и разных союзов» и т. д. Владельцы заводов и фабрик обязывались следить за тем, чтобы «в среде подведомственных им рабочих и служащих не появились революционные агитаторы и подстрекатели». Заводской администрации предлагалось «увольнять от службы и устранять от работы лиц, признаваемых вредными для общественного порядка». Виновные в нарушении постановления губернатора о чрезвычайной охране подвергались «заклучению в тюрьме на время до трех месяцев, или аресту на такой же срок, или денежному штрафу до трех тысяч рублей»².

Губернские административные и полицейские власти получали в этих своих действиях всяческую поддержку со стороны заводоладельцев Урала. Бюро совета съездов горнопромышленников Урала в своем решении, принятом 18 января 1906 года, рекомендовало губернатору устраивать по губернии «прогулки воинских частей». Тут же указывалось, что если эта рекомендация не будет выполнена, то горнозаводчики должны будут «на многих заводах, если не прекратить, то во всяком случае сократить работы»³.

Пермская губерния все больше и больше наводнялась войсками. В 1906 году на ее территории было расквартировано 36 рот Псковского, Мокшанского и Великолуцкого пехотных полков, Ирбитский резервный батальон и 6 сотен Оренбургского казачьего войска⁴. К этим воинским частям следует добавить усиленные команды местной полицейской стражи по 80—100 человек на каждый из 12 уездов и «вольнонаемную стражу» Пермской железной дороги в количестве 200 человек⁵.

¹ МОГА, ф. 65, оп. 1, д. 1141, лл. 13—14; ф. 160, оп. 1, д. 52, л. 14; д. 87, лл. 1, 2, 4.

² Там же, ф. 65, оп. 1, д. 1141, л. 15.

³ Там же, ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 124, л. 167.

⁴ Там же, д. 13, лл. 338—339.

⁵ Там же, д. 118, л. 10.

Уже в начале 1906 года профсоюзные организации железнодорожников, учителей и почтово-телеграфных служащих были разгромлены, легальная либеральная газета «Пермский край» закрыта¹.

Переходя в наступление на рабочий класс, заводо-владельцы Урала в 1906 году стали отказываться от ранее сделанных ими уступок и применять как средство давления на рабочих локауты.

29 января 1906 года управляющий Чермозским заводом вывесил объявление, в котором указывал, что «при чрезвычайно высоких платах заводским рабочим... завод продолжать работу... не может», поэтому через две недели «работы во всех вспомогательных цехах будут прекращены, а рабочие будут рассчитаны»². Чермозцы вынуждены были согласиться на понижение заработной платы и только после этого в начале марта более тысячи человек было восстановлено на работах³.

Вслед за прибытием отряда казаков, на Крестовоздвиженские промысла приехал представитель от их владельцев — наследников П.П. Шувалова. Он объявил, что произведенное управляющим промыслами в сентябре 1905 года некоторое повышение заработной платы является незаконным, так как оно «может привести к закрытию приисков». Рабочим были сообщены новые, пониженные расценки и они предупреждены, что те из них, «которые с новой расценкой не согласны, должны заявить об этом в недельный срок управлению приисков, а затем в течение одного месяца очистить занимаемые на приисках помещения»⁴. Попытка рабочих оказать сопротивление не увенчалась успехом, и 3 февраля они приступили к работам по новым расценкам.

17 февраля 1906 года правление товарищества Сергинско-Уфалейских горных заводов сообщило рабочим, что поскольку «не только в России, но и нигде за границей в промышленности фабрично-заводских предприятий восьмичасовая суточная работа не принята», оно заменяет установленный в 1905 году восьмичасовой рабочий день девятичасовым, «с сохранением существующих ныне плат». Здесь же говорилось, что рабочие, которые не со-

гласятся с этим, «должны быть уволены», а если не согласятся все рабочие того или иного цеха, их цех «подлежит закрытию»¹.

Под угрозой локаута рабочие Михайловского, Нижне-Сергинского и других заводов Сергинско-Уфалейского округа вынуждены были согласиться на увеличение рабочего дня. Просьбы рабочих этих заводов не увеличивать рабочего дня до разрешения данного вопроса в Государственной думе вызвали уверенный ответ правления товарищества, которое категорически заявляло: «Нет сомнения, Государственная дума не утвердит восьмичасовой рабочий день»².

Наследники Соломирского, угрожая локаутом, понизили более чем на 25 процентов заработную плату рабочих Сысертского, Ильинского и Верх-Сысертского заводов, а Благовещенский прииск при этих заводах закрыли под предлогом его убыточности³.

Иногда капиталисты Урала использовали любой факт выступления рабочих для объявления локаута. Так, 13 марта 1907 года рабочие Ирбитского завода «вывезли на дровнях» издевавшегося над ними «управителя завода Софонова». В ответ на это главное управление Алапаевских заводов объявило рабочим, что оно «закрывает завод»⁴.

Рабочий класс Урала вел упорные и напряженные бои против сил реакции, отражая и сдерживая их наступление. Несмотря на разгром большевистских организаций, последовавший за поражением декабрьского восстания, уже в начале 1906 года социал-демократическое движение на Урале снова усилилось. Агенты охраны в это время сообщали в Петербург, что в Перми «социал-демократическое движение... сохраняет прежнюю напряженность», а в Екатеринбурге «революция опять поднимает голову»⁵.

Толчком к усилению рабочего движения в Пермской губернии в 1906 году была кампания в связи с годовщиной расстрела 9 января. К этому дню Пермский комитет РСДРП в большом количестве распространил на заводах Прикамья листовку под названием «К годовщине

¹ МОГА, ф. 160 (8 с.), оп. 1, д. 88, л. 66.

² Там же, ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 124, л. 220.

³ Там же, л. 230—235, 317.

⁴ Там же, ф. 132, оп. 1, д. 50, л. 341.

¹ МОГА, ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 124, л. 405.

² Там же, лл. 338—356.

³ Там же, лл. 364, 413; ф. 65, оп. 3, д. 165, л. 10.

⁴ Там же, ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 139, лл. 34 и 45.

⁵ Там же, д. 124, л. 275; д. 11, л. 22.

великой российской революции», в которой призывал рабочих «объединиться и спланиваться под знаменем революционной социал-демократии для решительной борьбы»¹.

Под влиянием социал-демократической агитации годовщину начала революции отметили рабочие многих заводов Урала. В эти дни траурные сходки произошли на Сосьвинском, Нижне-Тагильском, Пожевском заводах, спичечной фабрике Ворожцова и Логинова в Екатеринбургe и в других местах Пермской губернии².

На наступление реакции рабочие многих заводов Урала отвечали стачками. Специфической особенностью стачечного движения 1906—1907 годов было то, что оно носило в основном экономический характер. В стачках этих лет мало участвуют рабочие крупных заводов. Забастовки происходят на сравнительно мелких предприятиях или в отдельных цехах крупных предприятий.

В первые три месяца 1906 года в Пермской губернии произошло всего две стачки. 2 января на почве недовольства низкой заработной платой не вышли на работу 500 рабочих 1 и 2 Касьяновских приисков Верх-Исетских заводов. Они отправили своих депутатов к управляющему заводами «с ходатайством об удовлетворении их нужд»³. Требования рабочих удовлетворены не были, и стачка закончилась поражением рабочих.

Прошло около полутора месяцев, и в Пермской губернии был зафиксирован новый факт стачечной борьбы. 14 февраля верхотурский уездный исправник сообщал губернатору, что на находящемся в 7 верстах от Верхотурья Туринском лесопильном заводе «второй день происходит забастовка, рабочие в числе 80 человек не выходят на работы»⁴. Стачка возникла на экономической почве. Бастующие предъявили требование об увеличении заработной платы. Администрация немедленно уволила руководителей забастовки с завода, а остальных угрозой расправы заставила приступить к работе.

В течение последующих трех месяцев 1906 года (апрель, май, июнь) в Пермской губернии произошло 12 стачек.

¹ МОГА, ф. 160, оп. 2, д. 5, л. 10.

² Там же, ф. 162 (10 с.), оп. 1, д. 124, лл. 90—92; ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 124, л. 71; ф. 65, оп. 1, д. 1124, лл. 493—494 и др.

³ Там же, ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 124, л. 47.

⁴ Там же, л. 316.

12 апреля началась стачка 200 грузчиков шпал на пристани на реке Сылва, принадлежавшей князю Голицыну. Грузчики прекратили работу, требуя прибавки платы. Для подавления стачки на пристань был отправлен «достаточный для восстановления порядка пеший отряд»¹.

Спустя 5 дней, 17 апреля, забастовало около 100 поденных рабочих станции Солеварни, грузивших в барки железо заводов Абамелек-Лазарева. Они потребовали от подрядчика увеличения платы на 3 коп. в сутки. Подрядчик удовлетворить требования грузчиков отказался. Прибывшие 18 апреля на станцию уездный исправник и пристав предложили рабочим до 10 часов утра следующего дня приступить к работам или покинуть станцию. Под угрозой применения военной силы 19 апреля почти все рабочие начали погрузку. Для предупреждения стачек в будущем на станцию Солеварни было отправлено дополнительно 10 пеших стражников².

20 апреля 280 рабочих Щигирского прииска и 100 рабочих Столбянского прииска Верх-Исетского горного округа прекратили работы, требуя повышения заработной платы на 20—24 копейки за каждую добытую кубическую сажень песков. Требования бастующих были настолько минимальными, что управляющий Верх-Исетскими заводами удовлетворил «просьбу рабочих, ввиду ее незначительности»³.

Начавшийся в апреле 1906 года некоторый подъем рабочего движения в Пермской губернии в мае усилился. Толчком послужил Первомайский праздник.

Еще в конце апреля почти во всех уездных городах и на многих заводах были распространены социал-демократические прокламации. Они призывали рабочий класс дружно и организованно отметить международный пролетарский праздник. В листовке Пермского комитета РСДРП, отпечатанной и распространенной в 5 тысячах экземпляров, подчеркивалось, что «мы, русские рабочие, будем... свободно праздновать 1-ое Мая лишь после того, как вооруженной рукой свергнем самодержавие, лишь тогда, когда добьемся всенародного Учредительного собрания, избранного на основании всеобщей, равной, прямой

¹ МОГА, ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 124, л. 47.

² Там же, лл. 362 и 363.

³ Там же, лл. 366—367.

и тайной подачи голосов, взамен теперешней полицейской Думы, лишь при демократической Республике»¹.

В Зауралье большинство прокламаций распространялось от имени Уральского областного комитета РСДРП. Только в одном Верхисетском заводе, согласно донесению екатеринбургского исправника, в ночь на 1 мая было «найдено 266 экземпляров печатных типографским способом прокламаций противоправительственного содержания под заглавием: «Первое мая», от имени уральского областного комитета»².

Деятельность екатеринбургских большевиков накануне Первого мая была настолько активной, что полицмейстер доносил губернатору: «По сведениям, полученным от вверенных мне чинов полиции, революционеры решили устроить 1 Мая на всех фабриках и заводах города Екатеринбурга забастовку, настаивая на вооруженном восстании»³. В Мотовилихе в день Первого мая на работу не явилось около 500 рабочих⁴.

Под влиянием первомайских большевистских листовок и организаторской деятельности социал-демократов в мае произошел ряд стачек. 2 мая пристав Землевич из Кизела телеграфировал губернатору, что «рабочие Княжеских копей Лазарева прекратили сегодня работы, требуют увеличения платы»⁵. С 7 по 23 мая бастовали рабочие механического, кузнечного и столярного цехов Нижне-Сергинского завода, добивавшиеся отмены девятичасового рабочего дня, введенного недавно вместо восьмичасового, который рабочие завоевали в 1905 году⁶.

Во второй половине мая стачками были охвачены Сосьвинский, Надеждинский и Нижне-Туринский заводы, Богословского горного округа. Эта стачка, как и ряд других, являлась прямым ответом рабочих реакционным силам в лице горнозаводчиков, наступающим на жизненный уровень трудящихся масс.

В начале мая на указанные заводы приехала специальная комиссия Богословского общества горнозаводчиков, которая поставила перед собой задачу «уменьшить

расходы общества и увеличить доходность»¹. Комиссия постановила взыскивать до 2 рублей в месяц квартирной платы с рабочих, ранее живших в заводских квартирах бесплатно, уменьшить выплату «премиальных» за выплавку чугуна сверх нормы и работу в праздничные дни, упразднить трехсменную работу на погрузке и загрузке угля, то есть увеличить рабочий день с 8 до 12 часов и т. п. Кроме того, в соответствии с распоряжением губернатора, заводская администрация начала увольнять наиболее революционно настроенных рабочих. Так, с Сосьвинского завода в это время было уволено 46 человек рабочих. Признавая провокационный характер действий горнозаводчиков, один из жандармских чиновников сообщал губернатору, что «забастовки... вызваны не самими рабочими..., а главным правлением округа, уменьшившим заработную плату»².

В ответ на эти меры администрации 600 рабочих Сосьвинского завода 15 мая забастовали. Рабочие же Надеждинского завода в тот же день «имели крупный разговор» с представителями администрации, угрожая им «вывезти на тачке с завода»³. Директор завода уговорил рабочих Надеждинского завода повременить с забастовкой до возвращения из Тюмени уехавшей туда комиссии. Однако комиссия с протестом рабочих не посчиталась. 25 мая началась стачка.

Примерно то же происходило на Нижне-Туринском заводе, где стачка началась 26 мая. Здесь во время стачки рабочие дважды собирали свои сходки для обсуждения новых условий, предъявленных администрацией. На сходке 29 мая, после некоторых незначительных уступок администрации, вопрос о продолжении стачки был поставлен на голосование. Как сообщают документы, в результате баллотировки, «за работу высказалось 671 человек, а за забастовку 350»⁴.

Таким образом, на Нижне-Туринском заводе по решению большинства рабочих работы возобновились. Вскоре примеру нижнетуринцев последовали рабочие Сосьвинского и Надеждинского заводов. Поражению стачек

¹ МОГА, ф. 160, оп. 2, д. 6, л. 4.

² Там же, ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 119, л. 238.

³ Там же, л. 151.

⁴ Там же, л. 229.

⁵ Там же, л. 230.

⁶ Там же, д. 124, лл. 401, 404, 408.

¹ МОГА, ф. 162 (10 с.), оп. 1, д. 124, л. 568 об.

² Там же, л. 568.

³ Там же, л. 568 об.

⁴ Там же, л. 590.

способствовало и то, что по требованию комиссии на заводы Богословского округа были присланы казаки.

Три июньских стачки 1906 года: рабочих сварочного цеха Северского завода, группы рабочих на строительстве железной дороги Пермь-Екатеринбург и досчатников и резчиков Нижнетагильских заводов были мелкими и не представляли значительных событий¹.

Из рабочих выступлений последующих четырех месяцев (июль-октябрь) обращает на себя внимание стихийное волнение на Нязепетровском заводе, происшедшее 2—3 октября 1906 года. Рабочие, возмущенные длительной задержкой выплаты заработной платы, а также притеснениями заводской администрации и особенно лесной охраны, два дня собирались на самовольные сходки к заводской конторе и расправлялись с ненавистными им служителями. Так, на сходку 2 октября рабочие вызвали старшего лесника Постникова и начали, как говорят документы полицейских органов, «наносить ему удары по голове и другим частям тела, вытолкали его на улицу, и он без шапки ушел домой»². Для расправы с волнующимися был послан отряд полицейских стражников.

В ноябре 1906 года стачечная борьба в Пермской губернии сопровождалась политическими митингами и демонстрациями.

12 ноября забастовали рабочие механического завода Ятес в Екатеринбурге. Их поддерживали рабочие макаронной фабрики Круковского. Предъявив требование администрации об «уменьшении рабочих часов в субботу», рабочие направились колонной к центру города «с целью приглашать рабочих других заводов присоединиться к забастовке»³. Но усилиями полиции это рабочее выступление было прекращено.

В этот же день, 12 ноября, состоялся политический митинг рабочих Михайловского завода, на который собралось до 500 человек. Выступавший на митинге оратор говорил, что «правительство, чиновники и полиция... стоят за капиталистов, защищают интересы их, а не рабочих, живут за наши деньги, грабят народ, народ разоряют,

борцов за правду, за свободу сажают в тюрьму, ссылают и расстреливают»⁴.

Почти одновременно, 13 ноября, забастовало 1200 рабочих Тагильского медного рудника, «требуя прибавки заработка»⁵. А спустя 5 дней, 17 ноября, рабочие Нижне-Сергинского завода, возмущенные увеличением рабочего дня с 8 до 9 часов, расправились с представителями администрации. В то время как управляющий Нижне-Сергинским округом Цетче, «убежавши в проходную будку, избежал побоев от толпы рабочих», управляющий Верх-Сергинским заводом Алехин «был сбит с ног»⁶. Так стихийно возникший протест вылился в волнение, во время которого рабочие требовали «бить и гнать полицию, а также и заводское начальство»⁴.

19 ноября рабочие Добрянского завода превратили проводы новобранцев в политическую демонстрацию. По донесению полицейских властей, 300 рабочих шли под красным знаменем, с пением «Марсельезы», с возгласами «Долой полицию!»⁵. После появления «вооруженного отряда полицейской стражи во главе с приставом, пение прекратилось и флаг был спрятан»⁶.

В декабре 1906 года рабочее движение в Пермской губернии несколько затихает с тем, чтобы снова усилиться в январе 1907 года. Поводом послужила вторая годовщина «кровавого воскресенья». Верхотурский уездный исправник сообщал начальнику Пермского охранного отделения, что «9 января в Сосьвинском и Богословском заводах рабочие не вышли на работу и в последнем служили панихиду по убиенным товарищам»⁷. На главном здании Нижне-Салдинского завода в годовщину расстрела был вывешен флаг с надписью: «Память погибшим бойцам 9 января 1905 года»⁸. В расположенных за городом машинных помещениях пермского водопровода в начале января созывались политические сходки, на которые «собиралось много рабочих»⁹.

¹ МОГА, ф. 160, оп. 1, д. 73, л. 7.

² Там же, ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 123, л. 353.

³ Там же, ф. 65, оп. 3, д. 166, л. 300.

⁴ Там же, л. 301.

⁵ ЦГА ТАССР, ф. 3, оп. 14, д. 61, л. 3.

⁶ МОГА, ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 120, л. 433.

⁷ Там же, ф. 160 (8 с.), оп. 1 д. 170, л. 23.

⁸ Там же, л. 31.

⁹ Там же, д. 171, л. 134.

¹ МОГА, ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 124, л. 431 и 463; д. 120, лл. 85, 125—126.

² Там же, д. 123, л. 378 об.

³ Там же, д. 114, л. 261.

В рабочем движении в Пермской губернии важное значение имели январско-февральские события 1907 года на Надеждинском заводе. Рабочие этого завода решили оказать сопротивление усиливающимся репрессивным мерам против них, в частности арестам руководителей стачечного движения. После очередного ареста двух руководителей стачечной борьбы, 13 января уполномоченные от рабочих явились к управляющему заводом и заявили, что «производить дальнейшие аресты... рабочие не позволят, будут силой отбивать арестованных и силой же расправляться с полицией»¹. Уполномоченные настойчиво предложили послать телеграмму губернатору с требованием об освобождении арестованных.

Не получив ответа, рабочие 15 января объявили забастовку протеста. Уездный исправник телеграфировал губернатору, что «тысячная толпа бастующих рабочих Надеждинска, окружив квартиру полицейского надзирателя, требовала освобождения арестованных»².

Продолжением этих событий были политическая демонстрация и митинг рабочих Надеждинского завода при проводах отъезжавшего в Петербург депутата Государственной думы рабочего завода большевика Василия Чащина³.

Наивысшим этапом рабочего движения в Пермской губернии в 1907 году были март-май месяцы. За это время на заводах губернии произошло 11 стачек, сопровождавшихся митингами, сходками и демонстрациями.

С 6 по 15 марта бастовало 120 рабочих, драгеров и машинистов Николаевского прииска Невьянского завода. Они требовали сокращения рабочего дня с 10 до 9 часов и некоторого повышения заработной платы. Администрация была вынуждена пойти на некоторые уступки⁴.

Такого же экономического характера стачку начали 30 марта 200 рабочих Сергиевского рудника Пашийского завода, потребовавшие «увеличения поденной и сдельной платы за работы»⁵. В этот же период — 9 марта на Кушвинском, а 25 марта на Верхнесняжчихинском заводах — состоялись политические митинги, на которых ораторы го-

ворили «противоправительственные речи о свержении самодержавия», а слушатели их после таких выступлений — «начали кричать «ура» и петь революционные песни»¹.

14 апреля началась стачка грузчиков пристани Левшино. Она сопровождалась сходками рабочих, на которых, как свидетельствуют документы, «агитаторы говорили об увеличении жалования, установлении рабочего времени и предполагалось не выпускать из затона каравана до осуществления предъявленных требований»². Забастовка была прекращена с помощью полицейской стражи.

За левшинской забастовкой 29 апреля последовала стачка 80 грузчиков паровой пристани при Сосьвинском заводе, выдвинувших требование «повышения заработной платы»³, а 30 апреля — стачка рабочих котельного цеха Невьянского завода, настаивавших на увеличении поденной платы с 60 до 70 копеек⁴.

Наиболее значительными выступлениями рабочих Пермской губернии в 1907 году были забастовки и демонстрации, связанные с Первым мая. Среди них особое место занимают события на Туринских рудниках. Здесь большевистская организация заранее тщательно готовилась отметить рабочий праздник политической демонстрацией. Первого мая из Фроловского рудника в центральную часть селения Туринских рудников направилась колонна демонстрантов, «человек 200—300, с тремя красными флагами и пением революционных песен». На знаменах были надписи: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и «Да здравствует 1-ое Мая!»⁵.

На рабочую колонну набросился отряд конной полицейской стражи, который начал избивать демонстрантов и пытался отнять знамена. Демонстранты оказали сопротивление. Рабочие, выломав колья из ограды, бросились с ними на стражу и многим стражникам нанесли удары. Полицейский отряд открыл огонь. В результате был убит рабочий Богословской шахты Петр Абаимов и ранено несколько демонстрантов.

¹ МОГА, ф. 160 (8 с.), оп. 1, д. 154, л. 24.

² Там же, ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 140, л. 2.

³ Там же, ф. 160 (8 с.), оп. 1, д. 154, л. 51.

⁴ Там же, ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 139, лл. 15—17.

⁵ Там же, ф. 160 (8 с.), оп. 1, д. 176, л. 51.

¹ МОГА, ф. 162, оп. 1, д. 184, л. 7; ф. 65, оп. 1, д. 1237, л. 67.

² Там же, ф. 142, оп. 1, д. 137, лл. 10—11.

³ Там же, ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 139, л. 92.

⁴ Там же, д. 138, л. 373.

⁵ Там же, ф. 160 (8 с.), оп. 1, д. 154, л. 75.

Туринская политическая демонстрация, закончившаяся расстрелом рабочих, являлась отзвуком грозных для царизма событий 1905 года в условиях наступления реакции.

Первое мая отметили забастовкой рабочие Исовских платиновых приисков, потребовавшие «повышения заработной платы и восьмичасового рабочего дня»¹. В этот же день «под предлогом праздника»² началась стачка на Рассольных коях Кизеловского горного округа, к которой 2 мая примкнули рабочие Княжеских и Княгининских копей. Из Кизела на имя губернатора последовала телеграмма: «Рабочие из трех копей забастовали и покушаются снять рабочих с других копей»³. По распоряжению губернатора на копи была направлена рота солдат. С помощью военной силы забастовка была 3—4 мая прекращена.

К первомайским забастовкам примыкают также стачки ткачей на льнопрядильной фабрике Жирякова (3 мая) и угольщиков при домах Надеждинского завода (4 мая). В первом случае рабочие поставили вопрос «об увеличении платы»⁴, а во втором — требовали «третью смену»⁵. Стачки быстро были прекращены без успеха для рабочих. Подобные же экономические стачки произошли 23—25 мая на Левшинской пристани и 29 мая на Нязепетровском заводе и также оказались безуспешными⁶.

Рабочее движение в Пермской губернии к 1907 году потеряло уже свою массовость и наступательный порыв. Отдельные подъемы его не меняли положения. Рабочее движение явно шло на убыль. Это стало особенно сильно чувствоваться на Урале с июня 1907 года, когда после третьенюнского переворота в России восторжествовала черная реакция.

* * *

Несмотря на сообщения ряда уездных исправников о том, что в уездах «восстановлен полный порядок»⁷, несмотря на требования губернатора не допускать «расхи-

щения земель и лесов частных владельцев, хотя бы для сего довелось употребить военную силу»¹, борьба крестьян Пермской губернии в условиях отступления революции продолжалась. Основной формой крестьянских выступлений в этот период являлись попрежнему самовольные порубки, нередко оканчивавшиеся кровавыми столкновениями крестьян с лесной охраной. Из 11 крестьянских волнений, происшедших в Пермской губернии в 1906 году, 8 были связаны с самовольными порубками.

10 января 1906 года крестьяне татарской деревни Бакимовой, Азигуловской волости, Красноуфимского уезда, возвращались с самовольно нарубленным лесом из Юлаевской казенной дачи. Их пыталась задержать лесная стража. Между крестьянами-татарами и стражей завязалась перестрелка, в результате которой один крестьянин был убит и два ранены².

В мае самовольные порубки принимают большие размеры в Оханском уезде, где в начале года они несколько сократились. На протяжении двух дней — 28 и 29 мая — крестьяне деревни Даси, Кленовской волости, вырубili до 600 деревьев в Очерской даче Строганова. Как сообщил уездный исправник, «остановить... самовольную порубку названных крестьян лесная стража не была в силах, так как порубщики были вооружены»³. Для расправы с крестьянами был направлен отряд конных полицейских стражников.

Получая все более и более тревожные сообщения об усиливающемся крестьянском движении в губернии, губернатор Коптев 30 мая телеграфно предписал всем исправникам «зорко следить за настроением среди крестьян» и все волнения «подавлять в самом начале твердо, решительно, без всяких колебаний»⁴.

Однако репрессивными мерами крестьянские волнения остановить было нельзя. Они продолжались. 6 и 7 июня крестьяне деревни Аллак, Воскресенской волости, Екатеринбургского уезда, «произвели в значительном количестве вырубку леса» в имении владельцев Берг. Прибывших в деревню урядников и лесничих, производивших

¹ «Рабочий», № 5, 3 июня 1907 года; МОГА, ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 147, л. 4 об.

² МОГА, ф. 142, оп. 1, д. 138, л. 35.

³ Там же, л. 36.

⁴ Там же, ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 139, л. 96.

⁵ Там же, д. 138, л. 376.

⁶ Там же, л. 435; ф. 160 (8 с.), оп. 1, д. 175, лл. 93 и 95; ф. 142, оп. 1, д. 139, л. 13.

⁷ Там же, ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 118, л. 166.

¹ МОГА, ф. 65 (4 с.), д. 124, л. 50 об.

² Там же, л. 182.

³ Там же, оп. 1, л. 415.

⁴ Там же, д. 119, л. 357.

розыск порубленного леса, «крестьяне... к розыску не допустили»¹.

Противодействие крестьян местным властям подавлялось военной силой. Так, в связи с самовольными порубками, производившимися крестьянами деревни Первухинной, Балаирской волости, Камышловского уезда, в казенных дачах Юшаловского лесничества, туда в помощь лесной охране была послана конная полицейская стража. После проведенной 20—22 июня карательной экспедиции, исправник утверждал, что «порубщики теперь будут знать о принятых мерах к охране казенного леса»².

Сравнительно крупное крестьянское волнение, связанное с самовольными порубками, произошло 14—15 августа 1906 года. В эти дни крестьяне деревень Верхних и Нижних Кушер и Белоусовой, Оханского уезда, а также деревень Катаевой, Симохиной, Федосовой и Ершовки, Соликамского уезда, вырубили в Карагайской даче Строганова около 700 деревьев. Как доносил оханский уездный исправник губернатору, «лесную стражу крестьяне к обыскам не допускали и выказали угрозу ее избить, в случае появления в деревне». В волнующиеся волости уездный исправник срочно командировал «конных стражников в количестве 30 человек»³.

Значительное количество крестьянских выступлений, выражавшихся не только в самовольных порубках, произошло под влиянием пропаганды возвратившихся из армии, после заключения мира с Японией, отпускных солдат. Один из земских начальников Шадринского уезда признавал, что «главными агитаторами» в деревне «являются запасные солдаты, распространяющие массу подпольных брошюр, возбуждающих население»⁴.

Волнения отпускных наиболее широко распространились в Шадринском и Камышловском уездах. Они были направлены главным образом против местных властей и их злоупотреблений.

В начале января 1906 года в Шадринском уезде произошли следующие волнения запасных. В деревне Кнутовой на сходе запасными был «побит старшина и сельский староста», в селе Теренкульском запасные отказа-

лись «платить продовольственную ссуду, настаивая, что все эти долги с них сложены»; под влиянием запасных сход крестьян села Уксянского отказался от «назначения жалования старшине, судьям и писарю»; наконец, в селе Белокульском запасные, «собравшись толпой, потребовали от старшины уплаты денег солдатам, которые не пользовались пособием», в противном случае, «угрожали убить старшину»¹.

Такого же рода волнения происходили в январе в Колчеданской волости, Камышловского уезда. 19 января 1906 года 103 запасных этой волости предъявили земскому начальнику требование «о немедленном устранении от должностей» волостного старшины и писаря, обвиненных «в присвоении себе пособий, выдававшихся земством женам и семьям нижних чинов, в корыстном и неправильном производстве обследований семейного и экономического положения демобилизованных запасных и в грубом обращении с женами их»². Требования запасных были настолько настойчивыми и сопровождались такими угрозами, что земский начальник вынужден был уступить. Он, чтобы хотя частично успокоить запасных, «передал обязанности старшины его кандидату и удалил из волостного правления писаря»³.

Иногда среди крестьян вспыхивали волнения, являвшиеся реакцией на расквартирование военных и полицейских отрядов, прибывших для подавления рабочих выступлений. Таким, в частности, было волнение крестьян Режевской волости, Екатеринбургского уезда. Волостной сход 6 февраля 1906 года вынес решение об отказе отводить квартиры «для прибывших в Режевский завод казаков»⁴. Опираясь на постановление о чрезвычайной охране, губернатор приказал 11 крестьян — «главных руководителей» волнения «подвергнуть аресту на три недели каждого»⁵. Это выступление крестьян говорит о росте их сознательности и солидарности с рабочими.

В целом же крестьянское движение в Пермской губернии периода отступления революции оставалось стихийным, локальным, почти не чувствовавшим на себе

¹ МОГА, ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 124, л. 372.

² Там же, л. 396.

³ Там же, д. 123, л. 99.

⁴ Там же, д. 124, л. 49.

¹ МОГА, ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 124, л. 49.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, ф. 65, оп. 1, д. 1124, л. 714.

⁵ Там же.

влияния социал-демократической пропаганды. Кое-где в деревне продолжалась политическая работа доживавшего свои последние дни эсеровского Крестьянского союза.

После октября 1906 года крестьянское движение в губернии резко сократилось. Почти все годы реакции положение в деревне Пермской губернии оставалось относительно спокойным. Борьба в деревне шла, но глухая, в иных, чем в революционные годы, формах.

* * *

В исключительно трудных условиях приходилось работать социал-демократическим организациям Пермской губернии. Вслед за почти полным разгромом в декабре 1905 года после восстания в Мотовилихе, Пермский комитет РСДРП был подвергнут новым налетам полиции в начале января 1906 года. В результате от актива Пермского комитета осталось лишь несколько человек: П. Обросов, М. Туркин, Д. Федорова и некоторые другие.

В двадцатых числах января из Екатеринбурга в Пермь приехал выдающийся деятель большевистской партии Яков Михайлович Свердлов и его верный товарищ-жена Клавдия Тимофеевна Новгородцева¹. Вся деятельность Свердлова и Новгородцевой была направлена на восстановление Пермского комитета и оживление партийной работы. По свидетельству документов, Свердлов и Новгородцева в Перми «в короткое относительно время организовали довольно серьезную организацию»². Партийная организация Перми была разделена на пять районов: Мотовилихинский, Городской, Железнодорожный, Заимский и Балашихинский. Усилилась организационно-партийная деятельность и работа кружков, одним из которых (повышенного типа) руководил Я. М. Свердлов.

Одновременно под руководством Я. М. Свердлова готовилась вторая уральская областная партийная конференция, которая и была созвана в Екатеринбурге в феврале 1906 года. По своему составу она была подлинно большевистской конференцией.

Из решений конференции следует, что уральские большевики верили в возможность вооруженного восстания в ближайшее время. В резолюции по вопросу об условиях

жизни горнозаводского населения и крестьян Урала конференция требовала от партийных организаций вести агитацию «за образование по заводам революционных комитетов, которые в момент вооруженного восстания смогли бы взять власть в свои руки»³.

На конференции был избран партийный центр — Уральский областной комитет РСДРП, возглавленный Я. М. Свердловым. После конференции комитет провел большую работу по восстановлению разгромленных партийных организаций Урала и оживлению их деятельности. Активизировалась работа кружков, было возобновлено функционирование подпольных типографий.

Под руководством комитета состоялись выборы делегатов на IV (объединительный) съезд РСДРП, происходивший в Стокгольме в апреле 1906 года. В связи с напряженной и сложной работой в областном комитете было принято решение Я. М. Свердлова на съезд не посылать, так как в условиях частых провалов, по мнению, высказанному рабочими-большевиками, «только он один сумеет сохранить и растить организацию непрерывно»⁴. Делегатом от Пермской организации на съезд была послана К. Т. Новгородцева, которая по всем обсуждавшимся съездом вопросам стояла на ленинских позициях.

По инициативе Уральского областного комитета для улучшения партийной работы на заводах Прикамья в мае 1906 года было создано Пермское окружное бюро. Его по предложению Я. М. Свердлова возглавил окружной организатор Василий Зосимович Немчинов⁵.

Окружное бюро усиленно готовило окружную конференцию. Были установлены связи с Чермозской, Добрянской, Пожевской, Бисерской, Чусовской, Лысьвенской, Кунгурской, Красноуфимской и другими партийными организациями и группами. Многие организации посетил лично окружной организатор. За один месяц с 15 мая по 15 июня в парторганизациях Прикамья состоялось 47 собраний, на которых присутствовало 727 человек⁶.

Однако накануне конференции в Пермской организации произошли большие провалы. В начале июня были

¹ Свердловский филиал ИМЭЛС, ф. 41, д. 15, лл. 102—103.

² К. Т. Свердлова, Я. М. Свердлов, Свердловск, 1946 г., стр. 49.

³ МОГА, ф. 142, оп. 2, д. 120, лл. 43—44.

⁴ Там же, ф. 160, оп. 2, д. 13, лл. 2—7. Данные уточнены нами по архивным материалам.

¹ МОГА, ф. 160 (8 с.), оп. 1, д. 37, л. 290 об.

² Там же, л. 291.

разгромлены Пермский и Мотовилихинский районные комитеты, ликвидирована типография, конфисковано 9 пудов шрифта, 14 пудов литературы, 2½ пуда бумаги, 30 паспортных бланков и др.¹ 11 июня были арестованы Я. М. Свердлов, К. Т. Новгородцева, а вслед за ними еще около 50 руководящих работников-большевиков на различных заводах Прикамья².

Несмотря на массовые аресты, Пермская окружная конференция открылась, как и намечалось, 15 июня 1906 года в Перми. На ней присутствовали делегаты от Чусовского, Лысьвенского, Бисерского заводов, станции Усольской, городов Кунгура и Красноуфимска, а также представитель Пермского комитета и окружной организатор, всего 8 человек. Конференция обсудила отчетный доклад окружного организатора, заслушала информацию с мест и избрала В. Немчинова делегатом на областную Уральскую конференцию³.

Но назначенная на конец июня 1906 года Уральская областная конференция, в связи с арестом членов областного комитета и многих делегатов, не состоялась.

Прибывшая на конференцию незначительная группа делегатов (7 человек), собравшись в Уфе 23 июня, назвала конференцию совещанием, обсудила ряд вопросов и выделила Временное областное уральское бюро⁴. Совещание выразило несогласие с «расплывчатыми резолюциями» IV съезда, которые «не оценивают совершенно текущего момента, не дают ясных и определенных лозунгов»⁵. Оно потребовало созыва очередного съезда партии.

Несмотря на сложность обстановки и непрерывный жандармско-полицейский террор, происходит некоторое дальнейшее укрепление уральских партийных организаций и усиление их деятельности. В августе 1906 года состоялась окружная партийная конференция в Екатеринбурге. Здесь присутствовали делегаты от 20 организаций Зауралья, в том числе от Богословского, Михайловского, Режевского, Сысертского и других заводов⁶. Организа-

ционная и пропагандистская деятельность уральских социал-демократов еще больше усилилась с прибытием в начале августа на Урал (в Пермь) крупного партийного деятеля-большевика Федора Андреевича Артема (Сергеева).

Ряд партийных организаций, исходя из местных условий, но основываясь на ленинских принципах, выработал свои организационные уставы. Такой устав, в частности, был выработан Нижне-Тагильской организацией РСДРП. Устав гласил: «Членом партии, а значит и членом Нижне-Тагильской организации РСДРП, признается всякий, принимающий партийную программу, поддерживающий партию материальными средствами и входящий в какую-либо партийную организацию»¹. Далее указывалось, что для всестороннего и планомерного руководства партийной работой избирается центральная группа (комитет), при которой создаются коллегии: организаторская, пропагандистская, агитаторская, финансовая и техническая. Территория деятельности центральной группы делилась на 6 районов (Гальянский, Выйский, Нижне-Тагильский, Железнодорожный и Ремесленный), которые возглавлялись районными комитетами. Районным комитетам подчинялись комитеты заводов.

Подобная этой организационная структура установилась и в других социал-демократических партийных организациях Пермской губернии.

Под руководством Уральского областного бюро, куда был кооптирован Артем, с 21 по 27 сентября 1906 года в Вятке была проведена очередная Уральская конференция РСДРП. Присутствовало 12 делегатов с решающим голосом. Конференция поставила перед собой задачу выработать новую тактику борьбы партийных организаций Урала в условиях отступления революции.

В решении конференции констатировалось, что «последовавшее за декабрьским поражением пролетариата систематическое отступление революции перед реакцией, вместе с потерей большинства политических завоеваний революции, повлекло за собой резкое ухудшение в экономическом положении рабочего класса России». Решение, осуждая «непригодность и вред разрозненных выступлений»², призывало рабочих к организованной борьбе. Меньшевистский

¹ МОГА, ф. 160 (8 с.), д. 34, л. 24.

² Там же, д. 37, л. 291.

³ Там же, ф. 160, оп. 2, д. 13, л. 2.

⁴ Свердловский филиал ИМЭЛС, ф. 41, д. 15, т. 1, лл. 225—227; МОГА, ф. 160 (8 с.), оп. 1, д. 39, лл. 34—35.

⁵ Там же.

⁶ «Уфимский рабочий», № 6, 22 ноября 1906 года.

¹ МОГА, ф. 65 (4 с.), д. 127, л. 13.

² «Пролетарий», № 17, 20 октября 1907 года.

в большинстве своем ЦК получил на конференции осуждение за его «полную растерянность» и делегаты конференции высказались «за экстренный созыв Всероссийского съезда РСДРП»¹.

Но находившийся под меньшевистским руководством ЦК, вопреки воле большинства партийных организаций страны, оттягивал созыв очередного съезда партии.

Уральский областной комитет, возглавляемый Артемом, провел в трудных условиях наступления реакции значительную организационно-партийную и пропагандистскую работу. Итоги этой работы были подведены на новой областной Уральской конференции, состоявшейся в конце февраля 1907 года в Екатеринбурге. За время между двумя конференциями количество членов партии на Урале увеличилось примерно с 4 до 7 тысяч человек. Газета «Уфимский рабочий» отмечала, что «со времени прежней областной конференции работа на Урале сильно разрослась, почва для работы в высшей степени благоприятная, настроение почти всюду боевое»².

Кроме Артема, в руководстве конференцией принимал участие присланный ленинской частью ЦК на Урал М. Н. Лядов. Конференция обсуждала вопросы: о текущем моменте, о Центральном Комитете РСДРП, о роли социал-демократической фракции в Государственной думе, отчеты с мест и др. В резолюции о текущем моменте указывалось, что «затишье, переживаемое Россией, является временным» и «следует попрежнему считать неизбежным грандиозный взрыв революционного негодования народных масс»³. Осуждая деятельность меньшевистского ЦК, конференция указывала на его неспособность «руководить идейно партией» и «выполнять функции практического руководства»⁴. По вопросу о деятельности думской фракции конференция приняла решение, требующее «использовать думскую трибуну для широкой агитации социал-демократических идей в массах, для сплочения этих масс вокруг революционного ядра думы»⁵.

После конференции во всех партийных организациях Урала были проведены выборы делегатов на V съезд

РСДРП. Всего был избран 21 делегат. От Верхнекамской (Усольской) организации делегатом на V съезд был избран вождем партии Владимир Ильич Ленин. На открывшемся в мае 1907 года в Лондоне V съезде партии уральская делегация по всем вопросам следовала указаниям Ленина.

Таким образом, несмотря на предательскую тактику уральских меньшевиков, находивших поддержку со стороны меньшевистского в большинстве своем ЦК, в период отступления революции в партийных организациях Урала восторжествовали ленинские теоретические, организационные и тактические принципы.

* * *

Рассмотрим детальнее условия работы и практическую деятельность социал-демократических организаций Урала в полугодовой период отступления революции.

Партийным организациям Пермской губернии уже в начале 1906 года пришлось работать в условиях систематических ударов, наносимых полицейскими органами царизма. Только за период с 18 марта по 9 июня 1906 года Пермский комитет пережил 5 провалов, сопровождавшихся арестами. Среди них наиболее крупным был арест 23 апреля 13 человек членов кружка пропагандистов при Пермском комитете РСДРП¹.

Следующим ударом по социал-демократическим организациям Пермской губернии были разгромы лабораторий боевой техники и типографии. В ночь с 8 на 9 июня в Перми была обнаружена лаборатория выделывания бомб, найдено 11 бомб, из них 8 вполне готовых, много взрывчатого материала»². А на следующую ночь, как сообщалось в том же документе, была открыта «большая тайная типография, печатавшая прокламации, захвачено несколько пудов шрифта, стереотип, печать Пермского комитета социал-демократической рабочей партии, множество печатных... изданий».

Затем последовали разгромы социал-демократических типографий в других местах Пермской губернии. 16 июня в лесу около Нижне-Тагильского завода полицией был найден зарытый в землю ящик, в котором находилось «до полпуда типографского шрифта, валики и прочие

¹ Свердловский филиал ИМЭЛС, ф. 41, д. 15, т. I, л. 136.

² «Уфимский рабочий», № 14, 1907 г.

³ МОГА, ф. 142, оп. 2, д. 3, лл. 306—307.

⁴ Там же, л. 307.

⁵ Там же, л. 309.

¹ МОГА, ф. 142, оп. 2, д. 97, лл. 49—53.

² Там же, д. 96, л. 6.

принадлежности для печатания»¹. Через месяц, 16 июля, в подвале дома одного из жителей Верх-Исетского завода надзирателем «обнаружена тайная типография» и склад большевистских прокламаций «Ко всем гражданам Урала» и «Товарищам солдатам»².

3 августа снова в Перми на углу улиц Вознесенской и Кунгурской, в сарае дома Овчинникова была «обнаружена тайная типография Пермского комитета социал-демократической рабочей партии», причем конфискован ручной печатный типографский станок с принадлежностями и с находящимся в нем набором, озаглавленным: «Манифест ко всему российскому крестьянству»³.

Такому же разгрому дважды подвергались тайные социал-демократические типографии в Екатеринбурге. 5 сентября 1906 года здесь был «обнаружен печатный станок, три пуда типографского шрифта и одна стопа белой бумаги»⁴, 5 апреля 1907 года «отобран гектограф, талонная книжка, три пуда нелегальной литературы»⁵.

Аресты социал-демократов следовали один за другим. Кроме уже упоминавшихся июньских арестов в Перми, 5—6 декабря 1906 года были произведены обыски и аресты среди социал-демократов Турьинских рудников⁶; 2 мая 1907 года из Екатеринбурга в Пермь телеграфировали, что «1-го мая взята районная организация социал-демократической рабочей партии»⁷; 5 мая была разгромлена парторганизация Нейво-Алапаевского завода⁸ и т. д.

Но и в этих тяжелых условиях социал-демократические большевистские организации вели широкую агитационную и пропагандистскую работу среди трудящихся масс. Особенно большие размеры приобрело распространение прокламаций, листовок, воззваний и брошюр. Достаточно указать, что только Пермским комитетом в апреле 1906 года было выпущено 19 200 экземпляров прокламаций, в мае — 12 500 экземпляров прокламаций и т. д.⁹.

О широком распространении социал-демократических прокламаций и листовок сообщали 12 июня из Нижнего Тагила, 27 июня — из Чусового, 31 июня — из Лысьвы, 3 августа и 4 октября — из Михайловского завода¹ и т. д.

В извещении об областной Уральской конференции указывалось, что к сентябрю 1906 года Уральский областной комитет продолжал издавать газету «Рабочий», после некоторого перерыва возобновил печатание «Солдатской газеты» и приступил к выпуску «Крестьянской газеты»². Все они распространялись среди трудящихся Урала.

Из доклада пермского губернатора в департамент полиции видно, что в октябре 1906 года революционные воззвания и листовки распространялись в Пермском, Оханском, Екатеринбургском, Соликамском, Чердынском, Верхотурском, Ирбитском, Камышловском, Красноуфимском, Кунгурском и Осинском уездах. Следовательно, из 12 уездов Пермской губернии только один Шадринский уезд не был охвачен революционной прокламационной литературой³. Такая активная прокламационно-пропагандистская деятельность социал-демократических организаций продолжалась вплоть до мая 1907 года.

Среди вопросов, которыми занимались социал-демократы Урала в период отступления революции, важнейшее значение приобрели выборы в Государственную думу, борьба за революционизирование армии и создание вооруженных боевых дружин.

В период наивысшего подъема революционной борьбы, 11 декабря 1905 года, царизм издал указ об избирательной системе при выборах в первую Государственную думу. Закон преследовал цель отвлечения масс от революционной борьбы конституционными иллюзиями. В условиях, когда спад революционной волны не был вполне ясным, большевистские организации Урала, как и большевики всей страны, выступили за бойкот выборов в думу. В резолюции Екатеринбургского комитета РСДРП о Государственной думе, распространенной в виде прокламации, указывалось: «Екатеринбургский комитет выражает уверенность в том, что товарищи рабочие приложат все свои

¹ МОГА, ф. 160 (8 с.), оп. 1, д. 153, л. 100; ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 120, л. 75; д. 123, л. 22; ф. 142, оп. 1, д. 87, л. 24; ф. 160, оп. 1, д. 73, л. 1.

² «Пролетарий» № 17, 20 октября 1907 года.

³ МОГА, ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 127, лл. 312—315.

¹ МОГА, ф. 160 (8 с.), оп. 1, д. 153, л. 109.

² Там же, ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 125, лл. 58—58 об.

³ ЦГИАМ, ф. ДП, 00, 1906 г., д. 25, ч. 58, л. 3.

⁴ Там же, л. 11.

⁵ МОГА, ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 121, л. 109.

⁶ Там же, ф. 160 (8 с.), оп. 1, д. 153, лл. 210—211.

⁷ Там же, ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 138, л. 374.

⁸ Там же, ф. 160 (8 с.), оп. 1, д. 170, лл. 116—117.

⁹ Ф. Е. Мельников, Указ. соч., стр. 117.

усилия к тому, чтобы сорвать эту полицейскую думу путем как отказа принимать участие в выборах в нее, так и путем широкого использования избирательных собраний для выяснения рабочему классу и крестьянству истинного характера этой думы и для агитации за всенародное вооруженное восстание»¹. В листовке Пермского комитета подчеркивалось, что «рабочие должны отказаться от выборов, должны объявить, что они бойкотируют полицейскую думу, что они требуют созыва Учредительного собрания, на основании всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосов»².

Призывая бойкотировать выборы в думу, социал-демократические организации разъясняли трудящимся, что они вместе с тем должны «подавать заявления и записываться в списки избирателей» ибо «с правом участия в выборах связано другое право — право участия в предвыборных собраниях», где можно будет отстаивать «свои интересы»³.

Под влиянием социал-демократических организаций был успешно проведен бойкот выборов в первую Государственную думу на Лысьвенском, Мотовилихинском, Сысертском, Верх-Исетском, Нижне-Тагильском и многих других заводах Пермской губернии⁴.

Все это делалось в противовес меньшевикам, призывавшим участвовать в выборах в думу, и либералам, желавшим думе «бодрости, сил и самоотверженной стойкости в борьбе»⁵.

Обсуждение в думе одного из важнейших вопросов революции — аграрного — обнаружило, что дума оказалась непослушной царизму. Указом от 8 июля 1906 года первая Государственная дума была распущена. Социал-демократические организации Урала в своих прокламациях разъяснили трудящимся массам смысл происшедшего события. «Царь, торжественно обещавший при открытии Государственной думы охранять ее, — подчеркивалось в листовке Нижне-Тагильской группы РСДРП, — нагло нарушил свое обещание. Это не в первый раз, когда царь изменяет своим словам. Царь своим последним

актом о распусчении Государственной думы бросил дерзкий вызов всей стране»¹. В связи с роспуском первой думы социал-демократические организации Пермской губернии выпустили около десятка подобных воззваний, листовок и прокламаций.

Царизм, изменив закон от 11 декабря 1905 года в пользу господствующих классов, вскоре объявил о выборах во вторую Государственную думу с тем, чтобы созвать ее 20 февраля 1907 года. В это время стало уже ясно, что революция идет на убыль. Учитывая возможность использования Государственной думы для разоблачения царизма и либерализма, для борьбы за влияние на крестьянство, большевистская партия по предложению В. И. Ленина приняла решение об участии в выборах во вторую Государственную думу. Исходя из этих марксистских установок, большевики Урала призывали рабочих «принять самое энергичное участие как в выборах, так и в самой думе»². В резолюции общеуральской конференции подчеркивалось, что «социал-демократы должны участвовать в выборах в думу, проводить в нее своих депутатов, чтобы самую думу превратить в орган разрушения старой власти, чтобы из революционных элементов думы создать объединяющий центр русской революции»³.

В период предвыборной кампании социал-демократические организации Урала провели среди населения огромную разъяснительную работу. Один только Екатеринбургский комитет в течение месяца накануне выборов распространил около 150 000 различного рода листовок и воззваний. Прокламации обычно заканчивались призывом: «Голосуйте за социал-демократов!»⁴.

Предвыборная кампания большевиков Пермской губернии имела значительный успех. Сентябрьская уральская партийная конференция 1906 года отметила в своем решении следующее: «Предвыборная кампания всюду проходит удачно для нас в рабочей курии, отчасти в крестьянской. Повсюду по Вятской, Пермской и Уфимской губерниях в уполномоченные от рабочих прошли социал-демократы.

¹ МОГА, ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 119, л. 253.

² Там же, ф. 160 (8 с.), оп. 1, д. 138, л. 52.

³ Там же, ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 129, л. 26.

⁴ Ф. Е. Мельников, Указ. соч., стр. 117; Очерки истории большевистских организаций на Урале, стр. 105—106.

⁵ «Камский край», № 32, 1906 год.

¹ МОГА, ф. 160, оп. 2, д. 28, лл. 1—3.

² Там же, ф. (4 с.), оп. 1, д. 145, л: 67:

³ Свердловский филиал ИМЭЛС, ф. 41, оп. 1, д. 472, лл. 102—103.

⁴ «Уфимский рабочий», № 13, 23 февраля 1907 года; МОГА, ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 152, л: 55 и др:

На губернские выборы всюду обеспечена победа социал-демократов по рабочей курии. Во многих местах от крестьян прошли социал-демократы, а в большинстве по Уралу левые»¹.

Все 7 выборщиков от Мотовилихи прошли по большевистскому списку. Среди них были большевики Обросов, Иванченко, Каренин, Трошин, Оборин и др.². Во время баллотировки выборщиков в Екатеринбурге из 168 голов 120 голосов получили социал-демократы³. В результате в числе 12 депутатов, посылаемых от Пермской губернии во вторую Государственную думу, 3 депутата были большевиками⁴.

Однако второй Государственной думе удалось продержаться недолго. По своему составу она была также негодной царизму. Воспользовавшись сфабрикованным охранкой провокационным обвинением социал-демократической фракции в подготовке «государственного заговора», глава царского правительства Столыпин 3 июня 1907 года распустил вторую Государственную думу.

Вслед за этим был издан новый закон о выборах в третью думу, по которому большинство мест обеспечивалось помещикам и крупной буржуазии. Акт разгона второй Государственной думы известен в истории как третьеиюньский государственный переворот, так как правительство нарушило манифест 17 октября 1905 года, по которому новые законы можно было издавать только с согласия думы.

Большое внимание уделяли социал-демократические организации Пермской губернии работе среди войск. В расположенных здесь армейских частях широко распространялись листовки «К солдатам Семеновского полка», «Казакам», «Армии», «Уральским казакам, командированным в разные города», и др. Прокламации провозглашали «союз между солдатами, рабочими и крестьянами», подчеркивали, что «прошло то время, когда войско спало непробудным сном», а казаков призывали: «Смело отка-

житесь быть палачами и идите в свои станицы, где теперь голодают от неурожая ваши старики и дети»¹.

В начале января 1907 года Пермский комитет РСДРП провел собрание представителей солдат Пермского гарнизона. Собрание приняло специальное «Обращение солдат к народу», в котором указывалось: «Мы поняли, что надо раньше уничтожить власть царских приспешников, чтобы провести хотя какое-нибудь улучшение в жизни народа. Мы поняли, что только всенародное восстание способно победить, способно дать власть народу. Мы поняли, что надо идти с народом»².

Значительная работа проводилась социал-демократическими организациями также среди новобранцев. Им адресовались воззвания «Ко всем рекрутам», (Екатеринбургский комитет), «Ко всем новобранцам» и «К молодым солдатам» (Пермский комитет). «Правительство через армию расстреливает народ, — разъясняла одна из прокламаций. — Ни одного солдата в армию, — заявляем ему мы»³. «Организовуйтесь, сталкивайтесь между собой и дружно отказывайтесь идти против восставшего за лучшую долю народа», — поучала другая прокламация. «Да здравствует союз революционного народа и революционного войска!» — провозглашала третья и т. д.⁴.

Больших успехов в пропагандистской и организационной работе среди войск добились Нижне-Тагильская и Алапаевская социал-демократические организации. Губернатор сообщал командиру 2 бригады 3 дивизии 11 июля 1906 года, что находящиеся в Нижне-Тагильском заводе солдаты 11 пехотного Псковского полка «входят в близкие сношения с неблагонадежными в политическом отношении рабочими, прогуливаются вместе с ними в праздничные дни и ведут беседы на современные политические темы, причем на вопрос, зачем они стреляют в народ при забастовках, нижние чины ответили, что стрелять больше не будут»⁵. Социал-демократическая пропаганда в Алапаевске привела к тому, что канцелярия губернатора сообщала «об отказе воинских нижних чинов, в том числе и

¹ «Пролетарий», № 17, 20 октября 1907 года.

² МОГА, ф. 65, оп. 1, д. 728, л. 181, ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 8, л. 181.

³ Очерки истории большевистских организаций на Урале, стр. 121.

⁴ Ф. Е. Мельников, Указ. соч., стр. 135—136.

¹ МОГА, ф. 160, оп. 2, д. 6, л. 29; ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 123, лл. 22—23; д. 120, л. 70; д. 129, лл. 69—70.

² Там же, ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 152, л. 60.

³ Там же, д. 127, л. 282.

⁴ Там же, ф. 160, оп. 2, д. 6, лл. 5—7.

⁵ Там же, ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 13, л. 268.

казаков Уральского 1-го полка, исполнять свой долг при умирении рабочих Алапаевского завода»¹.

Однако все это были только первые шаги в направлении борьбы за армию, за переход армии на сторону народа.

Поскольку в 1906 году социал-демократические организации Урала верили в близкое успешное развитие революции, они уделяли исключительно много внимания созданию боевых дружин из рабочих. Этой работой занимались лично Я. М. Свердлов и Артем.

Уже в начале 1906 года были восстановлены боевые дружины в Мотовилихе, созданные еще в период подготовки к вооруженному восстанию. За Камой и Егошихой Пермский комитет РСДРП организовал «обучение местной боевой дружины»².

Пермский комитет выработал и утвердил два документа: «Устав боевой организации РСДРП» и «Устав боевой дружины РСДРП». В первом из уставов указывалось, что при Пермском комитете РСДРП «в целях успешной технической подготовки боевиков и планомерного руководства боевыми действиями в момент массового выступления... в городе учреждается военно-боевой коллектив»³. Военно-боевой коллектив (ВБК) состоял из трех лиц-организаторов: военного, боевого и начальника штаба. В период восстания в состав ВБК входило еще 2 члена местного комитета.

При ВБК создавалось шесть следующих групп:

1. Военно-техническая группа, ведающая заготовкой и транспортировкой оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, а также подготовкой взрывных снарядов, бомб, гранат.

2. Коллегия инструкторов, обучающая дружины военному делу.

3. Штаб разведчиков, добывающий всякие сведения, нужные ВБК.

4. Финансовая группа, изыскивающая для ВБК необходимые материальные средства.

5. Санитарный отряд, готовящий себя к тому, чтобы в случае необходимости оказать боевым отрядам медицинскую помощь.

¹ МОГА, ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 119, лл. 394—394 об.

² Там же, ф. 162 (10 с.), оп. 1, д. 124, л. 938.

³ Там же, ф. 160, оп. 2, д. 4, л. 20.

6. Главный штаб, непосредственно руководящий технической подготовкой вооруженного восстания и разрабатывающий детальные планы его.

ВБК назначал во все районы города своих ответственных представителей, которые входили в состав райкомов с правом решающего голоса. При начале вооруженной борьбы «вся власть и руководство восстанием переходит в руки ВБК»¹.

«Устав боевой дружины» давал указание, как построить систему боевых единиц, находящихся под руководством ВБК. В начале устава указывалось, что «неизбежность вооруженного восстания масс против существующего строя ставит на первый план сознательного пролетариата организацию боевых дружин, которые способны были бы взять на себя инициативу в момент восстания и планомерно руководить до конца боевыми действиями восставшего народа»².

Боевые дружины создавались по предприятиям каждого района. Они оформлялись в пятки (5 человек), десятки (11 человек), команды (45 человек) и районные отряды. Начальник каждого боевого подразделения избирался самими дружинниками, а во главе районного отряда боевых дружин был районный военно-боевой комитет.

В число дружинников принимались лица, рекомендованные партийным комитетом или дружинниками и утвержденные на общем собрании дружинников. В подразделениях боевых дружин устанавливалась строгая сознательная военная дисциплина. За троекратную неявку на собрание или занятие дружины дружинник исключался из ее состава. Для поддержания воинской дисциплины в районных отрядах создавались специальные суды.

В целях увеличения дружин за счет беспартийных рабочих один из параграфов устава гласил: «Рекомендуется товарищам боевикам составлять собственными силами пятки, десятки и т. п. из беспартийных, но революционно настроенных товарищей, с целью превратить их, посредством социал-демократического воспитания, в партийных»³.

Наиболее организованной среди дружин Пермского комитета была боевая дружина Мотовилихинского завода.

¹ МОГА, ф. 160, оп. 2, д. 4, л. 20 об.

² Там же, л. 21.

³ Там же, ф. 160, оп. 2, д. 4, л. 22.

возглавлявшаяся Михаилом Собакинским. В нее входили Константин Бессонов, Николай Завьялов, Василий Новожилов и др., являвшиеся командирами десятков дружины¹. По данным охранки, Мотовилихинская дружина насчитывала в своих рядах 32 человека², но нужно полагать, что ее состав был значительно большим.

В 1906 году в Екатеринбурге при комитете РСДРП также росла и укреплялась боевая дружина, созданная еще в 1905 году и возглавлявшаяся вначале Н. Вилоновым, а позже Ф. Сыромолотовым. Военное обучение екатеринбургских дружинников проводилось в лесу, за городом, в районе Верх-Исетского завода. Такие же, как в Перми и Екатеринбурге, боевые дружины существовали и при некоторых других комитетах РСДРП Пермской губернии.

Боевые дружины совершенствовали свою боевую выучку систематическими военно-тренировочными занятиями по тактике, топографии, боевой стрельбе и т. д. Нередко дружинники по указаниям и под руководством того или иного комитета РСДРП проводили необходимые для партии реквизиции оружия, гектографов, типографского шрифта, а также денежных средств, принадлежащих казне.

Эти операции боевых дружин при партийных комитетах имели другой характер, чем реквизиции, которые осуществляли действовавшие в то время в Пермской губернии Лбов и его последователи. Александр Лбов был одним из активных участников декабрьского вооруженного восстания в Мотовилихе и командовал боевой дружиной. После поражения восстания Александр Лбов вместе со своим другом Михаилом Стольняковым и дружинниками ушел в лес и продолжал борьбу. Боевики, которыми руководил Лбов, называли себя «лесными братьями», «коммунистами-анархистами». В первое время они мстили царским властям за разгром восстания и издевательства над рабочими путем наказаний и убийств отдельных представителей власти. Одновременно лбовцы проводили реквизиции денег, взрывчатки и других материальных ценностей, что вызывало ответные карательные меры полицейских органов. Отрядами Лбова были про-

ведены реквизиции денег винных лавок в селе Стряпунята, Оханского уезда, и селе Троицком, Пермского уезда, ссудно-сберегательной кассы Государственного банка в Перми, почтового отделения в Мотовилихе, кассы парохода «Анна Степановна» на Каме и склада Нобеля на Соликамском тракте¹.

3 мая 1906 года лбовцы, после вооруженного налета, взяли из склада Архангело-Пашийского завода 4½ пуда динамита, 5 тысяч капсюлей и 700 аршин бикфордова шнура. Одновременно они совершили налет на сборщика денег винных лавок Пермского губернского акцизного управления².

Попытки Пермского социал-демократического комитета взять под свой контроль Лбова и его отряд «лесных братьев» не увенчались успехом. Лбов, будучи неграмотным выходцем из крестьян, выражал их стихийный мелкобуржуазный протест. Не вина Лбова, а его беда состояла в том, что он не видел изменившейся в ходе развития революции обстановки, не понимал необходимости изменения тактики борьбы. Являясь по своим убеждениям мелкобуржуазным демократом, Лбов искренне верил в то, что он стоит на правильных позициях, и с этой верой он мужественно сражался с царскими опричниками, пока не пошел на виселицу.

Политическую неопределенность Лбова использовали в своих партийных целях эсеры, оказавшие на него влияние через посланных ими в среду «лесных братьев» специальных представителей.

Чувствуя ощутительные удары полиции по революционным организациям в связи с действиями лбовцев, Пермский комитет РСДРП 21 октября 1906 года принял решение «о роспуске боевой дружины, неподчинявшейся партийной дисциплине»³.

Однако деятельность лбовцев продолжалась. Это заставило Пермский комитет 2 августа 1907 года выпустить специальное воззвание, в котором он изложил свое отношение к эсеровской тактике отряда Лбова. В прокламации указывалось: «Российская социал-демократическая партия, как партия пролетариата, является ярким противни-

¹ МОГА, ф. 160 (8 с.), оп. 1, д. 37, лл. 75—80.

² Там же, лл. 81—85.

¹ МОГА, ф. 160 (8 с.), оп. 1, д. 37.

² Там же, д. 152, л. 30.

³ Там же, ф. 160, оп. 1, д. 10, лл. 1—2.

ком всех индивидуальных средств борьбы, борьбы в одиночку, борьбы, оторванной от масс, борьбы, в которой массы не участвуют, а только платятся своими боками». Давая оценку действиям лбовцев, эта прокламация подчеркивала: «Необходимо самым широким слоям уяснить сущность способов борьбы, применяемых так называемыми «лесными братьями», «анархистами-коммунистами» и т. п. Необходимо, чтобы самые широкие слои поняли всю непригодность этих средств борьбы, весь вред, причиняемый ими делу развития классового самосознания пролетариата, делу революции»¹.

Таким образом, отряд Лбова из поддерживающего силы революции превратился в эсеровско-анархистский отряд, мешавший организованному отступлению революционных сил, приносящий вред рабочему движению.

Революция 1905—1907 годов на Урале отступала с крупными арьергардными боями. По своему размаху рабочее и крестьянское движение в 1905—1907 годах не уступало первым месяцам революции в 1905 году. Укрепляя свои ряды и совершенствуя формы деятельности, социал-демократические организации Урала в период отступления революции с честью справились со сложнейшими задачами изменения тактики. Они успешно провели кампанию по выборам во вторую Государственную думу, настойчиво боролись за армию, создали организованные боевые дружины рабочих.

¹ МОГА, ф. 65 (4 с.), оп. 1, д. 145, л. 52.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Революционные события 1905—1907 годов на Урале были составной частью народной революции в России. Они имели, однако, ряд специфических особенностей, вытекающих из исторически сложившихся местных условий. Особенностью Урала в период революции 1905—1907 годов было то, что здесь больше, чем в других местах России, сохранились пережитки крепостничества, прежде всего — крупное помещичье и посессионное землевладение, в котором широко применялись отработки.

К моменту революции технически отсталый Урал потерял ведущее место в России по производству металла. В связи с бурным развитием молодой промышленности Юга, Урал был отнесен на второй план.

Специфической чертой уральского пролетариата было наличие у большей части горнозаводского населения личного хозяйства и земельных наделов, привязывавших рабочих к месту жительства. Процесс перемещения населения был на Урале слабо выражен, что несколько тормозило формирование политического мировоззрения пролетариата.

Рабочий класс Урала накануне и в период революции был неоднородным и пестрым по своему составу. Наряду с оседлым горнозаводским населением, здесь появилась к этому времени значительная прослойка так называемых «пришлых» рабочих, которые не были связаны с землей и являлись, в основном, наиболее революционной частью уральского пролетариата.

Несмотря на неоднородный состав, уральский пролетариат, руководимый большевистской партией, выступая в массовых экономических и политических стачках,

политических демонстрациях и вооруженных столкновениях, был активным участником и руководителем-гегемоном революционной борьбы.

Крестьянство Урала, угнетаемое крупными помещиками-заводовладельцами, направляло основное острие своей борьбы против латифундий, за увеличение своих прав на владение землей и особенно лесом, что выражалось в захватах помещичьих земель и самовольных порубках леса. Находившиеся под влиянием, главным образом, эсеров и их Всероссийского крестьянского союза, крестьянство Урала, хотя и выступало на борьбу вместе с рабочим классом, но его выступления были запоздалыми и слабо организованными.

Расположенные на Урале войска в основном остались верными царизму. Усиленная социал-демократическая пропаганда среди солдат, особенно развившаяся в 1907 году, давала некоторые, но еще очень незначительные результаты.

Мелкобуржуазная интеллигенция и либерально-буржуазные круги Урала в периоды наибольших подъемов революции нередко поддерживали требования революционных масс о свержении самодержавия, но не проявляли стойкости и под ударами царизма быстро отходили с этих позиций.

Во главе трудящихся масс Урала в период первой революции выступали социал-демократические организации, в которых ведущую роль играли большевики. Многие партийные организации, особенно парторганизации крупных промышленных центров — Пермь с Мотовилихой, Екатеринбург, Надеждинского завода и др. — показали образцы героической работы по руководству рабочими массами. Оторванность от основных пролетарских центров страны, недостаток опытных кадров, частые провалы и трудности охвата многочисленных, разбросанных на огромной территории предприятий, обуславливали в целом недостаточную широту и активность социал-демократической работы в этом районе. Однако в результате революционной борьбы 1905—1907 годов, в результате деятельности на Урале выдающихся работников большевистской партии Я. М. Свердлова, Ф. А. Артема (Сергеева), К. Т. Новгородцевой, М. Н. Лядова произошло общее укрепление партийных организаций, их сплочение на ленинских большевистских позициях.

В своем развитии революция 1905—1907 годов на Урале в основном прошла те же этапы, которые наблюдались в общероссийском масштабе. Все революционные события на Урале в 1905—1907 годах, как и во всей стране, четко разделяются на два этапа: этап подъема революции до декабрьского вооруженного восстания в Мотовилихе в 1905 году и этап отступления революции в 1905—1907 годах. В свою очередь первый этап революции по содержанию, масштабам и формам революционной борьбы можно условно разделить на три периода: период первых откликов на начало революции в Петербурге (январь-апрель), период углубления революции летом (май-сентябрь) и период наивысшего подъема революционной борьбы, связанной с всеобщей октябрьской политической стачкой и декабрьским вооруженным восстанием (октябрь-декабрь 1905 года).

Говоря об общих процессах развития революции 1905—1907 годов на Урале, нужно подчеркнуть, что уральский пролетариат откликнулся на январские события в Петрограде с некоторым опозданием. Поворот произошел только в майские дни, когда рабочие Урала ответили не только стачками, но и политическими, а иногда и вооруженными демонстрациями, как это было, например, 14—15 мая в Перми. Выступления же крестьян стали массовыми только в третий период первого этапа революции и продолжались со спадом в 1906 году.

Историческое значение первой русской народной революции для Урала состояло в том, что она всколыхнула здесь широкие народные массы и подвела их к пониманию общедемократических задач революционной борьбы, что сыграло важную роль на последующих этапах истории.

Рабочий класс Урала в процессе борьбы за общенародные интересы освобождался от узкоместнических, полупатриархальных и мелкособственнических пережитков и стал последовательно революционной силой, одним из главных отрядов русского пролетариата, ведущего за собой основную массу крестьянства.

Выступая во главе всех демократических элементов, рабочий класс Урала в ходе революции создавал свои организации в виде Советов депутатов, стачечных и профсоюзных комитетов и т. д. Наибольшее значение приобрели Советы рабочих депутатов, превратившиеся в ряде мест из органов стачечной борьбы в органы подготовки

и проведения вооруженного восстания, в зародыши новой власти.

Из разрозненных мелких социал-демократических групп искровского направления социал-демократическая организация Урала в ходе революции, в упорной борьбе против меньшевиков превратилась в крупный спаянный коллектив единомышленников, способный возглавить революционное движение масс в грядущих боях.

Как и для всех угнетенных масс страны, революция 1905—1907 годов для рабочих и крестьян на Урале была генеральной репетицией революции 1917 года.

«Дело революции, за которое полвека назад развернулась первая героическая битва народов России, ныне неизмеримо выросло и окрепло. Ярким свидетельством этого является образование и укрепление демократического и социалистического лагеря, в авангарде которого идет Советский Союз»¹.

¹ Пятьдесят лет первой русской революции (тезисы), Госполитиздат, 1955, стр. 32.